

*Я пойду
за тобой*

**СВЕТЛАНА
ЧЕРЕМУХИНА**

Аннотация

Можно ли купить любовь? И сколько это будет стоить? А взять силой? А если любовь при этом сильно сопротивляется? И что же делать, когда уважение и обожание жизненно необходимы? Проблема зависимости и подчинения не нова, и вопрос этот решали величайшие умы на протяжении многих веков, но мы не претендуем на их опыт и знания. Великие войны разражались для того, чтобы свергнуть это иго, а что делать простой скромной девушке, однажды попавшей в подобное положение?

Светлана Черемухина

Я ПОЙДУ ЗА ТОБОЙ

Одинокой звездой освещая твой путь
Я пойду за тобой, как фонарик во тьме.
Как сестра милосердия буду лечить твоё
сердце,
Которое бьется во мне...

ГЛАВА 1

Ветер бил в лицо, вышибая слезу, и Саша ежилась, втягивая шею в плечи, пытаясь поглубже закутаться в теплый вязаный шарф. Вот же дурочка — выщелкнулась без шапки, теперь мерзнет. И о чем только думала, собираясь на работу, хотя что тут говорить — по утрам она вообще не думает, ни о чём.

Дело в том, что у Саши никогда не бывает доброго утра. Начинается оно всегда одинаково — со страдания, когда звонит будильник, возвещая окончание ночных грез, и беспардонно вытаскивает ее в холодную реальность хмурого утра. Саше,

слава небесам, никогда не снятся кошмары, а посему к таковым она относит свой каждодневный неизбежный подъем с постели. Помогает ей только развитое до невообразимых размеров чувство ответственности и сила воли, которой она и сдирает себя с простыней.

Собиралась она всегда на автомате, и включить мозг в такой час было выше ее сил. Это за нее обычно делал Федор. Он сообщал ей примерную температуру «за бортом» и рекомендовал определенную одежду. Сегодня же его не оказалось дома по причине «аврала» на работе, который он устранял со вчерашнего вечера, и Саша оказалась на улице одна, неподготовленная и беззащитная, один на один с приближающимся твердой поступью суровым ноябрем. Сейчас ветер безнаказанно трепал ее белые локоны, жег морозом щеки, а еще уверяют, что у природы нет плохой погоды. Хотя, была бы шапка на ушах — и переживать бы было не из-за чего.

Тяжелое небо давило на плечи, скрывая солнце за толстым слоем грязно-серых облаков и предвещая пасмурный день.

Саша наклонила голову и исподлобья обзревала двор, пока ветер гонял всякий сор, листья, обертки от сигаретных пачек, устраивая маленькие завихрения вокруг ее ботинок.

Девушку обгоняли такие же скукоженные от

утреннего морозца прохожие, спеша укрыться в душных салонах троллейбусов и трамваев по пути на работу, и такая «выщелкнутая» она оказалась далеко не одна.

Стайка студенток пронеслась, обдав ее удушливым ароматом приторно-сладких духов. Уши заткнуты наушниками-капельками, на юных лицах яркий макияж, длинные тощие ножки втиснуты в ультра-узкие джинсы, и все как одна без головных уборов, с красными носами. Саша, должно быть, выглядит не лучше.

Молодая семейная пара выскочила из ближайшего подъезда у нее перед носом, таща упирающихся двойняшек в виднеющийся по правую руку детский сад, благо, что рядом. Папа — одного карапуза, мама — другого. Невообразимый ор малышни извещал всю округу о их несогласии с решением родителей по поводу раннего подъема.

С сочувствующей улыбкой Саша проводила беспокойное семейство, когда ее обогнала тетя Маша. Походкой уточки с бидоном наперевес она направлялась в соседний двор. Пенсионерка спешила на «слет старых дев», где у бочки со свежим молоком можно посплетничать о жизни с такими же кумушками и обсудить нравы нонешней молодежи.

А вон вышел... Так, только не смотреть в его сторону, только не смотреть. Саша поправила

рюкзак, накинутый на одно плечо, демонстративно глаза на окна дома, мимо которого сейчас проходила, но что ей делать, если она все равно все видела.

Высокий поджарый мужчина неспешно обходил машину, попиная колеса, в губах торчала сигарета, но руки из карманов он не спешил вынимать — холодно. На лице — как всегда — хмурая сосредоточенность, весь в себе, решает какие-то проблемы, кроссворды, задачки. Может, он просто такой по жизни, вечно всем недовольный и раздраженный? На все ему плевать.

На все, да не на все. Вот женщины его никогда не злят, с ними он преображается, и если бы Саша попыталась рассказать им, каким видит их обожаемого «Олежека» по утрам в будние дни, они бы просто рассмеялись ей в лицо. У них у всех такой смех — нежный, томный, грудной. Отрепетированный. И все как одна — ухоженные и красивые. Роскошные женщины. Саша никогда такой не станет, даже если доживет до их лет.

А сколько им? Нет, они не старые, они — зрелые. Состоявшиеся, налившиеся своей красотой и проникшиеся своей значимостью, как старое выдержанное вино, ценность которого с годами только увеличивается.

Он как раз из таких ценителей. Ему не нужны молоденькие глупышки с ногами от ушей. Он не

гонится за пятым размером груди и не пускает слюни вслед узкобедрым блондинкам.

Нет, все его женщины — отборные экспонаты в дорогой и редкой коллекции, собранной с любовью и старанием. Где он их только находит — таких красивых, уверенных, знающих себе цену?

Саша вздохнула. Ну вот, опять. Не хотела же смотреть на него, но куда бы она не поворачивала свою непутевую голову, на что бы не устремляла свой взгляд, она всегда видела его, всегда замечала. Она даже в городе, бредя по центру, могла безошибочно определить его машину в потоке иномарок, и разглядеть его сосредоточенное лицо за стеклом.

Где бы он ни появлялся, он всегда попадал в поле ее зрения. Хорошо хоть, что не преследует ее во сне. Еще чего не хватало.

Она давно миновала двор, оставив красивого хмурого типа наедине со своей машиной далеко позади, и уже вывернула на финишную прямую — асфальтированную дорожку, ведущую к забитой рабочим людом остановке — но в голове все еще витал его образ, как послевкусие от глотка вина, и не спешил покрываться дымкой и растворяться в суете мыслей. Губы как всегда сомкнуты, строгая складка вокруг них, взгляд холодный и колючий, и постоянное выражение ленивой брезгливости. Злой, взъерошенный и опять небритый.

Саше не нравились небритые мужчины, но ему шло, это она признала сразу. Ему вообще шло все. Во что бы он ни был одет, в строгий костюм под дорогим кашемировым пальто, или в потертые синие джинсы с темным свитером крупной грубой вязки, он одинаково притягивал любопытные взоры, не только Сашин. И как бы ни смотрел он на этот мир, недовольно, с раздражением в серых глазах, когда собирался на работу или возвращался вечером усталый и замкнутый, или с улыбкой довольного кота, когда привозил к своему подъезду очередную женщину, он был хорош. Неспешно, преисполненный достоинства, он помогал очередной женщине выбраться из своего авто, подавая ей руку, широкую крепкую ладонь с длинными пальцами, наверняка теплую, и даже возможно немного влажную.

Саша, когда видела это, всегда облизывала пересохшие губы, испытывая необъяснимое волнение, как будто этот жест был очень личным и даже интимным. Она всегда при этом отводила глаза, будто подглядела за чем-то слишком откровенным, чтобы на это можно было вот так беспардонно глазеть.

Мужская ладонь как знак доверия и высочайшей милости, как подтверждение избранности той, к кому она была протянута. И женщины вкладывали в нее свои пальцы, часто

украшенные золотыми кольцами и перстнями. Понимали ли они, что в этот момент их принимали, впускали в свою жизнь? Ненадолго, правда, всего на один раз, Саша это всегда отмечала, запоминая его избранниц и каждый раз видя новые лица, но все же...

Легкий женский смех, низкий тон его голоса, не разобрать, что он говорит, но по улыбке его спутницы можно догадаться — что-то приятное. Тонкий аромат духов, облако терпкого мужского парфюма, и вот пара скрывается в подъезде, с легкой трелью дверь захлопывается, и если немного подождать, то можно увидеть, как через пару минут вспыхнет свет в окне на третьем этаже.

Саша давно уже не ждала и на окна не смотрела. Лишь завидев черный Мерседес, выходящий во двор из-за угла, она неслась домой, в свою квартиру, готовить Федору ужин, или бездумно тарашиться в телевизор, или читать какую-нибудь книжку, не видя ни строчки, ни буквы в ней.

Стоило ей подойти к окну и выглянуть во двор, она тут же впивалась взглядом в его окно, и по тому, закрыты ли уже гардины, могла определить, на какой стадии сейчас свидание.

Подумать только, он примерно одного возраста с Федором, но какие они разные. Федя тоже красив, этого у него не отнять, что он, что

мама — тонкие правильные черты лица, в какой-то мере даже женственные. Но Федор серьезен и строг, он вообще моралист. Видимо, так и умрет бобылем, не познав радости семейной жизни и вообще женских прелестей, но в целом он не создает впечатления несчастного человека. Цену себе знает, уважение имеет, от комплексов не страдает.

Саша жила у родственника уже шестой год и ни разу не пожалела об этом. Пусть мать жалеет, но, похоже, этого никогда не произойдет. Пока с ней Макс, она будет пьяна и глупа, доверчива и наивна. А когда придет отрезвление — ей понадобится помощь психолога, в этом Саша не сомневалась: она-то знала такой тип мерзавцев и видела Макса насквозь.

* * *

Как же хорошо с мороза попасть в свой уютный светлый кабинет с большими окнами, красивой мебелью и такими удобными креслами!

Рабочее утро, как всегда, началось с чая. Обхватив горячую чашку обеими ладонями, Саша блаженно улыбалась, грея нос в тонкой струйке пара, поднимающегося с темной зыбкой поверхности. Что может быть лучше — оставить за тяжелой дверью этот бешеный ветер и ледяное

дыхание осени и обрести, наконец, покой, попав в иное измерение, где всегда царит мир и гармония.

Можно помечтать или подремать — никто мешать не будет. Саша любила это время: день еще не вступил в свои права, рабочая суэта еще не завлекла в свой водоворот, все девчонки немного сонные и заторможенные, и никто не отвлекает тебя разговорами. Потом, все будет потом, а эти минуты — только ее.

Тихое жужжание коллег не отвлекало, создавая приятный фон для собственных мыслей. Девчонки кто красился, кто, догонялся бутербродами и йогуртом, как Лиля, которая всегда и везде опаздывала и ничего не успевала, во сколько бы она ни поднялась и не вышла из дому. Вскоре запахло кофе — это Лида как всегда, заварила себе ударную чашку крепчайшего, чтобы «торкнуло», как она всегда говорила.

Саша любила чай, без сахара и бутербродов, просто смакуя терпкий крепкий напиток. За это ее дразнили, не зло, без издевок (в их отделе вообще были запрещены ссоры и грубость: спасибо Марине, не терпящей никаких стерв кроме себя, о чем она предупредила всех и каждую), и называли англичанкой.

Это было символично, тем более, что их босс на самом деле был настоящим англичанином, породистым аристократом с корнями, уходящими в

глубокую старину, и все работники ООО «Эйч Ви Корпорейтед» за глаза звали его Графом.

Саше нравился ее начальник. Она уважала таких людей — они умели работать и ценили это качество в других. Своих подчиненных Граф никогда не обижал, всегда умел заметить их старание, даже если результат был невелик и незначителен. Бесконечно деликатный и внимательный мужчина. Гхм, человек.

К нему в кабинет Саша попадала не часто. Когда ему требовались различные отчеты, графики погашения платежей или какая-нибудь статистика, к нему отправлялась Марина, предварительно подкрасив губы, поправив прическу, и без того безупречную, и одернув свой костюм или платье. На Сашины плечи эта Почетная Обязанность (именно так, с большой буквы — как и обо всем, что имело отношение к Графу) ложилась, когда Марина отбывала в командировку в область. Старший экономист компании объезжала владения Графа, собирала информацию и данные для обработки, чтобы ее отдел мог выдать ему новые отчеты, стратегию развития и перспективы на будущее.

Никто не знал, почему Граф остался в их городе, открыв свою фирму по экспорту медицинского оборудования, будучи иностранцем и имея стабильный доход. Может, город понравился,

а может, не нашел еще достойного заместителя, на которого мог бы оставить свое детище, но это радовало всю женскую половину фирмы.

Все поголовно были в него влюблены. Кто — самозабвенно и страстно, кто — в полсилы и отчасти, совсем чуть-чуть, но провести с ним ночь не отказалась бы пожалуй, ни одна из них. Даже Саша колебалась. Так ей казалось всякий раз, когда она входила в его владения, ступая на гладкий ковер.

Выдержанный в светло-бежевых тонах, кабинет был огромен, и черного дерева мебель в нем контрастировала со светлыми стенами и огромным окном без занавесей и жалюзи. Большой мир заглядывал в это окно, небоскребы напротив и бесконечное небо.

Саше нравился и кабинет и его хозяин. Когда она попадала сюда — забывалось все, что существовало по другую сторону двери, и даже все привязанности и интересы. Хотелось смотреть в эти глаза цвета янтаря и слушать этот мягкий вкрадчивый голос с легким акцентом, с годами все больше стирающимся и становящимся незаметным.

Роберт Стивенсон — по документам, удостоверяющим личность, Граф — в просторечии, в свои сорок два выглядел блестяще. Безупречные манеры, природная мягкость и интеллигентность без труда позволяли ему становиться любимцем в

любом обществе, куда он только попадал благодаря своим капиталам и связям, а яркая внешность — заводить страстные романы с первыми красавицами города, но в чем ему нельзя было отказать — это в чистоплотности. На работе он был только боссом, и ни одной из его подчиненных не светило быть приглашенной после рабочего дня в ресторан или на чашечку кофе в его особняк в центре города.

Он редко удостаивал работников своим вниманием в их отделах, предпочитая вызывать к себе, но в экономический заходил уже три раза на этой неделе, и все во время отсутствия Сашиной начальницы Марины.

Саша понимала, что ему просто понадобились какие-то цифры, и он все равно был неподалеку, проходил мимо и решил заскочить самолично, ведь не бог же он в самом деле, и вполне нормально может общаться с простыми смертными на их территории, тем более, что на комфорте и удобстве своих работников никогда не экономил и в любой кабинет было приятно зайти, но каждый раз после его ухода Сашины соседки смотрели на нее так странно и пристально, что бедная девушка сама чувствовала, как румянец во всю щеку проступал на ее смущенном лице.

Что-то во взгляде Графа и его тоне неуловимо давало понять всем присутствующим, что Саша — девушка особенная, и Граф это уже заметил и

оценил. Как это у него получалось — было не понятно, он не выделял ее особо, но всякий раз ловя на себе его пристальный задумчивый взгляд, Саша отводила глаза и на мгновение терялась, забывая, что только что хотела сказать. Этот человек волновал ее все больше и больше.

Сегодня Граф зашел опять, с самого утра. Принес какой-то цветок в большом глиняном горшке, пояснил, что в приемной он гибнет, окна там выходят на северную сторону и его секретарша плачет от бессилия что-либо изменить, а тут ему будет в самый раз. И спросил у Саши, куда его можно пристроить.

Спрятав чашку с недопитым чаем за монитор еще не включенного компьютера, Саша дрожащей рукой указала широким жестом на окно, предоставляя боссу право самому выбрать достойное место для цветка.

Когда тот был торжественно водружен, символически полит, и девушки услышали какую-то историю, настолько забавную, что Граф решил ею поделиться, а сам он уже удалился к себе, пожелав всем удачного дня, глаза всех присутствующих снова вопрошающе уставились на бедную Сашу.

— Ты понимаешь, что Маринка тебя уволит? — обратилась к ней Люда, высокая смуглая шатенка.

Саша изобразила на лице улыбку и беспечно пожала плечами.

— Да нет, девчонки, теперь точно не уволит, теперь наша Саша неприкосновенна, — оспорила такое предположение Лиля. Она накинула на плечи светлый палантин, так как сидела у окна, от которого ей всегда дуло, не смотря на то, что окно было пластиковым и щелей не имело по определению. Тем не менее, Лиля с завидной регулярностью меняла шали и платки, украшая ими свои покатые плечи.

— Да уж, она же теперь ответственная за Самый Главный Цветок, — поддержала такое мнение Иришка, самая младшая в дружном коллективе экономистов, самая маленькая, самая худенькая девушка с большими амбициями. — Граф же для нее его принес, вы что, не поняли?

Глаза присутствующих округлились, и легкий возглас наигранного удивления наполнил помещение.

— Да, я такая! — гордо заявила Саша, демонстративно набрав в грудь побольше воздуха и закатив глаза. Что ей еще оставалось делать — краснеть и мяться? Вот еще. Просто девчонкам надоело молча считать свои цифры, вот и решили позубоскалить. Сегодня жертвой стала она, кстати, с легкой руки Графа, ну и что. Завтра она на ком-нибудь другом отыграется, в первый раз что

ли.

ГЛАВА 2

Проблема пришла оттуда, откуда не ждали, вернее... Вот права была Иза — как раз оттуда, откуда должна была прийти, оттуда и явилась, скаля противную морду и истекая слюной. Впрочем, как не ругайся, делу это не поможет, а положение надо срочно выправлять, но знать бы как! Полинку жалко: сказать ей правду — это ее убьет, не сказать ничего — как после этого себя уважать и продолжать считаться ее подругой? Эх, проблема...

Все произошло в магазине. Шила в мешке, как известно, не утаишь, и извлекли его из старой вонючей дерюги две молодые девицы, совершенно незнакомые Саше, но своим обликом дающие прямые наводки на то, кем они являются и какой образ жизни ведут. А шило-то оказалось ничем иным, как... «рабочим инструментом» одного человека, до сих пор вполне приятного и милого, по совместительству Полькиного мужа.

Тайное стало явным на подходе к кассе, когда Саша, затаренная продуктами для дома, услышала пренеприятнейший разговор этих девушек прямо у себя за спиной.

— Вон, видишь, девка стоит? — слышался

шепот позади нее.

— Которая? Их там до кучи.

— Ну вон та, с древнерусской косой, и сама вся доисторическая такая, в красной курточке.

— Ну вижу теперь, и че?

— У нее муж знаешь, какой? Так трах@ся — закачаешься!

— Да ладно, а ты пробовала?

— А то, меня Ленка с ним познакомила недавно. Парень — класс. Без комплексов совсем.

Саша недовольно покосилась на любительниц секса без комплексов и даже демонстративно кашлянула. Две длинные клячи, обесцветившие свои тонкие волосы и полагающие, что искусству макияжа обучаться необязательно, без зазрения совести обсуждали чужую жизнь. Стоять и слушать этот бред ей не хотелось, тем более, что сама она с некоторых пор была лишена такого удовольствия, да и знать, что речь идет о чьем-то муже, а значит об измене, было неприятно.

Девушки не обратили на нее никакого внимания, и счастливица продолжила делиться своими впечатлениями от знакомства с «крутым самцом».

— Он такая лапочка и такой бесстыдник! Хочешь, я тебя с ним познакомлю? Не пожалеешь.

— Ой, а можно? — в голосе второй послышалась искренняя радость, и у Саши заныли

зубы.

— Да ты че, он знаешь, какой неугомонный — его и на трех хватит. Одновременно!!! Проверено в полевых условиях.

— Вау! Машка, замечано, завтра, же, договорились? Сразу после пар, — продолжала восторгаться девица, которую пообещали приобщить к греховным утехам.

— Ну не знаю, он днем-то работает, я позвоню тебе, в общем.

— А жена?

— А что жена?

— Ну, эта. Она тоже в этом участвует?

— Ты дура что ли? Она даже не догадывается.

Вон, видишь, невлашная, мечтает о чем-то, — на пару минут обе замолчали, изучая бедную девушку, не подозревающую о том, что она стала героиней этой грязной истории. — Уверена, она обалдеет, если узнает, — и обе захихикали.

Саша перевела взгляд на очередь в соседнюю кассу, куда были обращены взоры любвеобильных студенток, и похолодела.

В красной куртке, с «древнерусской» косой и вся такая «доисторическая» стояла Полина! Ее подруга детства. Задумчиво улыбалась чему-то, толкая перед собой тележку, груженую продуктами. У Сережки есть машина, но он всегда так занят, что его жене приходится самой бегать по магазинам и

таскать тяжелые сумки, поесть-то он недуром.

Девчонки еще что-то говорили, про полюбившуюся технику и предпочтения «жеребца», а Саша хватала ртом воздух и молилась только об одном — чтобы Полина ее не увидела. Скрыть свое замешательство ей не удастся, а ситуация такова, что требует долгих размышлений и принятия единственно верного решения.

Поколебавшись с минуту, Саша рванула назад. Наступив обеим девицам на ноги, и не обращая внимания на их злобное шипение, понеслась в зал, закидывая тщательно отобранные продукты обратно на полки.

* * *

Иза уловила вибрацию телефона, но даже не подумала достать его из кармана длинного кожаного жакета. Какое-то время аппарат едва ощутимо щекотал ей бедро, но девушке было не до него. Кто бы ни звонил — он подождет, а тут такой кадр пропадает, и она не она будет, если не получит то, чего ей только что очень сильно захотелось.

Ее глаза блеснули в предвкушении игры, ведь это было такой же приятной частью обольщения, как и ее результат: мужчина в ее постели — это десерт, основное удовольствие — заполучить его, привлечь, обольстить и вскружить ему голову.

Она всегда теряла интерес к тем типам, которые сдавались без боя и сразу шли в атаку. Рука на ягодицы и хриплый голос на ухо: «Едем ко мне» — и парень автоматически становился аутсайдером и выбывал из гонки.

Нет, флирт — это игра для гурманов, это дело профессионалов, и деревенщине не место в высшей лиге.

Подруги не одобряли ее поведение и не разделяли такие взгляды на жизнь, но Полина была слишком воспитана, чтобы читать ей нотации, а Сашка — слишком умна, чтобы не понимать, что это бесполезно, и только в ее глазах Иза читала неодобрение, которое, впрочем, ее нисколько не смущало. Ничто не мешало им оставаться в хороших дружеских отношениях и по-прежнему доверять друг другу. Иза продолжала вести свой образ жизни, подруги продолжали ее любить и принимать такой, какая она есть.

— Горбатого могила исправит, — вздыхала Саша.

— Вот влюбится наша Изабелла Великолепная, и забудет про эти пляски-гулянки, — как всегда пыталась сгладить впечатление от Сашиной прямооты Полинка.

— Пьянки-гулянки, — щурила глаза в насмешливой улыбке Иза, нисколько не задетая замечаниями подруг.

— Одна фигня. Забудешь, когда станешь счастливой женой.

— Какие же вы скучные! — фигуристая брюнетка потягивалась, по-кошачьи выгибая спинку, и ерошила длинные густые волосы.

Она была хороша, прекрасно это знала и желала получать подтверждение этому каждый день.

Мужчин она делила на несколько категорий и относилась к ним соответственно. От того, насколько безошибочно она классифицирует их, определяв местоположение в своей таблице, зависело, получит ли она то, чего желала. С представителем каждой категории красавица выстраивала свои особенные отношения и гордилась своими методами.

Одни мужчины были нужны ей для подтверждения собственного класса, уровня и значимости. Другие — интересны в игре, когда кто кого, хотя Иза знала, что проигравших не будет, она слишком ценный приз, и для себя выбирала достойных партнеров. Третьи мужчины требовались для поддержания социального статуса и обеспечения.

Так год назад она получила в собственность отличную трехкомнатную квартиру в центре города от депутата, с которым прожила два года. Получив приглашение в Столицу, слуга народа решил, что

«не стоит отправляться в Тулу со своим самоваром» и, сделав прощальный подарок своей любовнице, отбыл, так сказать, без «багажа».

Иза не долго тосковала в одиночестве, так как очень скоро обнаружила, что эти хоромы с видом на главную площадь города надо еще и содержать, оплачивая коммуналку, поэтому вскоре обзавелась другим обеспечителем. Им стал владелец сети стоматологических клиник, который успешно взял на себя ответственность за поддержание порядка в ее «апартаментах» и, соответственно, финансовую сторону.

После года совместной жизни, успешно продав свой бизнес, он также подался в Столицу.

И снова Иза получила утешительный приз, на этот раз — автомобиль. Девушка была безумно довольна новой игрушкой и вскоре гоняла по улицам города на красном Пежо, успешно сдав на права.

— Я мисс Удача, — говорила она подружкам, отмечая новое приобретение в кафе после того, как проводила своего протезиста навсегда. — Мужчины, прожившие со мной какое-то время, отправляются прямиком в Столицу, на новую высоту. Значит, я их путеводная звезда, я приношу им эту удачу.

— Угу, — угукала в свой бокал Саша. — Они-то отбывают туда, а ты остаешься здесь.

Тебе-то что с того, что им так фартит?

— Глупая, — Иза сверкала ярко подведенными глазами из под идеальных дуг темных бровей. — А я при хате и бабках, да еще и с машинкой. О чем еще мечтать?

Саша лишь вздыхала, не желая спорить дальше. У нее был свой взгляд на происходящее, но Изу было не изменить, так что и говорить было не о чем.

Сейчас брюнетка волновалась так, как не волновалась, наверное, никогда в жизни, по крайней мере, такого она за собой не помнила. Просто она увидела Его, мужчину с большой буквы.

О, она всегда могла узнать настоящего мужчину, разглядеть в толпе, почуять власть и запах силы, исходящие от него. Такие люди встречаются редко, один на миллион, и она не могла упустить такой шанс, ей обязательно нужно заполучить его любой ценой.

Красивая брюнетка с дерзким взглядом, одиноко сидящая за столиком у окна, привлекала внимание, и многие мужчины в зале поглядывали на нее с нескрываемым интересом, но сегодня был не их день, Иза знала это определено точно.

Телефон снова завибрировал, и девушка недовольно поморщилась, капризная гримаска придала ее лицу непередаваемое очарование.

Звонить могли только Саша или Поля, ну может пара-тройка ребят, которым она недавно давала свой номер, так, для того чтобы присмотреться и пристреляться, но сейчас это было не важно. Подождут.

Мужчина сидел в углу зала, в его затемненной части, в обществе двух пожилых джентльменов. Вероятно, это был деловой ужин — они неспешно о чем-то говорили, время от времени протягивая друг другу какие-то документы.

Спокойный, уверенный, с броской внешностью, он не мог остаться незамеченным, и Иза с немалой долей ревности наблюдала, как женщины и девушки бросали на него выразительные взгляды.

Он же, казалось, не замечал никого и, тем не менее, внимательно слушая своих визави и не забывая поглощать заказанный ужин, цепким взглядом обводил зал и Иза могла поклясться, что ему уже все понятно о ней и ее интересе, как известно и обо всех других красотках, томящихся в ожидании его внимания.

Улыбка время от времени появлялась на его лице, совершенно преображая и придавая некоторую мягкость чертам, но глаза оставались холодными и взгляд жестким, ничто не могло смягчить его.

Он сильный, такой не дрогнет и не перед кем

не прогнется. К тому же чертовски красив. Куда до него толстопузому депутату или протезисту с писклявым голосом и вечно потными руками.

Он не был красив той правильной красотой, когда можно говорить о безупречности и гармоничности черт, но его лицо привлекало внимание и уже не отпускало. Губы, изогнутые в едва ироничной улыбке, уверенный взгляд цепких карих глаз, волнистые темные волосы и легкая едва проглядывающая щетина на квадратном подбородке.

Харизма, которой он обладал, казалось, наэлектризовала помещение до упора, и в воздухе искрило от напряжения.

Когда телефон завибрировал в третий раз, Иза выругалась себе под нос, не забывая при этом мило улыбаться, и полезла в карман, чтобы узнать, кто этот настырный абонент, не желающий понимать намеков и мешающий сейчас ей устраивать свою личную жизнь и прекрасное будущее.

Это оказалась Сашка, и раз уж она перезванивает после того, как ее недвусмысленно проигнорировали, значит, дело серьезное. Иза решила ответить.

— Алло, я вас слушаю, — произнесла она глубоким низким голосом, поднеся телефон к уху, предварительно отбросив волосы с плеча.

Краем глаза она уловила шевеление за

заветным столиком. Шатен, в очередной раз пройдясь сканером внимательного взгляда по пространству, задержал пристальный взгляд на ней, и Иза приосанилась, картинно поведя хрупкими плечами.

— Изка, это я, ты чего трубку не берешь?

— Я сейчас немного занята, — промурлыкала девушка, демонстрируя свои зубки, талантливо подправленные бывшим любовником. Она, кстати, помогла и своим подружкам подлечить свои тридцать два с существенной скидкой, пока ее дантист практиковал в городе.

— У меня проблема, очень большая, и у Польки тоже. Вернее, только у нее, и я не знаю, как ей помочь. Ты мне срочно нужна!

— Сегодня не смогу встретиться. Давай завтра, — брюнетка достала сигарету и прикурила от золотой зажигалки, сувенира последнего виртуозного «игрока».

— Какое «завтра», ты что! И что мне делать сегодня? — возмутилась Саша. — Иза, ты не понимаешь, но дело очень, очень серьезное. Ты не представляешь, что произошло. Знаешь, Сережка...

Красотка не дала ей договорить, ее сейчас не интересовал никто вне стен этого ресторана, тем более какой-то неизвестный Сережка.

— Послушай, Сашенька, — перебила она, выдыхая в трубку облако сигаретного дыма, — у

меня сейчас практически судьба решается, поэтому давай перенесем наш важный разговор на завтра, хорошо?

— У Польки тоже решается судьба, так что выслушай меня! — Сашу было не так-то просто остановить. Упорности и упертости ей было не занимать.

— Ну чего там у нее стряслось? — Иза заметила, как официант принес счет за столик ее брутала, тот жестом отмел желание своих спутников поучаствовать в его оплате и достал из внутреннего кармана пиджака портмоне.

— Ей муж изменяет, вот что, — выпалила Саша и голос ее дрогнул.

— Да ты что, — Иза сбросила пепел с сигареты в хрустальную пепельницу. — А я ведь говорила, предупреждала, что этим все закончится, но вы мне не верили, даже не слушали. Считали негодяйкой и завистницей.

— Да, да, да, ты оказалась права, или просто накаркала, — буркнула Саша. — И что делать-то теперь?

— Что-что, разводиться, — брюнетка даже плечами пожалала — это же очевидно, о чем тут можно еще говорить. Официант как раз проходил мимо ее столика, и она попросила у него счет. — Слушай, Саш, я правда сейчас не могу говорить. Мне надо бежать, а завтра все конкретно

обмозгуем, хорошо? Что-нибудь придумаем. Все, отдыхай.

— Но...

Девушка хотела что-то возразить, но Иза уже отключила трубку, внимательно следя за шатеном, пожимающим руки своим сотрапезникам.

ГЛАВА 3

Хотела бы Саша отложить все до утра, как посоветовала ей подруга. Иза вообще всю сознательную жизнь пыталась жить по принципу Скарлетт О'Харра — «Я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра». Она постоянно твердила подругам, что с проблемой надо «переспать», прежде чем начинать искать пути ее решения. На самом деле она просто ожидала, когда все разрешится само собой, или кто-то большой и богатый взвалит ее трудности себе на плечи, освободив, таким образом, ее, хрупкую и слабую, от непосильной ноши. И оказывалось, что переспать надо было всего-то с мужчиной, который и начинал заниматься ее проблемой.

Для Саши этот принцип не подходил. Видимо, ее проблемы не годились для могучих плеч настоящих мужчин, и все приходилось тащить на себе. У нее никогда не выходило отложить на завтра то, что мучило и заставляло внутренности

трястись от волнения. Организм не подчинялся, здравый смысл изменял, и мозг постоянно работал, бился над задачей, искал единственно верное решение, лишая своего носителя покоя и сна.

Вот и эта проблема, возникшая на пустом месте из-за случайно подслушанного разговора, не просто приоткрыла перед Сашей завесу тайны в супермаркете в соседнем дворе, показавшись во всей своей неприглядности, но заявила к ней в дом буквально сразу после телефонного разговора.

Открыв дверь, Саша опешила, узрев на пороге квартиры собственно саму виновницу своих переживаний и беспокойств — Полину Медведеву.

Сияющая и умиротворенная, Полина стояла с большим пакетом в руках. В расстегнутой куртке, с яркими от ноябрьского мороза щеками, выющиеся локоны выбились из косы. Вот и здрассте, вот и переспи тут с проблемой...

— Держи, это тебе, — улыбнулась она, шагнув в теплую прихожую и вручив пакет онемевшей подруге. Под руками перекатывалось что-то круглое. — Ты знаешь, а я ведь решила изменить свою жизнь, — поясняла она причину своего прихода, неторопливо расстегивая молнию на куртке. — Все, прямо сегодня начала все сначала. То есть по новой. Короче, теперь все будет иначе. Сажусь на диету, начинаю заниматься спортом, меняюсь внутренне... Нет, а что ты так

удивляешься? — Полина заметила, наконец, округлившиеся глаза хозяйки квартиры. — Похвалила бы меня за такое рвение.

— Нда... и по какому поводу все это веселье?

— Как по какому? Хочу быть красивой и счастливой! — Полина повесила куртку, взяла пакет обратно и первой направилась на кухню.

— Так ты и так вроде... и та, и... эта, — Саша последовала за ней.

Она не знала, что ей делать. Совершенно определенно, Польке она сегодня ничего не скажет, но мысль, что она будет весь вечер врать, вызывала изжогу. Ну и ситуация. И хорошо, кстати, что Изки не будет. Вот уж кто может рубануть правду-матку в глаза, а потом хоть стой хоть падай. Что ж, придется отложить мозговую атаку до утра. Говорят же, что утро вечера мудренее. Только как продержаться сейчас?

Полина тем временем извлекла из пакета фрукты, высыпала их в раковину и неспешно намывала эти дары садов, поглядывая на каждый с любовью, которую излучала постоянно, двадцать четыре часа в сутки.

Она все делала обстоятельно и не спеша. Саша любила смотреть, как та готовит, или шьет, сидя за старинной машинкой. У Поли все выходило красиво и плавно, и результат неизменно оказывался блестящим. Нет, ну как такого человека

можно было предать и так обидеть!

— Понимаешь, я вдруг осознала, что могу стать лучше, что должна что-то изменить в себе, — делилась своими выводами Полина. — И потом, Сережке всегда нравились худенькие. Ты же помнишь, какой я была, когда мы с ним познакомились? — и она с задорной улыбкой обернулась к Саше, грациозно повернув голову. Это было так естественно, что на ее фоне подобные жесты Изы выглядели ужимками и кривляньем.

— Ага, перемотина, маленький пленник Бухенвальда, — кивнула Саша.

Она уселась на кухонный уголок, согнула ногу в колене и положила на нее подбородок. Ей отчаянно стыдно было смотреть в глаза подруге, а упоминание о ее муже вызывало практически ноющую боль в груди.

Домовитая гостья переложила фрукты в большую декоративную миску и водрузила ее в центр стола, не забыв постелить клеенку.

— Вот, угощайся. Кстати, ты будешь меняться вместе со мной, — и уселась напротив озадаченной хозяйки, подоткнув щеку кулаком.

— И что, я прям тоже сразу стану красивой и стройной? — Саша рассматривала мандарины, яблоки и бананы, прикрытые сверху кистью крупных лиловых виноградин.

— Не совсем, — Полина вдруг поднялась,

словно хотела взлететь, взмахнув руками, как пава, и через мгновение уже включала газ и ставила чайник. — Ты еще должна пойти со мной на занятия.

— На какие? Поль, что ты задумала?

— Тебе чего: грушу или яблоко? — Саша не шевелилась, и Полина решила за ней поухаживать. — Ты хоть и худышка, но подточить фигурку тебе не помешает.

— Мне киви, и ножик, чтобы очистить. А, и еще валерьянку, чтобы прийти в себя — я-то полагала, что я идеальна, — и она иронично улыбнулась. — Так что за занятия? Аутотренинг? «Я самая обаятельная и привлекательная»?

— Почти. Тренинг, только не ауто, а физический. Я записала нас на шейпинг.

— Чего? Поля, ну ты даешь! У меня на работе такой шейпинг каждый день, что до дома еле доползаю, ты чего творишь-то! — возмутилась Саша.

Это хорошо, что им сейчас есть о чем поговорить, избегая сложной и ужасно деликатной темы. Да и какая она к черту деликатная! Отвратительно грязная тема, и Сашка уже не знает, куда девать свои глаза. Как же тяжело хранить страшную тайну и не понимать, как ею распорядиться.

Все же Изкина помощь ей необходима. Спасла

же она ее саму, когда случилось... то, что случилось. Только методы у нее слишком уж радикальные, а от того болезненные. Была бы Изка хирургом — у нее был бы только один метод лечения: ампутация!

— На меня даже не рассчитывай, — буркнула она.

Получив свой заказ, Саша с головой ушла в процесс очистки фрукта в прямом смысле слова, склонившись над тарелкой так, чтобы Полина не смогла увидеть ее глаза.

— Да тут не далеко, и не поздно. Начало в восемь вечера, два раза в неделю, — информировала ее подруга, заваривая чай. Только что произнесенный вслух отказ она проигнорировала. — Уж два-то дня в неделю можешь помучиться ради счастья своей подруги, а? В нашей бывшей школе, кстати, представляешь?

— Представляю. Прямо в спортзале?

— Не говори-ка — ностальгия, да? Сколько лет прошло...

— ... а мы все такие же глупые. И несчастные, — пробормотала Саша, перестав улыбаться.

Полина внимательно на нее посмотрела. В ее взгляде промелькнуло ставшее уже привычным беспокойство. С некоторых пор оно охватывало ее при мыслях о подруге.

— Ты опять о своем бывшем грустишь? — произнесла она тихонько, пытаясь объяснить причину внезапной печали. В последнее время Саша часто замирала с застывшим взглядом, уходя в себя, и было видно, что кое-что из разглядываемого ей очень не нравилось и даже причиняло боль.

— Ты что! Еще чего не хватало. Я нарадоваться не могу, — загробным тоном, опровергающим собственные же слова, произнесла девушка, откусив половину киви и отвернувшись к окну.

— Ну и славно, ну и прекрасно. Я рада, что все закончилось хорошо, — Полина не стала распространяться на эту тему, уже пожалев, что вообще ее коснулась.

Они с Изкой помнили, как переживала Саша расставание с Пашкой. С ярким, громким, деятельным Пашкой, умеющим устроить фейерверк в любом месте, где он оказывался. Человек-праздник, харизматичный удачливый проходимец. Саша обожала его, и долгое время даже не понимала, что он с ней делает, как ее ломает, а когда глаза ее раскрылись, разочарование ее было так сильно, что девчонки по очереди ночевали с ней почти неделю, не доверяя помощи Федора в столь деликатном деле, как утешение при расставании с любимым человеком, неожиданно

оказавшимся подлецом.

Сейчас Саша и не думала вспоминать о делах минувших дней, вычеркнув этого человека из памяти и со спокойным удовлетворением убеждаясь, что в ее сердце он не оставил такого уж большого следа, и что очарование им оказалось намного меньше и слабее, чем разочарование.

На первом плане сейчас был Сергей и его подлость. Если Сашу и Пашку связывали ничем не закрепленные отношения, то Полина пребывала в прочном и как всем казалось, надежном браке вот уже третий год, и была счастлива. Безумно любя своего мужа, она не замечала ничего, на что Иза постоянно пыталась обратить ее внимание.

Помаду на вороте своей рубашки муж объяснял неудачной попыткой помочь секретарше собрать выроненные из рук папки с документами, запах духов — пребыванием в обществе коллег-женщин на затянувшемся совещании.

Саша закрывала глаза на это все так же как и Полина, не желая верить в то, что близкий человек способен на измены и обман, и вот пришло время, когда жестокая правда встала во весь рост, готовая обрушиться на несчастную девушку, обожающую своего мужа.

Сергей никогда не знал и не пытался узнать, что и где находится в его доме. Купив вполне приличную квартиру и позволив жене обставить ее

с завидным вкусом, он не заботился о том, где хранятся его носки, белье и даже мыльные принадлежности. За все в доме отвечала Полина. Подать тапочки пришедшему за полночь мужу — ее прямая обязанность. И она неслась как угорелая в коридор, пошатываясь спросонья. Как же — муж всю ночь заседал, устранял аврал или вырабатывал стратегию предприятия, и ее долг как любящей жены — обеспечить ему уют и покой, перестроив его крепость в милый дом, полный красоты, чистоты и запаха пирогов. Он же под пулями каждый день ходит, а она дома отсиживается. Ну как дома — по магазинам и рынкам бегаёт, полы намывает, белье стирает, новые рецепты изобретает.

Его цель — спасти мир и обеспечить семью, а ее намного скромнее: накормить повкуснее, спинку потереть, массажик сделать и на ночь сказку рассказать.

Как оказалось, главным сказочником в семье Медведевых был все же Сергей.

И как Полине все это теперь принять? Что с ней будет, когда откроется, что ее уют и счастье оказались ненастоящими, а забота — никому не нужной, что авралы и заседания проводились не на работе, а в сауне или на чьих-то съемных квартирах?

Иза сразу заговорила о разводе, Саша же пока

воздерживалась по поводу какого-либо решения, а Полина... Полина наверное простит его, если Сережка решит сохранить брак. А он наверняка так и сделает. Где ему еще найти такую чтобы готовила, стирала, на ночь чистую рубашку с собой давала, накрахмаленную и надушенную. Как же — ведь Сереженька устанет и вспотеет, когда за полночь будет спорить с начальством о перспективах развития и стратегии производства, а выглядеть должен всегда свежим и представительным!

Его-то шалавы-студенточки и не умеют, наверное, борщ сварить или стрелки на брюках отгладить. Да им это и не надо, они больше по другой части промышляют и мастерство оттачивают, а Сережка — он к уюту привык, вниманием жены избалован, без нее ничего не может.

Нет, за Польку он будет бороться до конца, и наверняка еще постарается выставить ее подруг в таком свете, что они окажутся просто подлыми завистницами, готовыми оклеветать честного человека. Нда, дела...

— Хорошо, Поля, я пойду с тобой на эти занятия, — вздохнула Саша, отодвигая тарелку с кожурой. — Только при одном условии...

— Давай, говори уже, чего потребуешь взамен? — вздохнула девушка с притворной

досадой, откидывая густую длинную косу на спину. — Но имей в виду — коллекцию календариков и кофеварку я тебе все равно не отдам, ни при каких условиях, даже не проси.

— Ладно, кофеварку свою с календариками можешь оставить себе, что я зверь какой-то, что ли. Но пообещай, что пироги ты печь не перестанешь. Обещай! — сделав страшные глаза, потребовала Саша. — Клянись на мукЕ, что плюшки и курники по-прежнему будут встречать нас в твоём доме.

— Ох, Сашка, без ножа режешь, — теперь Полинин вздох не казался наигранным. — И зачем тогда нам шейпинг, если потом пирогами будем набивать животы, подготовленные для шашечек пресса?

— А вот надо, потому что вкусно. Даже Иза готова злоупотреблять ими, а ты знаешь, как она печется о своей фигуре.

— Да уж, ее фигура — ее хлеб, — кивнула Полина, подвигая подруге чашку с чаем.

— Но даже от этого хлеба она отказывается ради твоих пирогов. Так что, мать — да здравствует сдоба! Из твоих рук — что угодно!

— Отлично, завтра без двадцати восемь буду ждать тебя у входа в школу. В спортивном костюме.

— Что, уже? Так быстро? И надышаться перед смертью не дашь?

— Конечно! У нас соглашение, ты забыла? Я твоё условие выполню, и дело теперь за тобой.

— А мужчины-то там хоть будут? — Саша умела делать такие умильные мордочки, что не рассмеяться было не возможно, и Полина не удержалась, хихикнула.

— Только один — тренер.

— Правда? А конкурентов, то есть занимающихся, много?

— С тобой — человек двадцать.

— Многовато. Ладно, на месте прикинем, разберемся.

Полина обошла стол, желая заключить подругу в свои объятия, как делала всегда, но Саша вдруг дернулась и отстранилась. Она отвела взгляд, смущаясь от того, что её действия выглядели по меньшей мере нелепо и странно, но не могла сейчас обниматься с подругой, пока скрывала от неё страшную правду. Девушка деликатно сделала вид, что ничего не заметила.

— Все будет хорошо, Сашка, — проговорила она тихим голосом, будто это Саша нуждалась в поддержке.

Саша заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла неестественной и какой-то жалкой. На бледном лице горели только глаза. Полинка её успокаивает, а пройдет совсем немного времени, и эта печальная обязанность ляжет на её плечи.

ГЛАВА 4

Низкое блеклое небо выглядело как небрежно раскрашенный акварельный набросок, на который пожалели серой краски, и то тут то там зияли светлые проплешины — обрывки чахлых облаков. С утра моросило, и заплаканное окно закрывало неприглядность общей картины потеками мокрого снега по стеклу.

Саша страдала: отчет не складывался, потерянные цифры рвали так ловко выстроенную систему, а искать эти чертовы единицы ужасно не хотелось.

С раздражением оттолкнув бумаги, она подперла лоб ладонью и шумно вздохнула.

— Черт тебя дери, — сказала она скорее устало, чем грозно.

В кабинете царило безмолвие, все давно убежали на обед, и только она героически боролась за право вовремя сдать работу, уже понимая, что сегодня ей это сделать скорее всего не удастся.

Нервов никаких не хватает: Иза не отвечает на телефонные звонки, с Полиной не понятно как себя вести, и отчет вот этот дурацкий. Еще и шейпинг вечером до кучи.

Ну, с Изкой-то все как раз понятно — видимо, охота удалась на славу (судьба в который раз

решилась успешно и благополучно), и сейчас победительница наверняка полирует свой «трофей» в уютной спальне, забив на всех и вся. Чего с нее взять — не ругаться же из-за этого.

Шейпинг — ладно, эту беду Саша тоже переживет. Костюм есть, кроссовки — тоже. Уж часик-то подергаться она сможет, продержится как-нибудь, ради счастья подруги. Но вот опять оставаться наедине с Полиной, глаза в глаза, когда за пазухой камень... Не ее камешек-то, но незавидная участь гонца с худой вестью досталась, почему-то, именно ей.

А тут еще и отчет этот не складывается. Нет, ну все одно к одному, ну так не честно! Впору пить «Ново-Пассит»!

— Черт же тебя подери на мелкие части! — проговорила она уже громче. Все равно никто не услышит, так что можно немного выпустить пар, хоть капельку.

Нет, ей не на шейпинг сегодня вечером надо идти, а в секцию бокса, и чтобы ее оставили наедине с какой-нибудь самой жирной сочной грушей, и дали крепкие перчатки, чтобы она отволтузила эту самую грушу так, чтобы мама не узнала... ее или грушу.

— И кого же вы решили отдать на растерзание чертям? — голос был не громким, но Саша подскочила на месте, не столько от неожиданности,

сколько от осознания того, что ее опять почтил своим вниманием сам Граф. — Я могу войти, пока экзекуция не началась?

Не дожидаясь ответа, Роберт шагнул в кабинет. Невысокий, стройный, в безупречного кроя темном костюме, руки спрятаны в карманы, в глазах задумчивость. Впрочем, нет, Саша разглядела в них лукавство. Мелкие лучики разбегались от светло-карих глаз, суженных в веселом прищуре. Он мило улыбался, кривя один уголок губы. Выходило, будто он подмигивал Саше.

Она поднялась, замерев перед высоким начальством. Не отдавая себе в этом отчета, она понимала, что волнуется. Впрочем, любая другая на ее месте испытывала бы те же чувства. Граф же все-таки.

— Роберт, добрый день, я... извините, я тут поругалась сама с собой немножко, но ничего страшного, я обещала Марине, что сдам отчет в срок, и это только ускорит его завершение.

— Ничего-ничего, я не по этому пришел, — мужчина махнул в ее сторону холеной рукой, как бы останавливая поток извинений, и прошел к окну, прямиком к своему цветку. — Ну, как он тут поживает? Вижу, ему нравится ваше общество.

Он обернулся, и Сашу накрыла новая волна восторга. Что это значит? Почему она так реагирует

на него? Это он что-то делает с ней сейчас, или голодная одинокая девушка увидела красивого мужчину? Боже, что за мысли, что за бред!

Саша нахмурилась, почувствовав, как запылало ее лицо. Ну вот, она покраснела! Стыд-то какой, сейчас он все поймет... А собственно, что тут понимать? В чем вообще дело? Мало ли от чего может покраснеть девушка в своем кабинете? Неужели он настолько самоуверен, что отнесет это на свой счет?

Граф никогда не создавал впечатления самонадеянного гордеца, но не мог не понимать, как реагируют на него женщины, даже если они его подчиненные.

Это здание полно мужчин и женщин, объединенных в одну рабочую группу с регламентированным порядком отношений и правилами, прописанными моральным кодексом и уставом компании. Но, к сожалению, это не избавляет никого от реагирования на гендерные различия. Что бы ни гласил устав и правила поведения в обществе, а ярко выраженные половые различия порой вклиниваются и в ход рассуждений, и в линию поведения. И женщины, даже если это бухгалтер, юрист или экономист, не могут равнодушно проходить мимо красивых мужчин, будь то охранник, ведущий менеджер или тем более сам основатель компании. Это называется природа,

физика, да хоть распутством назови — чего же тут поделаешь.

Боже, что она несет, о чем только думает! Саша покраснела еще больше и вдруг ринулась в угол кабинета, где, отделенный от общего помещения прозрачной перегородкой из матового стекла, находился столик для чаепития.

— Роберт, могу я предложить вам чаю? — донеслось до мужчины из-за этой перегородки, и в следующую секунду послышался шум включенного чайника.

Видели бы ее в этот момент девчонки — с ума бы сошли от такой дерзости: поить босса чаем из банального электрочайника, когда еще и заварка из пакетиков неизвестного происхождения и сомнительного содержания! Иза называет ее «пылью грузинских дорог», предпочитая приобретать чай на развес в элитных бутиках у «проверенных поставщиков».

Кто знает, может и Роберт, являясь истинным сыном туманного Альбиона, довольно ревностно относится к такому мероприятию как чаепитие, недаром у них существует такое явление как «файв о клок». Но что ей было делать, если этот способ скрыть свое макового цвета лицо оказался сейчас единственным, который пришел ей в голову. Не русскими же блинами его кормить, в самом деле! А

так будет английское чаепитие на российском ландшафте.

Босс не оскорбился.

— Отлично, самое то для обеденного времени, — легко согласился он. — А кстати, Саша, почему вы не на обеде вместе со всеми?

— А... а у меня диета, да.

— Диета? В самом деле? — Роберт вышел на середину комнаты, чтобы заглянуть за перегородку и смерить бедную девушку прицельным взглядом.

Та, стараясь скрыть смущение, с остервенением принялась греметь посудой и бренчать ложками. Да, с диетой это она неудачно ляпнула, но не признаваться же ему в своем непрофессионализме — потеряла цифры и не может собрать себя в горсть, чтобы их найти, вот и сидит вместо обеда здесь, пытаюсь хоть что-то сделать.

Нет, ну до чего же хорош! В это лицо можно смотреть бесконечно долго, забывая про течение времени, но только не тогда, когда ее глаза так блестят, а щеки горят. А сейчас именно так она и выглядит, как ненормальная сумасшедшая нимфоманка в период обострения.

— Думаю, Саша, с диетами вам легко можно распрощаться, — вынес Роберт свой вердикт после недолгого, но тщательного осмотра.

— Да? Правда? Я рада, — проговорила она каким-то неестественным голосом. — Прямо гора с

плеч. Что же, ура, с завтрашнего дня начинаю есть, что хочу.

— Зачем же ждать завтрашнего дня? — Роберт улыбался, но лукавство пропало из его глаз. Саша заметила это, как только обернулась к нему.

— Но сегодня время уже упущено, — произнесла она тихо и глянула на настенные часы. — До конца перерыва осталось от силы пятнадцать минут. Я не успею даже выйти из здания, не говоря уже о том, чтобы достичь кафе на углу улицы.

Саша взяла блюдце с чашкой и протянула мужчине осторожно, чтобы не расплескать. Она во все глаза смотрела на него, и в голове больше не было ни одной связной мысли. Она видела эти глаза, эту улыбку, и странная невесомость заставляла ее двигаться плавно, словно какая-то сила управляла ею извне.

— Вот как... Ну что же, — Граф подошел и, принимая чайную пару, как бы невзначай накрыл Сашины пальцы своими, так что она чуть не выронила от неожиданности чашку, но взгляд Роберта оставался безмятежным, словно он ничего не заметил, только губы дрогнули, или Саше это просто показалось. — Пожалуй, в таком случае, думаю, вам стоит нагнать упущенное вечером, — он не отрывал взгляда от ее лица. — Оставшись без обеда, вы должны наградить себя хорошим ужином.

В самом лучшем ресторане.

Почему он так пристально на нее смотрит?

— При всем уважении, Роберт, — уже почти шептала Саша, не решаясь высвободить руки и не зная, куда прятать свои глаза, — каким бы хорошим не было мое жалованье, которое вы мне назначили, моя зарплата не позволит мне отправиться в ресторан, как бы голодна я ни была. Обещаю, я приготовлю себе что-нибудь вкусное и съем это дома, в привычной уютной обстановке.

— Вопрос жалованья действительно большой вопрос, и я пытаюсь его решить, снизив уровень болезненности для всех заинтересованных сторон, — также перешел на вкрадчивый шепот мужчина, забрав, наконец, злосчастную чашку себе и освободив Сашу от невыносимой неловкости, — но, думаю, накормить одну голодную девушку сегодня вечером я смогу. Так сказать, в качестве компенсации...

Компенсации? Он вообще о чем?

Но не успела Саша подумать над ответом на свой же вопрос, как дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появилась шумная компания девушек. Люда, как всегда, была впереди планеты всей, и на этот раз, возглавляя шествие, она первой увидела необычную картину, которая заставила ее замереть на месте и принять на себя все тычки и натиск позади идущих.

— Ну чего ты там, Людка, — толкалась Лиля и Ира ей в этом помогала. — Что застыла? Кого ты там узрела?

— С Сашкой что ли че стряслось? — Ира пыталась через ее плечо заглянуть в помещение.

Люда продолжала стоять, не находя слов, так как на самом деле узрела то, что узреть была не готова: Сашка поила чаем босса, стоя посередине комнаты, и босс ей улыбался и смотрел на нее так странно, что увидь это выражение лица Марина, ей бы такое очень не понравилось. А если бы она посмотрела в этот момент в глаза самой Сашки, то уволила бы ее нафиг без выходного пособия, чтобы другим неповадно было, это уж точно.

Все знали, что у Марины, как ни у кого другого в их дружной компании «Эйч Ви Корпорейтед», самые серьезные виды на этого мужчину. Прекрасно понимая, что шансов у нее никаких, равно как и у любой другой женщины в их компании, она, тем не менее, всегда ревностно следила за тем, чтобы никому не перепало высочайшего внимания больше, чем следует. Следила, так сказать, за справедливым и равным распределением щедрот босса. А тут такое дело.

Сзади напирали, шумели и пищали, и Люде пришлось сделать шаг вперед, пропуская в кабинет своих нетерпеливых спутниц.

Роберт обернулся, спокойно обвел всех

веселым взглядом и доброжелательно кивнул на нестройные приветствия девушек.

Сделав глоток чая, он вернул онемевшей и одеревеневшей Саше чашку.

— Спасибо, Саша, — произнес он таким тоном, что у присутствующих не осталось никаких сомнений относительно характера их беседы, протекавшей вдали от посторонних глаз и ушей.

Зато они появились у Саши. Что он имел в виду? К чему сказал про ресторан? Правда ли, что только что он ее туда пригласил? И что вообще все это значит?

— Мы еще поговорим, — пообещал Роберт, слегка коснувшись плеча девушки, и направился к выходу. — Дамы, — он слегка наклонил голову, проходя мимо онемевшей тройцы.

Аура его присутствия тонким флером парфюма витала в воздухе, потрясенные открывшейся сценой девушки приходили в себя, а Саше вдруг ужасно захотелось домой. Запереться в своей комнате, усесться на диван, завернувшись в плед и обнять своего медвежонка.

— Ох, не вовремя Марина выходной взяла, — проговорила Люда, сверля Сашу подозрительным взглядом, словно пыталась прочесть в глубине ее серых глаз все подробности более чем странной встречи.

— Да, в нашем деле только так: нечего прохлаждаться, когда идет война, — проговорила Саша, с блеском выдержав этот взгляд. — Отдых — недопустимая роскошь во время военных действий.

— Как бы в следующую командировку не послали кого-нибудь из нас, — Лиля первая прошла к шкафу и принялась раздеваться. — А то прознает Марина про ваши с Графом делишки, и придется тащить свою задницу в область или мне, или вон Иришке с Людкой.

— Вот-вот, — с упреком произнесла Ира, расстегивая кожаное пальто. — А больно нам это надо.

— Никому не надо, — подвела итог Люда. — Ты вот скажи: до чего вы тут договорились-то, а?

— Ну конечно, так я вам и сказала! — Саша поставила чашку с чаем на столик и направилась на свое рабочее место. — Кстати, чай Графа, — она небрежно махнула рукой себе за спину, — пригублено один раз, продам недорого право отхлебнуть глоточек или подержать в руках. Второе, кстати, дешевле.

— Ну мы-то свои люди, а? — подмигнула ей Ира. — Договоримся как-нибудь?

— Поэтому и говорю, что вам — не дорого.

— Жмотина, — от души фыркнула Лиля, покрывая плечи темно-вишневым шарфом и направляясь к окну.

Люда как раз шествовала к своему столу, когда перехватила взгляд Иры, и все трое, не сговариваясь, со смехом и криками бросились к столику. Собственно, до пригубленного боссом чая им дела не было, как и до самой чашки, которую он держал в руках, но подурачиться хотелось, лишь бы оттянуть хоть немного время начала кропотливой и нудной работы.

— Сашка, ну ты нам хоть намекни, о чем он говорил с тобой, а? — девчонки набивали рты закупленными с утра кексами.

— Да замуж звал, — Саша лениво потянулась и со скучающим видом прикрыла ладошкой рот, словно скрывая зевок. — Не могу, говорит, без вас жить, несравненная Александра Александровна. Выходите, говорит, а не то я сам зайду.

— Что, прям так и сказал? — выпрямилась Ира, оторвавшись от поглощения сладостей, за что получила по голове от своих старших товарищей.

— Не знаю я, чего он приходил, и о чем говорил — не поняла, — буркнула Саша, окончательно прогоняя веселость. В глазах на некоторое время застыла тоска, и она поспешно опустила взгляд, снова уткнувшись в бумаги.

У мужчин свои игры, они преследуют свои цели, и их интересы лежат в иной плоскости, нежели ее, да к тому же все это покрыто толстым слоем цинизма. Взять того же Олега: только

посмотреть на него — умирает от скуки и раздражения, этакий современный Онегин, разочаровавшийся во всем, а увидит женщину, и весь преображается, хотя нужны они ему лишь для конкретного употребления, это сразу понятно. Пашке вон вообще не она нужна была, а ее тело, и то, чтобы подкладывать его под своих заимодавцев. Нет, никому из мужчин верить нельзя, чтобы они ни говорили и какие бы серенады не исполняли.

Наверное, только ее родственника Федора можно считать честным и порядочным мужчиной из тех, кого она знает. Вот не желает он жениться, не влюблен ни в кого — и не врет никому, мозги не пудрит и никого не использует. Честно? Честно. А тут — в ресторан пожалуйста, я вас накормлю, фигура у вас отличная. А самому что надо? О желудке ее печется и о здоровом питании? Как бы ни так. Да и фигура у нее самая обычная — просто худая девушка без лишнего веса. Ни груди, ни волнующих изгибов бедер. По виду даже на подростка похожа, даром, что уже двадцать шесть. Что, Графу наскучили светские дамы? Пресытился изыском, подавай ему что-то простенькое и без ажурчиков?

Ну уж нет, как бы он ни нравился ей, как бы ни будоражил воображение и даже что-то внутри ее чувствительного организма, но Сашка так просто не продается, и больше использовать себя никому не

позволит. Хватит уже, ученая. Да к тому же нечего ей губу раскатывать — все что, произошло, лишь показалось ей, и точка. Станет ее босс, глубокоуважаемый человек с большими доходами и личным поместьем в глубинке Англии, искать с ней встречи и назначать ей свидание? Ей, Саше Кунициной, простой девчонке без особых примет? Аж самой смешно, честное слово.

Через двадцать минут ей стало не до смеха: на рабочую почту пришло письмо. От Графа. Он действительно приглашал ее сегодня вечером в ресторан. А тут еще шейпинг этот... Полинке же обещала...

ГЛАВА 5

— Ну чего же ты так долго! — Полина от нетерпения пританцовывала на ступенях школьного крыльца. — Обязательно приходить в последнюю минуту?

— Это я-то в последнюю минуту? Вот сколько на твоих часах? — Саша с шумом выдыхала воздух.

У нее, между прочим, сегодня стресс — она решала непростую дилемму: пойти на шейпинг с подругой или в ресторан с красивым мужчиной. Впрочем, никакая это не дилемма, решение было однозначным и мгновенным. Мужчины приходят и уходят, их не один миллиард разбросан по всей

планете, и в частности несколько тысяч обретаются конкретно в их городе. Конечно, не все из них такие богатые и красивые, как Граф, это факт, но подружки встречаются еще реже, и становятся настоящими не за месяц и даже не за один год. Так что выбор для Саши был очевиден, о чем она и сообщила в деликатной форме в ответном письме своему боссу, не забыв сердечно поблагодарить за оказанную ей честь. «Окей, может, в следующий раз», — получила она ответ, и ее сердце радостно дернулось в груди, а в ушах прогремел победный звук фанфар.

— Ты знаешь, у меня нет часов, но если я достану телефон, он покажет без пятнадцати восемь, — проговорила Полина с легким укором. Сердиться всерьез она не умела.

— Вот, сама себе противоречишь. Опоздала, это когда уже восемь, — запыхавшаяся Саша взбежала по ступеням и замерла перед подругой. — Или одна минута девятого.

— Надо было сказать тебе, что начало в семь, тогда бы ты пришла вовремя.

— Да у нас еще полно времени.

— Откуда? И, главное, для чего? Галопом добежать до раздевалки? Нам еще переодеться надо, причесаться, макияж подправить, — Полина схватила Сашу за руку и распахнула двери. — Идем, а то и эти жалкие минуты потеряем. Чтобы в следующий раз пришла за полчаса до начала,

понятно? За полчаса, и ни минутой позже, — ее строгий голос отдавался тихим эхом под сводами школьного фойе.

— Это из-за прически я должна терять свое личное время? — возмущалась Саша, но послушно шагала за Полиной. Из пустого фойе в коридор и там направо, мимо столовой до малого спортзала — она помнила.

— Не только. Надо еще успеть места хорошие занять.

— Это какие еще? Мы заплатили за абонемент, и нам же еще драться за место под солнцем?

— Не под солнцем, а ближе к зеркалу.

— Это еще зачем?

— Ну вот сразу видно, что ни на какие занятия ты никогда не ходила, — вздохнула Полина, приближаясь к заветному залу. — Да я и так это знаю, тебе и не за чем туда заглядывать. Просто перед зеркалом удобней заниматься, видишь себя и сразу понимаешь, где и что делаешь не так.

— Хм, а разве не тренер должен нас поправлять и следить за правильным выполнением?

— Тренер один, а нас двадцать. Думаешь, он ко всем успеет подойти? — Полина обернулась к девушке, окинула ее дружелюбным взглядом и в глазах ее загорелись искорки. — Ну, думаю, к

тебе-то он сегодня точно успеет. Идем, — и с улыбкой вошла в зал, свернула налево и оказалась в школьной раздевалке.

Народ уже подтянулся, разряженные девушки и женщины разной комплекции и в ассортименте переодевались в спортивную форму, словно готовились к телевизионному выступлению: открытые маечки и топики всех цветов радуги, короткие шортики у тех, кто постройнее, и модного покроя спортивные брюки у тех, кто пока вынужден скрывать свои ноги. Всевозможные прически, яркий макияж и бьющий в нос запах духов, мешанина сладких и терпких ароматов.

— Нда, здесь еще надо выжить и не задохнуться, — пробормотала Саша, выискивая свободный крючок и место на лавке, куда можно было бросить свои вещи.

— Всем привет, — произнесла Полина бодрым голосом, но к Сашиному удивлению, ей почти никто не ответил. Обернувшись на голос и разглядев вошедших, все тут же отвернулись, совершенно не обрадованные ее появлением.

Такое поведение немного озадачило Сашу, но решив, что конкуренция, она и в Африке конкуренция, решила не заморачиваться по этому поводу, тем более, Полину это нисколько не задело. Эта девушка умела довольствоваться малым и не требовать к себе особого отношения, сама даря

именно такое всем, кого любила и уважала.

— И как тебя только угораздило сюда попасть-то, — сквозь зубы произнесла чуть слышно Саша. — Просто серпентарий какой-то.

— От дома близко, и время удобное, да и цена приемлемая, не ворчи, — Полина протиснулась между какими-то женщинами с мрачным выражением на лицах, обе молча пыжились, натягивая лосины на внушительных размеров филейные части тела.

— А с чего тут вообще появилась эта оздоровительная группа? — Саша начала раздеваться, искоса поглядывая на присутствующих.

Как это она не подумала, что в общеобразовательной школе не может быть хороших условий для хранения личных вещей, и что не следовало приходить сюда с телефоном и кошельком. Ладно, другие вроде не переживают по этому поводу, и ей, в таком случае, тоже не стоит.

— Школе нужны деньги. Финансирование, сама знаешь, какое, а существовать на что-то надо, — поясняла Полина, быстро разоблачившись и копошась в спортивной сумке.

— Да уж я-то знаю, разумеется, конечно, специально изучала этот вопрос, — буркнула Саша, в подпрыжке натягивая салатного цвета штаны.

— Ну и вот. Бедного учителя физкультуры

принудили набрать такую группу, которая бы приносила школе хоть какой-то доход. Парню просто пришлось подчиниться решению руководства.

— Представляю, что он обо всех нас думает, — хмыкнула Саша, запрятывая телефон и ключи от квартиры за прорванную подкладку сумки. — Ему детворы днем хватает, а тут еще и тетки всякие, — она снова обвела раздевалку взглядом, заметив, что большая часть присутствующих ее уже покинула. Не иначе, побежали занимать места перед зеркалом, которое так нужно Полине.

— Нет, не представляешь. У него уроки днем, секция восточных единоборств вечером, да еще и мы для полного счастья. Так что я тоже понятия не имею, что он на самом деле чувствует, но с нами он вежлив. Все, я пошла. Я занимаю места, ты приносишь коврики, — и Полина выбежала из раздевалки.

Когда Саша вышла в зал, тренера она нигде не увидела, и это ее записали в опаздывающие! Зато девушки обступили какого-то парня, смазливенького брюнета, по виду — десятиклассника, и отчаянно кокетничали с ним, умело строя глазки. Впрочем, парень не выглядел особо смущенным и пришибленным. Когда же оказалось, что это и есть учитель физкультуры и их

тренер Ян Вадимович, Саша от удивления раскрыла рот. Вот этот мальчик будет помогать им худеть? И для него надо делать прическу и ярко подводить глаза и приходить пораньше, чтобы занять место поближе к нему? Ну что ж, ладно, надо так надо.

Тренер тем временем хлопнул в ладоши, давая сигнал к началу занятий, официально поприветствовал пришедших, пожелал удачи новеньким, и пообещав выжать из них все соки, включил магнитофон.

Саша старалась. Всю тренировку она только и делала, что старалась, с досадой сделав неприятное открытие, что худоба — это еще не повод для радости. Дыхалка слабая, координация расшатанная, сосредоточенность на троечку, а выносливость вообще на доньшке плещется мелкой лужицей, грозясь окончательно пересохнуть. К концу занятия Саша готова была остаться здесь ночевать, потому что полагала, что подняться уже не сможет.

В общем, все как этот кровожадный Ян Как Его Там По Батюшке и обещал.

Справедливости ради следует отметить, что Ян Вадимович помогал ей как мог: ободрял, вдохновлял, дразнил и завлекал радостными перспективами. Саша же про себя отметила, что такого внимания от тренера удостоилась лишь по одной причине — она занималась рядом с Полиной.

Даже если бы она страдала астигматизмом и имела большой минус по зрению, она бы и тогда догадалась, что Ян старается только для одной присутствующей в зале дамы — Полины Медведевой. Она прямо ощущала эту химию, правда, исходящую только от молодого человека, но зато настолько ощутимую, что сразу поняла, почему все женщины так неприязненно косились на Полину.

Оно и не удивительно: молодой парень в самом расцвете сил, с литыми мышцами, имеющий какой-то разряд по боевым искусствам и даже может быть черный пояс, не сводил глаз с одной единственной девушки на зависть всем остальным.

Саша также отметила, что Полина этого не замечала. Она старательно делала все, что ей говорили и показывали, с благодарностью принимая поправки и коррекцию, стараясь от души. Девчонка занималась всерьез, и надо иметь черное сердце, чтобы заподозрить ее в попытке флирта. Впрочем, о чем это Саша? Полина обожает своего мужа, это всем известно. Он для нее и самый красивый, и самый умный и бесконечно благородный, вопреки отсутствию черного пояса и такого роста и развитой мускулатуры, как у этого паренька. Как только в памяти всплыло самодовольное лицо этого типа, Сергея Медведева, Саша помрачнела.

Черт, она так и не знает, что ей делать. Чужая тайна ощутимо жгла ее, не давая покоя, и Саша тоскливо оглядывалась вокруг, будто ища подсказку, как ей поступить. Неужели ни одна из присутствующих здесь женщин никогда не оказывалась в такой ситуации, в качестве жертвы или нечаянной обладательницы неприглядной тайны? Что они чувствовали, о чем думали, как поступали? Как проходили через это испытание? Но все были увлечены выполнением упражнений в надежде на то, что Ян подойдет и поможет им, взяв за ножку, или расправив им плечико, или приподняв подбородок своей сильной широкой ладонью.

Всем хочется внимания, заботы и любви. Все нуждаются в этом, и каждая ждет и ищет. И если надо, можно отобрать это у других, ну, или взять на время, попользоваться, так сказать, чужим счастьем, примерить на себя чужие одежды. Плевать, что там своя жизнь, судьба, любовь. Плевать, что кому-то будет больно, это не важно. Главное — словить свой собственный кайф, пусть ворованный, пусть впопыхах и втихаря, но так даже прикольной — ощущения острее. А что там после тебя останется, что будет с бедным разбитым сердцем — не их забота, и вообще такая ерунда. В наше время слабые не выживают, и за свое счастье надо драться, а не уметь — пусть отойдут в

сторонку.

— Эй, Саш, ты чего? — голос Полины заставил подругу вынырнуть из горестных раздумий. — Чего ты такая свирепая? Посмотри на свое лицо. Это всего лишь боковые махи, расслабься.

— А я что делаю? Я полностью расслаблена, и я выполняю... боковые... махи, — пот тонкими ручейками стекал по Сашину лицу, и она на автомате повторяла и повторяла одно движение, чувствуя, как силы покидают ее.

— А ты будто пинаешь кого-то, буквально избиваешь. С таким лицом в подворотне запоздавших прохожих караулят и деньги у них отнимают, — хихикнула Полина тихонько, чтобы не мешать Яну.

Он как раз неподалеку от нее помогал бедной толстухе, едва ворочающей своими вялыми конечностями.

— А я бы и подкараулила кое-кого, — сквозь зубы проговорила Саша чувствуя, как начинает злиться. Это все из-за Сережки, будь он неладен. Интересно, это подло по отношению к подруге — пожелать импотенции ее мужу-кобелю?

— И кто это тебя так разозлил? — Полина перекинула съехавшую на грудь косу обратно за спину.

— Тебе лучше не знать, — буркнула Саша.

— Так, отлично, девушки! Молодцы! — громкий бодрый голос красавчика вызвал общий вздох облегчения, прошедший гулом по залу. — А теперь встали и дышим.

Все уже знали, что делать, и Саша краем глаза поглядывала на подругу, повторяя за ней движения, чтобы успокоить бешено скачущее сердце и восстановить дыхание.

— Спасибо, все старались, было здорово.

Ян Вадимович заплодировал, все поддержали его, и какое-то время шум оваций отражался от стен гулким эхом.

Саша жалела о том, что забыла прихватить бутылку с водой, но Полина милостиво оставила ей последний глоток и Саша жадно припала к горлышку.

— Девушки, маленькое объявление! — Ян жаждал внимания, и закопошившиеся было женщины замерли, направив заинтересованные взгляды на брюнета. — Предлагаю для сплочения группы отмечать праздники в нашем тесном дружном кругу. Дни рождения, новый год, что-то еще. Как вам идея?

Девушки переглядывались и улыбались. Похоже, слова красавчика пришлись им по вкусу.

— Отлично. Предлагаю в этот выходной совершить пешую прогулку в лес. Вы как, готовы глотнуть свежего воздуха? Здоровый образ жизни

включает в себя не только физические занятия и диету, а также много всего интересного, — завлекал присутствующих Ян.

— Секс — тоже хороший вид спорта и способ похудеть, — прошептал кто-то за спиной у Саши. — Интересно, Яна можно нанять в качестве личного тренера для индивидуальных занятий, а?

Слышавшие это захихикали, Полина с ироничной улыбкой на усталом но довольном лице глянула на Сашу. Она убрала потные волосы со лба и задумчиво провела рукой вдоль косы.

Саша заметила как Ян внимательно проследил за этим движением.

— Ну, что скажете? — казалось, он смотрел на одну только Полину, не замечая никого вокруг, и девушка согласно кивнула, одновременно пожав плечами, как бы показывая свою нерешительность. Мол, подумать надо, с мужем посоветоваться.

— Мы — «за»! — Саша решительно схватила ее за руку и подняла вверх, пока Ян не отводил от нее взгляда. Молодой человек улыбнулся и кивнул.

— Всем хорошего вечера, удачной недели, встретимся послезавтра!

И первым направился в мужскую раздевалку. За ним потянулась вереница жужжащих девушек и женщин.

Саша плюхнулась на скамейку, даже не думая начинать переодеваться. Ну уж нет, час она

просидит так, и только потом, может быть, начнет пытаться шевелиться.

Полина весело поглядывала на нее, стягивая сырую футболку.

— Не думала, что худые могут так потеть, — произнесла она с улыбкой, кивая на темные пятна на белой майке подруги.

— А что же, они хуже пышечек, что ли?

— Да им просто нечем это делать! На то они и худые, что у них изначально уже все соки выжаты, — хихикнула Полина.

— Поль, ты уже сколько сюда ходишь?

— Третий раз, а что?

— Откуда только силы берешь, — позавидовала ее активности Саша. Усталость навалилась на нее, придавив к скамейке, и мысль, что надо еще добрести до дома, вгоняла в уныние.

— У меня есть цель, понимаешь? Я поставила перед собой задачу — похудеть, стать более привлекательной, и я ее достигаю. Ради этого я готова на все.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем становиться лучше, чем ты есть?

Сашин серьезный взгляд озадачил девушку.

— Саш, ну ты чего, никогда не слышала о совершенствовании? Всегда есть куда и к чему стремиться и что-то в себе изменять.

— Но ведь не о внешности это говорится.

— Саш, да что с тобой? Ты как будто в чем-то упрекаешь меня, — Полина присела рядом с подругой, не замечая никого вокруг. Ее пару раз толкнули, провезли по лицу чьей-то курткой, но она даже не обратила на это внимания.

— Полина, ради кого ты это делаешь? Все это?

— Ради мужа, разумеется. А ты что подумала?

— Да просто стоит ли другой человек таких усилий и жертв, а? Надо ли ему это? Способен ли он оценить твои порывы по-настоящему?

— Да что ты говоришь! Мне же самой приятно все это. Я с радостью занимаюсь, и мне нисколько не жалко, что я села на диету. А Сережка, ему тоже будет приятно, что ради него способны на жертвы и лишения. Ради его любви, — Полина мечтательно улыбнулась. — И конечно же речь идет не только о внешних изменениях, ты же понимаешь меня.

— А если мужикам на это плевать, на все эти потуги? Что, если они просто меняют постылых жен на молодых девиц, и все? И к черту тогда твои диеты и прогулки на свежем воздухе!

Ей вспомнился сосед, красивый видный мужчина, который ни разу не привез к себе одну и ту же женщину дважды. За пять месяцев, что он живет в их дворе, Саша в этом убедилась.

— Саша, да что ты, в самом деле? — Полина вскочила и всплеснула руками. Заметно расстроенная, она принялась натягивать на себя юбку. — Можно подумать, что я — постылая жена. Да мы всего третий год в браке, когда бы я успела опостылеть своему мужу?

— Полин, прости, я не это имела в виду...

— И не настолько я страшная, чтобы не было шансов на изменения и он бы бросился на поиски новой женщины. Мне всего двадцать шесть, и я не собираюсь записывать себя в старухи.

— Да тише ты, я же просто так это ляпнула, чисто гипотетически, — Саша вскочила, забыв про смертельную усталость, и потянула Полину за рукав блузки, которую та собиралась надеть.

— Конечно, чисто гипотетически, — ворчала Полина, не желая выпуская рубашку из рук. — А обидела ты меня тоже чисто гипотетически? Почему же мне тогда обидно реально и фактически?

— Не правда, тебе не может быть обидно, потому что все что я сказал — ерунда, и обижаться не на что, и ты это знаешь и понимаешь, потому что умная. Самая умная из нас.

Полина внимательно посмотрела в лицо подруге. Сероглазая красавица с притаившейся в глубине глаз печалью, которую, как сама она была уверена, успешно скрывала ото всех на свете,

стройная и ладная, с чистой кожей и натуральным цветом волос — чего еще нужно мужчинам? Где они, настоящие, порядочные, сильные?

Попросить, что ли, Сережку познакомить ее с кем-нибудь из его друзей? Пора за нее браться, а то после своего Пашки вообще перестала смотреть в сторону парней, и разговоры эти подозрительные: зачем да к чему... Депрессия, что ли начинается?

— Ну что, все рассмотрела? — Саша состроила рожицу. — Все мои капилляры и сосудики?

— Да какие у тебя сосудики? Что ты из себя бабушку корчишь? Тебе еще далеко до всех этих сосудиков. Одевайся, пора домой.

И показывая пример, принялась облачаться с завидной скоростью и целеустремленностью.

* * *

А дома Сашу ждал сюрприз. От таких сюрпризов она вздрагивала, и ночью ей виделось что-то мутное и темное, но так как кошмары не снились в принципе, то просто просыпалась разбитой и уставшей, впрочем, опять же — так бывало всегда по утрам, стоило прозвенеть паразиту-будильнику.

На этот раз таинственный автор «сюрпризов» превзошел себя. Как только Саша переступила

порог ставшего родным дома, в прихожую вышел Федор. Высокий худощавый мужчина сорока лет с приятными, немного женственными чертами лица, с легкой бородкой (как подозревала девушка — для придания лицу мужественности), в спортивном костюме и как всегда — спокойный и невозмутимый.

— Где была?

— Подругу спасала.

— Которую? И как именно? — мужчина принял Сашино пальто и повесил на плечико, как делал всегда, встречая ее по вечерам.

— Полинку, от одиночества, — Саша впихнула ноги в тапки и направилась в ванную.

— Хорошее дело, — кивнул Федор. — Ужинать будешь?

По уму — ей следовало лечь голодной, разве что выпить стакан кефира, но у худых свои преимущества: женские прелести таких девушек лишены известных округлостей, зато счастливицы могут позволить себе плотный ужин на ночь глядя, не имея при этом никаких тяжелых последствий.

Сегодня Саша еще больше уверилась, что ее поход в спортзал — совершенно не имеющая смысла авантюра, но если Полине так лучше и спокойнее, она пойдет на эту жертву. Но диета... этому не бывать.

Вот Иза никогда не нуждалась в компаньонке,

решив что-либо изменить в своей жизни, и действовать всегда любила сама, в одиночестве. Да и в деле заполучения очередного плательщика по ее счетам или пригласительного билета в высший свет, где Иза обожала показываться в обществе того или иного представителя класса сильных и обеспеченных, вторая женщина была бы лишней.

Полина другая — душевная, спокойная и немного стеснительная, чтобы она сама ни говорила об этом.

Дверь в комнату, откуда только что вышел Федор, была распахнута, и проходя по коридору, краем глаза Саша заметила необычную композицию в центре стола.

— Откуда цветы? — она удивленно обернулась к дяде. — И для кого?

— Не знаю, но уж точно не мне, — подмигнув ей загадочно, он обогнал ее и скрылся на кухне. Тут же послышалось гроыхание кастрюль и звон посуды. Еще бы ему не разводить бурную деятельность — всегда легче подогреть то, что готовил другой, крутась в поте лица на одной ноге.

Саша, забыв о ванной, направилась к столу и как завороженная, уставилась на букет. Бордовые розы с крупными удлинненными бутонами, сочные и свежие, будто только что срезанные в оранжерее, стояли в скромной Фединой вазе, которая выглядела так же нелепо, как деревянное корыто

для королевского торта.

— Феть! — крикнула Саша, не отрывая взгляда от цветов. — А кто принес букет? Или он сам материализовался здесь?

— Нет, не сам, курьер принес. У тебя новый воздыхатель? — Федя выглянул из кухни. — Поздравляю.

Хорошо, что он не видел Сашиного лица. В данную минуту на нем отобразился... страх.

Не прикасаясь к розам, будто они могли оказаться ядовитыми, Саша направилась в свою комнату, выдвинула нижний ящик комода и вытащила коробку из-под конфет, прикрытую сверху парой рубашек. Уселась на диван, подогнув под себя ноги, и сняла крышку. Внутри лежало четыре конверта, все — бордового цвета, подписанные от руки, без обратного адреса, с одним только словом: «Тебе».

Дрожащими руками открыла наугад один из них. На вложенном листке бумаги красивым почерком было написано только одно предложение: «Ты нужна мне». Достала второе. «Я ищу тебя». Третье. «Не прячься от меня». Четвертое. «Ты будешь моей».

Взъерошив светлые волосы, девушка тяжело вздохнула и опустила голову.

Странные письма стали приходиться вскоре после разрыва с Пашкой, по одному в месяц.

Сначала Саша так и подумала, что это от ее бывшего — так он пытается наладить с ней связь, чтобы помириться. Она отправилась к нему, подкараулила во дворе и устроила скандал на виду у всех. Ею двигал страх, но также и тайная надежда, что именно он автор писем. К сожалению, она ошиблась. Пашка поклялся, что был бы рад вернуть ее расположение и заслужить ее прощение, но не писал никаких писем, считая, что Саша его никогда не простит.

— Или, простишь? — произнес он тихо, заглядывая ей в глаза.

Девушка обернулась к нему, посмотрела в красивое лицо, от которого так долго сходила с ума, и произнесла тихо и твердо:

— Ни-ког-да!

Письма продолжили приходиться, и Саша не знала, что и думать. У нее не было ни одного предположения, кто мог быть их автором, и каждое новое письмо, брошенное в почтовый ящик, доставала с дрожью в руках и гулко бьющимся сердцем. В подъезд теперь она всегда входила с опаской, оглядываясь по сторонам, готовая при малейшем намеке на опасность задать стрелкача, но пока ее никто не трогал и не искал с ней встречи, довольствуясь лишь этими непонятными короткими посланиями.

И вот букет. У девушки были все основания

полагать, что это дело рук одного и того же ненормального, потому что больше некому было посылать ей цветы.

Подумав еще немного, она вскочила, легко спрыгнув с дивана, и вновь бросилась в зал.

— Федь, — снова позвала она, пересчитывая розы. Семнадцать штук. — Федь, а никакой записки не было?

— Была, точно, я просто забыл. Я на телевизор положил, — Федор снова выглянул в коридор — Иди ужинать. Долго тебя ждать?

— Пять сек, — пробормотала Саша, беря в руки бордовый конверт. Нервно сглотнув, достала белый листок. «Ты прекрасна».

Тяжело вздохнув, она направилась в кухню.

— Как-то ты не слишком рада, что тебе прислали такие цветы, — встретил ее дядя. — Букет тянет тыщ так на...

— Не важно, насколько он тянет, — буркнула девушка, — важно, кто и с какой целью его прислал.

— Ну ты даешь, мать, — Федор поставил перед ней полную тарелку макарон с двумя котлетами (он знал, как Саша любит поесть). — Это же знак внимания, это чей-то намек на продолжение отношений.

— Вот то-то и оно, — протянула Саша мрачно, глядя на вилку.

ГЛАВА 6

О странных письмах не знал никто, ни Сашин родственник, ни подруги. Почему-то было страшно рассказать об этом хоть кому-то. Саше казалось, открой она только рот, как таинственный джин вылетит из бутылки и ситуация станет неуправляемой, а пока знает только одна она — существует иллюзорное чувство контроля над происходящим. Конечно, это не так. До сих пор неизвестный автор ограничивался только посланиями, но что будет, если он решит перейти к действиям? Об этом Саша предпочитала не думать.

К обеду мрачность исчезла. Неожиданно девушку посетила одна интересная мысль, и она испытала настоящую радость, тихую и не заметную окружающим, но сменившую минорный лад ее мыслей на бравурный марш.

Просто Саша подумала, что... подумала, что... а что, если... ммм... а если цветы прислал Граф? Это очень даже может оказаться правдой. Он воспитан и держится так, что подобный подарок вполне может быть в его духе.

Разумеется, Саша понятия не имела, что в его духе, а что нет, слишком плохо зная этого мужчину, но в том, что он джентльмен — не сомневалась. А значит, он очень даже мог прислать ей эти розы. В

знак симпатии, так сказать. Дружеской, разумеется, какой же еще.

Просто... он же пригласил ее в ресторан, а значит, оказал ей особый знак внимания, выделил из сонма своих работников, заметил и отметил. Цветы казались следующим логическим ходом... Стоп! Ходом чего? Соблазнения?

Что, серьезно? Она действительно считает, что Роберт Стивенсон может быть заинтересован в том, чтобы вызвать в сердце Саши Кунициной особое чувство? И ему это надо, нет, правда? А что, кто-то станет утверждать, что она этого не достойна? Ну, это сложная и болезненная тема, не стоит сейчас углубляться в дебри нудных рассуждений с составлением психологических портретов...

Конечно, если начистоту, кандидатура Графа, как потенциального отправителя загадочных посланий, казалась притянутой за уши, но что ни говори, а основание, хоть какое-то, хоть размером с пятак, у Саши имелось — Граф относился к ней иначе, чем к другим, и уже довольно продолжительное время.

Отложив в сторону документы, девушка задумалась. В какой момент она впервые заметила внимание Роберта к своей скромной персоне? Не тогда ли, летом, когда ее глаза подернулись тоскливой дымкой и скорбная складка залегла

около губ? Граф первым обратил внимание на ее душевное состояние и при случае всегда интересовался ее самочувствием. Девушка никому не рассказывала о своей личной драме, но забота босса была ей приятна.

При этом в его глазах девушка замечала нечто такое... нечто такое, что не могла себе объяснить, и это сильно смущало ее, одновременно радуя и заставляя сердце биться быстрее, но Граф никогда не выходил за рамки приличий. Разве что вчера позволил себе более близкое общение с ней, чем обычно.

Его приглашение в ресторан раскрыло все карты. Теперь Саша была практически уверена — письма приходят от него. Их посылал Граф, чтобы поддержать ее. Это казалось невероятным, но так ей было легче.

Это гораздо приятнее, чем сознавать, что она стала жертвой ненормального загадочного сталкера (*сталкер — преследователь, человек, вторгающийся в чужую жизнь*), когда не знаешь, на что он способен и чего от него ждать. Совсем другое дело — когда тебе оказывает знаки внимания достойный человек, интересный мужчина, что-то значащий для тебя.

На душе сразу стало так легко, словно за окнами бушевала весна, вопреки законам природы, и даже воздух ей казался напоенным ароматом

перемен и свежести. Теперь не нужно бояться заходить в собственный подъезд и вздрагивать, когда открываешь дверцу почтового ящика и видишь бордовый конверт. И больше не будут дрожать руки, извлекая из него очередное послание, разве что от радостного волнения.

Нет, конечно, Саша ни за что бы не призналась себе, что влюблена. Для этого она действительно слишком мало знала своего начальника, но он относился к категории тех людей, которые вызывают симпатию мгновенно и нравятся с первого взгляда. Они способны завладеть не только вниманием, но и поселиться в мыслях, стать навязчивой идеей. Такие люди слишком яркие, чтобы остаться незамеченными, и всегда производят неизгладимое впечатление.

Только сейчас Саша подумала, как, оказывается, это сложно, когда все на тебя смотрят и считают тебя идеальной партией. Кто-то из этой оравы поклонниц по-настоящему в это верит, ну а кто-то просто считает такой союз удачным альянсом и делает все для того, чтобы он осуществился. И как в таких условиях бедному мужчине распознать, кто относится к нему всерьез, а кто держит его за петуха, несущего золотые яйца, ну или за курицу. Сложно, будучи умным и имея не заурядный интеллект, понимать и давать себе отчет в том, что из десяти очарованных тобой женщин

лишь одна-две испытывают к тебе настоящие чувства.

Проведя рукой по волосам и убрав с глаз челку, Саша обвела взглядом примолкших коллег. Все трудились, уткнувшись носами в мониторы своих компьютеров, и девушка удивилась тому, какое направление приняли ее мысли. Надо же, оказывается красота и богатство — это не только радость, но и проклятье — пойди-распознай, кто достоин разделить с тобой это счастье. Нда...

В углу монитора замигал значок-оповещение: пришло почтовое сообщение. Саша навела курсор на конверт, и уже через пару секунд глаза ее засветились такой радостью, что преобразилось все лицо. Возможно, она об этом даже не догадывалась, но тот свет, который излучали небесно-голубые глаза, делал ее сейчас особенной.

«Как прошел вчерашний вечер?» — интересовался босс. Боже, разве это не подтверждение ее догадки? Стал бы он писать ей, если бы не имел планов на ее счет! Разумеется, ему интересно, как она отреагировала на его подарок.

Это он послал цветы, однозначно, и то, что конверт был идентичным предыдущим, указывает на то, что и письма и букет пришли от одного человека, и им оказался Граф! Боже, какая радость. Чего она столько времени дрожала и накручивала себя, когда все оказалось не страшным, а очень

даже романтичным.

«Было здорово», — написала Саша, намекая на чувства, которые испытала после получения его подарка.

Нет, вчера, разумеется, она чувствовала страх и растерянность, а радость пришла только несколько минут назад, но это не вина Роберта. Хотя... Хотя, почему он не открылся ей раньше? Почему четыре месяца сохранял инкогнито, доводя ее до икоты всякий раз, когда она обнаруживала таинственный бордовый конверт? Проверял, изучал, присматривался?

И что теперь? Означает ли тот факт, что Граф практически открылся ей, что он уже определился с выбором?

Ох, Сашка-Сашенька, куда ты гонишь лошадей? Мало тебе Пашки...

Он тоже был хорош и обворожителен. Пел красивые песни, дарил цветы, читал стихи и был весь мармеладно-шоколадный, политый малиновым сиропом и обсыпанный марципанами, а потом сообщил, что она должна кое-что для него сделать. Ничего особенного, суший пустячок, для нее не составит труда: надо просто переспать с одним человеком, чтобы Пашку оставили в живых.

В тот момент, услышав подобное предложение от возлюбленного, Саша почувствовала себя как человек, получивший удар

под дых, когда из легких улечивается весь воздух и невозможно сделать полноценный вздох. Не было мыслей о подлости, предательстве и гадости происходящего. Просто нечем стало дышать, и заняло сердце.

Так и открылось, что Паша болен — он игрок, потерявший все: работу, дом, машину. Долгое время ему удавалось скрывать это от Саши, и она пребывала в счастливом неведении, с кем встречается и на кого строит планы на будущую жизнь.

Откровение, что сама она вдруг стала предметом на кону, вызвало у Саши истерику. На какой-то миг Пашке показалось, что он умрет раньше, чем его заимодавцы доберутся до него — от руки своей возлюбленной. На тот момент уже бывшей возлюбленной.

В те дни Саша много размышляла о том, правильно ли поступила, оттолкнув его. Она любила его и была счастлива. Ни разу, никогда Паша не обидел ее ни словом, ни действием. Он всегда был внимателен, предупредителен и бесконечно ласков с ней. Так не ее ли поступок можно было назвать предательством, когда он так нуждался в помощи? Друзья давно отказались от него, родители были далеко, они жили в области и еле сводили концы с концами, ничего не зная о его проблемах, и кто как не Саша должен был помочь

ему, поддержав в сложный период жизни?

Разумеется, она могла бы пойти на жертвы и собрать нужную сумму для откупа, а потом отправиться с ним к врачам, психотерапевтам и другим специалистам, которые лечат зависимость, если бы не одно «но». Паша не просил у нее денег, он признался в своей болезни лишь для того, чтобы потребовать оплаты своего проигрыша. Ему нужно было только ее тело, чтобы положить его на игорный стол перед человеком, которому в очередной раз проиграл. Проиграл совесть, порядочность и здравый смысл. А теперь еще и чужую жизнь.

Он решил закрыться ею, спрятаться от опасности за ее спиной, веря, что для Саши действительно «не составит особого труда переспать с этим человеком». «Он красивый, обеспеченный, у него власть и сила, — уговаривал он ее тогда, когда еще не понимал, что с ней сотворил. Он еще не видел паники, зарождающейся в ее широко раскрытых глазах, она лишь открыла рот, пытаясь судорожно втянуть воздух. — Может даже, он тебя наградит. Говорят, он щедр со своими женщинами. Он точно тебя не обидит, он мировой мужик». Пашка расхаживал по комнате, нервно жестикулируя. Он уговаривал, рисовал прекрасное будущее и завлекал блестящими перспективами, полагая, что исход беседы мог зависеть от степени

его красноречия.

Лишь когда ему в голову угодила попавшаяся под руку книга, он удосужился взглянуть на свою подругу. Саша рыдала. Беззвучно, без слез, лишь дикий ужас отражался на перекошенном лице. Ужас от того, что он с ней сделал. Вот и открылось, как на самом деле он к ней относился, и это откровение ее сломило. Было больно от того, что все ее надежды, вера и ожидание счастья оказались лишь горсткой пыли...

— Обед! — объявила Марина, застав ее врасплох. Когда она успела незаметно подкрасться к Сашиному столу?

Девчонки уже одевались, готовые выпорхнуть в общий коридор.

Саша встрепенулась и рассеянно обвела глазами кабинет, прежде чем сфокусировать взгляд на начальнице. Глаза же той были устремлены на монитор ее компьютера, прямо на раскрытое письмо от босса.

— Что это значит? — спросила Марина тихим голосом, на ее спокойном красивом лице не отражалось никаких чувств.

— Еще не знаю, но надеюсь — что-то очень хорошее, — ответила Саша.

Ее сердце дрогнуло от вида окаменевшей женщины, но она не обязана перед ней отчитываться. В конце концов, босс сам решил ей

написать, и по собственной инициативе прислал цветы, и Марины это не касается, каким бы хорошим человеком она ни была.

— И давно это у вас? — спросила женщина, по-прежнему, без эмоций.

— Девчонки, ну вас долго ждать? — позвала от двери Люда. — Мы голодные.

— Да, идите, мы вас догоним, — отпустила их Марина, даже не обернувшись.

Люда поймала Сашин взгляд и, что-то прочитав в нем, решительно направилась к выходу.

— Ответь, Саша, давно ты общаешься с Графом? — Марина положила руку на спинку ее кресла.

— По почте — со вчерашнего дня, а письма он шлет мне уже четыре месяца.

— Какие письма?

— Ну письма, в конвертах, я нахожу их в почтовом ящике у себя дома.

Саша не понимала, почему все это говорила сейчас, но скрывать что-либо от Марины ей казалось не порядочно. Если у нее что-то намечается с боссом, к которому Марина не равнодушна, то та имеет право об этом знать.

— Что, серьезно? Зачем ему это?

— Не знаю, наверное, так интересней, он же романтик.

— Он серьезный занятой человек, бизнесмен с

определенным складом ума... — начала Марина, но Саша ее перебила.

— Можешь мне не говорить это, — произнесла она, покачиваясь в кресле, демонстративно смахнув тем самым руку начальницы. — Он может иметь какой угодно склад ума, но если ему захотелось писать мне письма, он не обязан спрашивать твое мнение на этот счет с целью произвести оценку логичности и целесообразности такого поведения. Твои умения и талант экономиста не распространяются на его личную жизнь, и решения, касающиеся всего, кроме его бизнеса, лежат вне твоей компетенции и власти.

— Ты бросаешь мне вызов, девочка? — Марина чуть заметно повысила тон, но Саша уловила это. Любая бы в их отделе заметила подобное.

— Причем тут я? Возможно, это Граф бросает тебе вызов.

— Может быть виной тому твоя особая манера держаться?

— Ты хочешь назвать мое поведение недостойным?

— А тебе можно писать письма, лишь воодушевившись твоим недостойным поведением?

— Не лови меня на слове, просто я прекрасно понимаю, к чему ты клонишь. Но от того, что ты

дискредитируешь меня в своих собственных глазах, вряд ли что-то поменяется в реальности. Если Граф желает кому-то писать — он будет продолжать это делать. И если ему хочется послать кому-то шикарный букет цветов — никто не может запретить ему это.

Марина посмотрела на нее потемневшими глазами.

— Так он прислал тебе цветы? Когда?

— Вчера. Отсюда и его вопрос, что я испытала при этом.

— И как далеко ты готова зайти во флирте с ним?

— Это не флирт, и я не знаю, не думаю, что следует строить прогнозы и что-то планировать прямо сейчас. Все только начинается, и не стоит спешить.

— Четыре месяца — и все еще не стоит спешить?

— Марина, я тут ни при чем, — вздохнула Саша.

Она знала, как и все, насколько Марина очарована своим боссом. Возможно, она как раз из тех двух из десяти, кто испытывает к красивому видному мужчине настоящие чувства, хотя... кто знает, чужая жизнь — потемки. Ее бывший муж оставил ей кучу долгов, и финансовое решение своих проблем при помощи Графа было бы очень

кстати. Кто тут разберет, у кого чувства настоящие, а у кого наигранные. Саша и в себе еще не разобралась, что говорить о других.

— Собирайся на обед, не хочу, чтобы ты пожаловалась Графу, будто я отнимаю твое личное время, — Марина направилась к шкафу. Высокая, прямая, ледяная.

Многие мужчины в их фирме испытывали священный страх и благоговение перед ней, но она оставалась безразличной к знакам внимания со стороны, храня свои чувства и эмоции для одного, кому они были не нужны.

— Вряд ли он сунется в твою епархию, — проговорила Саша, не сводя с нее глаз.

Марина обернулась.

— Как знать, может, в скором времени он сочтет, что ты более достойна занять место руководителя этого отдела.

Саша хотела ответить что-то резкое и обидное, чтобы показать, как оскорбили ее эти слова, но сдержалась. Она не поддастся на провокацию и не будет ни в чем оправдываться.

— Не знаю, ему виднее. Я не в курсе этих вопросов, у нас есть, что обсуждать помимо кадровых перестановок, — проговорила она, поднимаясь, и с независимым видом прошествовала к шкафу мимо опешившей начальницы.

Марина проводила ее тяжелым взглядом, но

Саша осталась недосягаема для такого психологического давления, закрывшись от ментального натиска радостью, которую испытала в тот момент, когда поняла, что именно Граф — тот таинственный почитатель, который забрасывает ее записками и дарит цветы.

Может быть, ей все равно, насколько он красив и богат, и для нее в этой истории главное только то, что нет никакого опасного и жестокого преследователя, кто мог бы и хотел причинить ей вред. Все-таки хочется жить и дышать полной грудью, не опасаясь за свою жизнь.

* * *

Телефонный звонок застал Сашу в троллейбусе по дороге домой. С кровожадной улыбкой она приняла вызов.

— Мне звонит счастливая обладательница очередного трофея? Насколько кровопролитной была война за его получение? Сколько поверженных конкуренток осталось бездыханно лежать на поле боя? И сколько весит золотая диадема на твоей хорошенькой головке? — промурлыкала она насмешливо, не давая подруге и рта раскрыть.

— Сашка, замолчи ты уже, наконец! — взревела расвирепевшим хищником Иза. —

Грешно смеяться над чужими промахами.

— Что ты имеешь в виду под словом «промах»? Твой отказ помочь подруге? Пренебрежение многолетней дружбой? Или соблюдение своих эгоистичных интересов?

— Сашка! Заткнешься ты или нет?

— А что, если нет? — Саша поправила рюкзак, съехавший с плеча, и покосилась на молоденького парнишку, не сводящего с нее глаз. — Между прочим, я вчера пожертвовала своим личным счастьем ради Полинки, а ты нет. Так что вот.

— Вот я и звоню узнать, в чем там у вас дело.

— У нас, Иза, у нас в чем дело, потому что дело — швах, и это касается всех нас.

— Стой, а я-то в чем виновата?

— Пока не знаю, и не в этом дело, но помощь твоя пригодится.

— Ну давай, выкладывай, — подруга приготовилась слушать.

— Эй, постой. Ты-то едешь в своей машине, в наушнике, в расслабленной позе, наверняка только что сточила какую-нибудь вкусную булочку, а я голодная, трясусь в общественном транспорте, где никто не уступит место бедной усталой девушке, и ты хочешь, чтобы я, стоя посреди этого столпотворения, начала говорить о деликатных вещах?

Иза помолчала, анализируя полученную информацию. Она умела отделять зерна от плевел.

— Насколько деликатных?

— На столько, что дело пахнет разводом.

— Сережка изменяет Полинке, — тут же выдала результат Иза.

— Приятно иметь дело с умными людьми.

— И в чем проблема? Пусть гонит этого мерзавца. Она, кстати, знает об этом?

— Да в том-то и дело, что нет. И я понятия не имею, как ей об этом сообщить.

— Просто сказать, и все.

— Только вчера она говорила мне, насколько влюблена и счастлива, а уже завтра мы разобьем это счастье...

— Во-первых, не мы, а он, этот кабелина, — решительно перебила Иза рефлексирующую подругу. — И потом, ты же не думаешь, что стоит оставить все, как есть?

— А может, поговорить с Сережкой?

— Ты чего, мать?

— Ну, припугнуть его, что нам известно о его похождениях, и заставить все прекратить. Как думаешь?

— А кстати, откуда нам это известно?

— Я подслушала разговор.

— Его? С любовницей?

— Нет, его... подружек, ну ты понимаешь?

— Они говорили о нем?

— Ну да.

— А ты не ошиблась? Может, они рассказывали о похождениях какого-то другого Сергея Медведева.

— Нет, они указали на его жену и сказали, что ее муж классно, ну в общем, ну сама понимаешь, не маленькая, — замялась Саша.

— Ладно. Первое: ты услышала разговор... Слушай, стой, где ты? Давай я тебя подберу и мы поговорим нормально, хорошо? Все-таки это не телефонный разговор. Ты где сейчас едешь?

Саша глянула в окно.

— Проезжаю Политех.

— Отлично, там и выходи. Я минут через двадцать тебя подберу.

— Чего? Через двадцать? И что мне делать на остановке вечером двадцать минут? Иза, ты прикалываешься?

— Нет, я мчусь к Политеху на всех парах, — Иза была невозмутима. — А впрочем, переседь там на трамвай и дуй в сторону центра.

— Ну вообще красота! И чего мы там забыли?

— Кое-кого забыли, — напустила туману девушка. — Саша, я буду тебе очень признательна, если ты переседешь сейчас на третий трамвай и доедешь до Ратушной площади. Я могу на тебя рассчитывать?

— Конечно, и это после того, как я обрисовала тебе проблему Полинки, практически трагедию. Ты выслушала и решила провернуть какое-то свое дельце. Отлично, я рада за тебя — ты нигде не пропадешь.

— Мы провернем два дельца, — спокойно ответила Иза, — Полинкино и мое. Обсудим одно, и сделаем другое.

— Ладно, езжай к Ратуши, я скоро буду, — буркнула Саша и отключилась. Надо было еще пробраться к выходу, не потеряв ни оной пуговицы на новеньком черном пальто.

ГЛАВА 7

Саша рассчитывала запрыгнуть к Изе в машину, расслабиться и согреться — этот промозглый ветер уже достал ее до костей, заставив продрогнуть. Увидев в начале площади красный Пежо, она довольно активно зашагала навстречу, но ее ждало разочарование. Как только машина поравнялась с Сашей, энергично дожевывавшей сладкий пирожок, купленный на остановке, Иза выпорхнула из авто и, картинно протянув руку, щелкнула сигнализацией. Вид у нее был такой, будто она орудовала волшебной палочкой, творя новую вселенную, не меньше.

— Э... а мы разве не поедem на твоей славной

машинке? — в ярком свете фонарей Саша выглядела прехорошенькой, а смесь недоумения и еще не исчезнувшей до конца надежды делала ее лицо по-детски забавным.

— Нет, дорогая, мы отправимся на прогулку, — Иза уверенно подхватила подругу под локоток и повела в сторону набережной.

— Но... я весь день сегодня только и делала что гуляла по лабиринтам расчетов и кулуарам таблиц. Убегалась — сил нет.

— Тебе нужен свежий воздух, — Иза и не думала выпускать ее из цепких рук. — Весь день сидишь, уткнувшись в свой компьютер, света божьего не видишь. Я оказываю тебе услугу, дорогая.

— А! Так я тебе еще и спасибо должна сказать за то, что ты вытащила меня из теплого троллейбуса, заставила тащиться в противоположном от дома направлении, чтобы составить тебе компанию на прогулке по вечернему городу. А то тебе больше не с кем месить эту слякоть под ногами! — возмутилась Саша, мгновенно проглотив последний кусок пирога и закашлявшись.

— Не с кем, — тихо произнесла Иза, глядя в сторону.

Саша внимательно посмотрела на ее профиль. Красивая, ухоженная, блестящая, сейчас она

казалась расстроенной или, скорее, озадаченной, и Саше на какое-то мгновение захотелось ее пожалеть и выразить свое сочувствие, но вовремя вспомнив, что эта девушка не сдастся просто так, промолчала. Если Иза чего-то не имеет сейчас, то обязательно получит это позже, каким бы не был изначальный расклад. Всегда происходит так, как хочется ей, других вариантов быть не может.

— Вот и мне не с кем, — вместо этого сказала Саша, сама удивившись своему признанию. Как это так? Ей только вчера прислали цветы, и не просто букет, а роскошный, волшебно-прекрасный букет шикарнейших роз, и очень достойный человек пытается за ней ухаживать, а она идет тут и прибедняется.

— Вот и давай проведем это время с удовольствием, — откликнулась Иза.

Они свернули с шумной площади в узкий проулок. Впереди виднелась река, черные воды которой отражали сотни ярких огней фонарей, выстроившихся ровными рядами вдоль высоких берегов.

Набережная считалась элитным районом и дома, расположенные на ней, могли себе позволить только довольно обеспеченные люди. Небольшие трехэтажные особняки прятались за ажурными чугунными оградами, летом утопая в зелени акаций и рябин. Подъездные дорожки блестели в свете

городской иллюминации.

— Иза, ладно я одна, но ты... Я полагала, что накануне у тебя все прошло идеально.

— Не совсем, — брюнетка поправила копну черных волос и насмешливо оскалила зубки, пряча досаду за блеском улыбки. Она нервно поглядывала в сторону особняков, мимо которых они прогуливались сейчас неспешным шагом.

— Мы кого-то ищем? — высказала свое предположение Саша. Иза казалась напряженной и взволнованной, но отчаянно скрывала это.

— Нет, что ты, вовсе нет.

— Расскажи мне про свое свидание, — попросила Саша.

— Это не свидание, просто я встретила кое-кого.

— Ого! И бой пойдет в несколько ходов, да? Ничего, тебе не привыкать, и так даже интересней, правда?

— Можешь помолчать? — Иза дернула ее за руку, продолжая путь.

— Могу. Тогда ты сама расскажи.

— Он шикарный мужчина.

— Так, хорошо, других и не держим, это понятно. Дальше.

— Все.

— Как все? А дальше-то что?

— А дальше он... он не оценил моего

интереса.

— Ах даже так! Ну, он скорее просто недооценил тебя.

— Возможно, я на это и надеюсь.

— Так за чем же дело стало?

— За малым — охмурить его, окрутить и заполучить в подарочной упаковке, — Иза насмешливо ей улыбнулась. Становилось понятно, что это не так-то просто, или даже вообще невыполнимо. Саша уловила грусть в ее глазах и какое-то волнение.

— А он тебя видел вообще, или ты к нему не подходила даже?

— Видел, я даже пыталась попроситься проводить меня, но этот гад предложил вызвать мне такси, даже в свой джип не позвал, — брюнетка прикусила губку, как делала всегда, когда злилась.

— Вот блин. А ты что?

— А я гордо указала ему на свой автомобиль, и он просто проводил меня к нему.

— Ну ничего, он еще не знает, с кем имеет дело, — Саша считала своим долгом поддержать подругу, что бы на самом деле сама ни думала об этой ситуации.

— А то, он еще ответит за такое свое поведение, — Иза снова произвольно повернула голову в сторону особняков.

— Ты кого-то ждешь, — Саша была почти

уверена в этом. Не спроста Изка притащила ее сюда. Больно надо прогуливаться здесь в восьмом часу вечера, когда завтра снова на работу, а ноги уже отваливаются. А, точно, она здесь ищет того парня, который имел глупость не поддаться Изкиному очарованию. — Ладно, ты можешь и дальше использовать меня вслепую и по-черному, — проговорила она, в этом месте проигнорировав возглас возмущения, наигранный и неискренний, — но прошу тебя, давай перейдем к насущной проблеме. С Полинкой надо что-то делать.

— Да, как раз это я и хотела тебе предложить. Как ты узнала про эту страшную тайну?

— Подслушала разговор, — Саша печально вздохнула. — Речь шла о муже Полины, я это точно знаю, и эти, с позволения сказать, девицы указали на нее и посмеялись над ней, до небес превознося сексуальный талант ее мужа. Ясно же что речь шла о Сережке.

— И что? В чем проблема-то? — Иза недоуменно пожала плечами.

— Если мы скажем: «Полина, твой муж изменяет тебе со всеми подряд по десять раз на дню», думаю, это ее убьет.

— Это не убьет, разве что разочарует.

— Ну ты что, не знаешь Полинку? Для нее Медведев — ее «все», как Пушкин для России. И

убийство ее идеала может повлечь за собой такие последствия... страшно даже представить.

— Она нормальная девчонка, поймет, переживет, а мы будем рядом.

— А я вот думаю, может, ей не стоит об этом узнавать? — Саша обернулась к Изе, вышагивая задом наперед. — А? Может, похороним эту тайну, чтобы не ранить ее?

— Что? Оставить все как есть? Закрывать глаза на это безобразие?

— Да нет, не то чтобы закрыть... просто ей не открывать, а с Сережкой провести воспитательную беседу. Мол, не исправился — тогда все откроем твоей жене.

— Так он тебя и послушает. Он и так нас с трудом терпит, а после такого еще и грязью обольет, и Полька поверит ему в случае чего, а мы без фотографий ничего доказать не сможем.

— Но нам ведь и не нужно ничего доказывать, верно? Нам просто надо что-то сделать, чтобы он перестал так поступать и Полинке не было больно.

— Ну уж нет, так не бывает. Или — или. Или он прекращает, и тогда действительно можно будет все замять, или пусть все тайное станет явным. А как иначе?

— Вот и не знаю...

Девушки молча шагали по малолюдному тротуару. Саша поглядывала на игру огней в

отражении легких ленивых волн, Иза не сводила взгляда с особняков по левую руку.

К воротам одного из них подъехал черный джип, из него вышли двое мужчин, и машина уехала. Один из оставшихся был худощав и высок и держался прямо, с той грацией животного, которое обладает и силой и уверенностью, необходимыми для того, чтобы быть первым. Он неспешно огляделся и неожиданно наткнулся на взгляд Изы. Брюнетка дернулась, мгновенно отвернувшись, но при этом приосанилась, выпрямила спину, расправила плечи и высоко подняла голову.

С легкой улыбкой мужчина следил за ней, пока не перевел взгляд на ее спутницу, невысокую худенькую блондинку.

Его лицо вмиг изменилось, насмешка исчезла из ярких глаз, и он неотступно смотрел вслед девушке, пока обе шагали по блестящему от недавнего дождя тротуару.

Иза этого не заметила, довольная, что смогла снова привлечь внимание мужчины, которому досрочно отдала пальму первенства и звание Самого Главного.

— Ненавижу его, — ворчала между тем Саша, расстроенная подлым и гадким поведением мужа подруги. — Всю жизнь ей испоганил, даже если она этого и не знает. Она строила свой красивый мир три года. Целых три года, Изка, стараясь, прежде

всего, для него. И до этого, он ведь год за ней ухаживал. Все так красиво было, романтично, помнишь, как мы ей завидовали? — Саша глянула на подругу. Та лишь приподняла брови, соорудив насмешливую гримаску. — Ну ладно, я, я завидовала, потому что все было красиво, чисто, искренне, по-настоящему.

— А вот теперь и не узнаешь, насколько искренне все было, — перебила ее брюнетка. — Может, он такой всегда был.

— Да, теперь не узнаешь.

— Ведь с чего-то он начал ей изменять, а? Может, не такой уж и идеальный мир создала Полинка? — произнесла Иза крамольную фразу.

— Ну уж нет, тут я с тобой согласиться не могу. Есть такие мужики, их как не обихаживай, что для них ни делай, они все равно, как свинья, грязь найдут, потому что по сути такие, натура у них свинячья. А ты Полинку знаешь — она на любые жертвы готова пойти ради любви.

— А нужны ли ему были эти жертвы? Может, ему наплевать на ее борщи с пампушками и пирожочки с капустой, — проговорила раздраженно Иза. — Может, ему плевать на полированную мебель, на наведенный блеск и брюки с идеальными стрелками. Может, ему надо было заваливать ее по пять раз в день, где попало, где поймают, а она против была, а?

— Но они же не животные, — Саша почувствовала, что краснеет. Говорить об этом, тем более, обсуждая подругу, ей казалось не совсем приличным.

— Что я слышу! Саша! — Иза насмешливо повернулась к подруге. — Ты пуританка? Скажи еще, что секс вообще не нужен.

— Ну, не совсем, конечно...

— И сколько же раз в день прилично им заниматься? — Иза наступала на нее, не сводя с нее взгляда.

— Что ты ко мне пристала!

— А что ты вообще знаешь о сексе?

— Слушай, мы говорили о нашей подруге, а ты...

— Мы говорили о том, что у Полинки проблемы с сексом.

— Ну прекрасно, вот до чего мы договорились. Откуда ты знаешь? Может, Сережка как раз из тех, кому все равно, насколько хороша его жена, ему все мало, сколько бы и каких у него не было! Причем тут тогда Полина?

— Да в том то и дело, что всему есть естественная причина. А ты знаешь, что часть моих мужиков мечтают о тихой семейной жизни, о том самом борще с пампушками, но при этом о сексе пять раз в день? А их добропорядочные женушки устанавливают свои табу, а потом с распухшими от

слез носами вызванивают их по ночам, чтобы узнать, почему это они не едут домой ночевать? А что им там делать? Газету читать? Хоккей по телевизору смотреть? Пирожками обжираться?

— Нет конечно, разумеется, спариваться, спариваться и снова спариваться, — Саша не заметила, как сама повысила голос. — Изка, ты чего меня завела и сама распалилась? Нам некогда ссориться.

— Да уж. Я считаю, что Полинке пора разводиться.

— Что?

— Знаешь, это как с хищниками, — Иза, уверенная, что мужчина по-прежнему следит за ней, даже если самого его не было видно, вышагивала грациозно и изящно. — Если выращенный в неволе тигр или лев однажды задерет человека, его придется убить, потому что раз почуяв вкус крови и мяса, он уже не остановится никогда. Так и Сережка. Встав на эту тропу, он не вернется снова в тихий уютный мирок Полины.

— Блиин. И что же делать?

— Мое мнение по этому вопросу ты знаешь, хоть и не хочешь его признавать, — Иза раздраженно пожала плечами.

— Значит, расстрел без надежды на изменение?

— Мне нравится, что даже в такой ситуации тебе не отказывает твое странное чувство юмора.

Иза крутанула головой, и густые черные волосы взметнулись вверх, чтобы картинно опуститься на точеные плечи. Она была хороша, красива и элегантна, и даже подумать не могла, что мужчина, лишивший ее покоя, не отрывал сейчас взгляда от Саши. Прищурившись, он следил за поворотом ее головы, за взмахом рук, за улыбкой, когда та оборачивалась к своей подруге. Он рассматривал ее лицо, пытаясь угадать эмоции, которые читал на нем, и это зрелище настолько его заворожило, что он вздрогнул, когда девушки остановились и развернулись, намереваясь отправиться в обратный путь.

Пользуясь темнотой, скрываясь за деревьями, он направился обратно к воротам своего особняка, сопровождаемый личным телохранителем, следующим за ним молчаливой тенью.

— В общем так, говорим ей все как есть и...

— Постой, Иза, пожалуйста, дай мне хотя бы еще пару дней, а? — взмолилась Саша, испугавшись, что с той станется завалиться прямо сейчас домой к их подруге.

— Зачем тебе пара дней? Думаешь, что-то изменится? А ты не боишься, что наш дружок может ее заразить чем-нибудь, ведя такую беспорядочную жизнь?

Сашу передернуло от такого цинизма, но Иза знала эту жизнь лучше, чем она, с этим не поспоришь.

— Мне нужно время, чтобы прийти в себя, собраться с мыслями, и тогда мы скажем все как есть.

— Ты просто считаешь, что подкараулив Медведева на улице, сможешь образумить его, но нет, я тебя разочарую — в его случае поможет только расстрел. Помнишь — лев? Только расстрел.

Саша вздохнула.

— Пару дней, — упрямо молила она.

— Да и черт с тобой, но потом не обвиняй меня в попустительстве, — Иза прибавила шагу. Она увидела, кого хотела, и засветилась сама, чем осталась очень довольна, теперь пора и по домам. По поводу Полины она особо не переживала — такое случается сплошь и рядом, не Польша первая, и не она последняя. — Чего ты плетешься? Ночь на дворе, домой пора, мне еще тебя отвозить, а ты тут звезды разглядываешь, — проворчала она.

— Можно подумать, я живу в непролазной глуши.

— Из твоего двора сложно выехать, и потом приходится кружить по району, чтобы выбраться на приличную дорогу.

— Ах ну прости, выброси тогда меня у магазина и езжай себе спокойно с легкой совестью

восвояси.

— А это мысль, спасибо за предложение.

Девушки прибавили шагу, спеша на площадь.

— А этот твой мужчина, ну, самый лучший, он действительно лучший? — осторожно спросила Саша.

— Действительно, можешь не сомневаться, тебе известен мой вкус.

— Что ж, удачи ему.

— А мне? Мне не хочешь пожелать удачи и попутного ветра?

— Тебе? Зачем? У тебя и так все будет хорошо.

— Да, когда он наденет мне на безымянный палец правой руки колечко, у меня действительно все будет хорошо.

— Ого! Даже так?

— А ты что, не поняла, о чем я тебе весь вечер говорила? Я нашла ЕГО, понимаешь?

— Ну теперь-то понимаю, конечно, чего ж тут не понять.

Обе даже не догадывались, насколько ошибались сейчас и на счет Изинового возможного замужества, и на счет мудрости Полины при открытии уродливой тайны.

ГЛАВА 8

Саша понимала, что рано или поздно ей пришлось бы поплатиться за свою дерзость — никто не может так вести себя с начальством и при этом выйти сухим из воды, тем более, если в деле замешан мужчина. Ох уж эти мужчины. И ох уж эта женская ревность: разве честно использовать свое служебное положение, чтобы наказать более удачливую соперницу? Это не профессионально.

Воровато оглянувшись по сторонам, Саша сощурила глаза, подавляя улыбку. Надо же, это она-то соперница, да еще и удачливая? Боже, что происходит? И неужели на самом деле что-то происходит?

Впервые с момента расставания с Пашкой Саше захотелось снова пережить это чувство влюбленности, когда кажется — разведи руки в стороны, раскинь как крылья, и ты взлетишь. Или вылетишь. Из фирмы, прямо с десятого этажа: работа не ждет, однако, и Марина еще не остыла. Со вздохом девушка подвинула к себе пухлые папки — месячную наработку своих коллег.

Сводить отчеты в единую систему и заносить это «счастье» в программу ненавидели в их отделе все, и в этот раз именно Саша удостоилась подобной сомнительной чести. Только Марина понимала, за что, другие же девушки бросали на нее сочувственные взгляды, в душе радуясь, что в этом месяце сия радость их миновала. В прошлый

раз этим занималась Лиля за свои систематические опоздания, в позапрошлом — Люда, за то, что выпросила себе отпуск во время цейтнота, чтобы слетать со своим красавцем-мужем в Грецию, в этот раз не повезло Саше.

Маленький конвертик замигал в правом нижнем углу экрана. С замирающим сердцем, словно раскрывала подарочную обертку, Саша навела курсор на значок. Шеф решил завязать с ней каждодневную переписку? Что ж, она не против, но вот расплачиваться за это нудной работой хотелось не очень.

«Как дела?» О чем он на самом деле ее спрашивает? Ему интересно, чем она сейчас занимается? Что кроме как «Работаю» она может ему ответить? Он же работодатель, и все его подчиненные по умолчанию трудятся в поте лица, не покладая рук в течении восьми рабочих часов каждый божий будний день. А если он интересуется вообще, так сказать, как дела в ее личной жизни, что она чувствует и чего ожидает от их отношений... Блин, ну какие отношения? С того вечера, когда она получила его букет, Граф не предпринял никаких шагов к их сближению. Разумеется, Саша понимает, что прошло еще слишком мало времени, но он вроде как собирался повторно пригласить ее в ресторан.

— Саша, отчет нужен мне к четырем часам, —

голос Марины, спокойный и бесстрастный, вывел девушку из задумчивости. Вздрогнув, Саша выпрямилась в кресле, схватила ручку и тут же отбросила ее, придвинула к себе клавиатуру, затем отодвинула, раскрыла первую попавшуюся под руку папку, и исписанные листки осенними листьями разлетелись по столу, часть из них плавно опустилась на пол.

Начальница никак не прокомментировала неуклюжесть своей подчиненной, лишь поджала губы и отвернулась.

Надо к четверем, значит, будет к четверем. С Мариной шутки плохи, и если кто-то не способен правильно понимать поставленные ею задачи — дни его в этой компании сочтены. Вздохнув, Саша углубилась в работу, даже забыв ответить на письмо босса.

Тем не менее, время от времени она набирала один телефонный номер, правда безрезультатно — абонент весь день был недоступен. Интересно, где Поинка? С утра не отвечает на звонки. Дает ли это Саше право загнуть тренировку? Впрочем, не хорошо использовать чей-то разряженный телефон в своих корыстных целях. Обещала заниматься — значит должна продолжить это дело. Так, хотя бы, она проследит за тем, чтобы симпатяшка Ян не предпринял никаких активных действий в отношении ее наивной и романтической подруги.

Полинка совсем не знает жизни, витает в облаках и верит всем и всему. У нее все хорошие, а если и делают подлости, то только потому, что несчастны, им больно и они страдают, и именно их боль толкает их на такие поступки.

* * *

К школе она подошла вовремя, как того потребовала Миссис Пунктуальность, но подружки во дворе не оказалось. В полутемном фойе так же было пусто, одинокая лампочка над столом охранника освещала его сгорбленную над книгой фигуру. Может быть, Полька убежала в раздевалку, желая занять хорошие места? Эх, не поверила Сашиному обещанию следить за временем. Что ж, последуем за ней.

Звонить ей еще раз было бессмысленно, за весь день Полина ни разу не включила свой телефон.

В раздевалке былолюдно, словно все сговорились одновременно прийти пораньше, и Саша опять с трудом нашла себе свободное местечко, пробираясь через толпу разряженных девиц и женщин. Легкое жужжание наполняло небольшое помещение, тусклый свет лампочки освещал женские прелести, опять удушливо пахло смесью разнообразных парфюмированных

ароматов.

— ... вот, а она такая невинная овечка, крутит задом, как будто он сам у нее крутится, а она тут и ни при чем.

Саша повернула голову на голос. Рядом с ней высокая рыжая девица разговаривала с короткостриженной брюнеткой-эмо с гвоздиком в ноздре. Та с замершей на губах насмешливой улыбкой кивала в такт словам, розовая прядь ее длинной челки попадала прямо в глаз, и казалось странным, что девушка ни разу не моргнула, словно волосы совершенно ей не мешали. При этом взгляд неформальной девицы был довольно ехидным.

Саша передернула плечами — ей очень не нравилось попадать под прицел такого взгляда. Сразу появлялось ощущение, что с ней что-то не так, но вместо того, чтобы тактично об этом предупредить, ее обычно окатывали презрением. Еще ни к месту вспомнились девицы из магазина. Такие же циничные и наглые.

Это ненормально, если свою значимость можно почувствовать, лишь унизив других, но такое происходит сплошь и рядом. Все так живут и, наверное, Саша просто наивная девчонка, застрявшая в подростковом возрасте в пору возвышенных идеалов и высоких моральных принципов.

Мамин сожитель Макс многое сделал для

того, чтобы пошатнуть ее веру в прекрасное, и Пашка пытался добить, но слава богу, что мужчинам это оказалось не под силу. Не дай бог, наступит такой момент, когда Саша перестанет верить в...

— ... а Ян-то что?

Эмо было интересно узнать подробности какой-то пикантной истории и, не стесняясь, вместе с рыжей они обсуждали сейчас других людей, нисколько не заботясь о том, что могут быть услышаны.

— А Ян и ведется. Она всегда рядом, всегда перед ним, ему и смотреть-то больше некуда, только она и маячит перед носом, — рыжая натягивала черную найковскую футболку на тощее тельце. Ее прямые до плеч волосы свисали отдельными сосульками. Нездоровая кожа была замаскирована тональным кремом, но при близком рассмотрении этот трюк становился заметен.

— Да я смотрю, здесь много чего есть, — брюнетка насмешливо обвела глазами присутствующих. — Он здесь как в малиннике. Какие только тела не попадаются, выбирай — не хочу.

— Нет, мне разумеется, все равно, — рыжая приложила ладонь к впалой груди, — Янчик мне и по возрасту не подходит, и вообще, но скажу тебе честно, — она доверительно наклонилась к

«розовой челке», — не она здесь королева красоты.

— Ну, она может быть, любит молоденьких ребяток.

— А кто их не любит. Он вообще конфетка, сама увидишь, — глаза рыжей заблестели.

— А где эта деваха, еще не подошла?

Обе подняли головы и снова оглядели раздевалку.

— Не-а, еще не пришла. Вот смеху-то будет, когда она заявится, а все хорошие места заняты. Вот пусть на галерке и повыплясывает.

Саша с тяжелым вздохом принялась переодеваться. Что же это за явление такое — женская зависть? Рыжая же сама сказала — ей все равно, он ей не подходит. Почему же тогда она получает удовольствие от унижения другого человека? Ладно, не хватало еще Сашке голову ломать над этим. Это всего лишь мусор, и не стоит ей свои уши превращать в мусорную корзину.

Ей всегда было любопытно, что заставляет таких людей думать, что они лучше других, что ими движет? Тщательно скрываемые комплексы, или чрезмерная самоуверенность, и в таком случае, что помогает ей разрастаться до таких невообразимых размеров? Вот бы и Сашке нарастить себе немножко такого самомнения. Ей бы не помешало, а впрочем, все это такая ерунда.

А она ведь поняла, о ком велась речь. Вот они

завидуют человеку, молодой женщине, тому, что кто-то ею любит, и даже не подозревают, насколько той сейчас плохо, в какой сложной она ситуации, и что с ней случится, узнай она правду о самом близком человеке. Неужели найдутся те, кто позлорадствует на ее счет? А Саша знала — найдутся.

К началу занятий Полина так и не появилась, и Саше ничего не оставалось, как самоотверженно направиться в зал, решив, что раз обещала подруге, она пройдет этот путь до конца.

Рыжей не удалось занять место поближе к тренеру и пришлось довольствоваться третьим рядом, вертась где-то у стены — слишком много времени потратила она на сплетни, и вся VIP-зона была занята и без Полины. Ян лишь раз взглянул на нее, когда она пискнула, неудачно наклонившись и потянув спину, но не подошел. Пришлось эмо с проколотым носом разгибать свою подругу.

Сегодня было намного хуже: болело все, еще с прошлого занятия, а отсутствие Полинки буквально вгоняло в уныние, да и Ян был какой-то неулыбчивый.

Саша кое-как отзанималась в последних рядах, и когда собиралась покинуть зал, еще более уставшая, чем в первое свое посещение, Ян приблизился к ней.

— Привет, — улыбнулся он, скорее из

вежливости, чем от хорошего настроения.

— Привет. Я сегодня старалась.

— Я видел, ты молодец. А... — он потер висок, отвернулся на секунду, и снова посмотрел на Сашу, смущенно улыбнувшись, будто испытывал неловкость. — А что с Полиной? Почему она не пришла сегодня? У нее все в порядке?

— Очень надеюсь, что да, просто я не знаю, где она. Ее телефон весь день молчит, и мобильный, и домашний.

Саша разглядывала парня. Смуглый, чернобровый и кареглазый, высокий и мускулистый, он производил приятное впечатление, а улыбка делала его настолько юным, что Саша в свою первую встречу с ним приняла его за совсем молоденького паренька.

— Вот как, — проговорил он и весь его облик стал каким-то потерянным.

— Да ты не волнуйся, на следующее занятие она придет как штык и будет как огурчик. Я проконтролирую.

— Ну... хорошо, да, ладно, — он неуверенно сделал шаг в сторону, намереваясь уже уйти, когда снова обернулся. — Завтра суббота, и мы собирались в парк, — проговорил он так, будто назначал Полине свидание.

— Отлично, я передам ей, где и во сколько, — Саша дружелюбно ему улынулась. Теперь она не

сомневалась, что Ян запал на Миссис Примерную Домохозяйку. Неужели современным мальчикам так не везет с девочками своего возраста? Вот же он бедняжка. Хотя, если Полине суждено расстаться с Сережкой...

— Так ты сегодня заменяешь эту, с косой? — уже одетая, рыжая стояла у дверей, когда Саша столкнулась с ней нос к носу, влетев в раздевалку. Короткая кожная куртка брусничного цвета очень не шла к цвету ее волос, и Саша поморщилась от обилия безвкусия, бьющего в глаза. — Теперь в твои обязанности входит флиртовать с этим мальчиком?

Сначала Саша нахмурилась, подбирая слова для достойного ответа, и даже рассердилась, но вдруг черты ее лица разгладились, и подняв ясные глаза на девушку, она улыбнулась ей.

— Пошла на х@й! — произнесла она торжественно, впервые в жизни послав человека. Сегодня она нарушила все мыслимые каноны поведения, и под молчаливые взгляды присутствующих, оказавшихся свидетелями произошедшего, проследовала к своей скамейке.

Оскорбленной девице понадобилась минута, чтобы прийти в себя. Только после того как к ней подросла ее розововолосая приятельница, она, набрав полную грудь воздуха, разразилась громкой тирадой, умело чередуя нецензурную брань с

великим русским языком, но Саша уже выпустила пар, выразила свое отношение к этому вопросу и не собиралась реагировать на помехи из вне. Все крики и оскорбления в ее адрес типа «самая умная что ли» и «какая ты нахр@н девушка» сменяясь нелестными эпитетами по поводу ее нестандартной физиологии, летели, не задевая ее, так муха бьется о лобовое стекло КамАЗа. Смешно, если муха полагала, что сможет навредить водителю.

Школу в этот вечер Саша покидала с чувством глубокого удовлетворения и улыбкой на губах. Она молча прошла мимо орущей девицы, которая не желала униматься, и вышла, закрыв за собой дверь. Она услышала, как в раздевалке повисла тишина — рыжая не могла поверить, что с ней обошлись так нагло. Тем, кто не умеет уважать других, порой трудно смириться с подобным отношением к собственной персоне, но Саше было глубоко наплевать на ее чувства, она торопилась к Полине. Следовало узнать, где же весь день пропадала эта неугомонная девчонка.

Когда она достала мобильный телефон, удивление застыло в ее глазах и она замерла на месте. Восемнадцать пропущенных звонков, и все от Изы. Набрав ее, Саша услышала встревоженный голос подруги, что случилось настолько редко, что Саша не могла припомнить ни одного случая. Чем дольше она слушала Изу, тем мрачнее становилось

ее лицо, так что к моменту, когда рыжая и ее подруга эмо поравнялись с ней, нагнав ее на крыльце, она бросилась со всех ног прочь со школьного двора. Ей вслед летели обвинения в трусости, но Саше было не до того.

Она неслась, не разбирая дороги, по лужам и грязи, вперед, на остановку, но как бы быстра она ни была, водитель троллейбуса успел-таки закрыть двери прямо перед ее носом. Любят они такое проделывать, Саша не раз испытывала на себе их дурной характер, но сейчас ей было не до гордости, и какое-то время она бежала за троллейбусом и колотила в дверь кулаком, но это не помогло, и замерев в десяти метрах от остановки, она провожала растерянным взглядом транспорт, тяжело дыша и сжимая кулаки.

— Гад! — всхлипнула она, чувствуя зарождающуюся истерику.

К личной обиде сейчас примешивался страх за Полинку. Не может быть, ну не может быть, что она порезала вены. Что произошло, если самый жизнерадостный и светлый человек решил на такое? Из-за чего можно потерять желание жить? Неужели Иза все ей рассказала, не потрудившись смягчить удар? Но как, как его смягчить, и что бы могла сделать сама Саша, чтобы это было не слишком больно? Прибавлять к прилагательным уменьшительно-ласкательные суффиксы?

Черт, что делать? В кошельке одна сотка, на такси до госпиталя точно не хватит, а следующий троллейбус подойдет только минут через двадцать. Может, дойти пешком до следующей остановки? Все равно внутри все бурлит и не дает стоять на месте.

Поправив рюкзак, Саша глубоко вздохнула. Во-первых, надо успокоиться, а во-вторых...

Составить план последовательных действий ей помешал джип. Неожиданно рядом с ней притормозил черный лендровер, темное стекло со стороны пассажира опустилось, и Саша увидела сероглазого незнакомца, устремившего сосредоточенный взгляд прямо на нее. Мужчина средних лет внимательно ее рассматривал, не спеша заговаривать, а она стояла, не в силах пошевелиться.

Ситуация для Саши была не типичная — обычно такие машины даже не притормаживали перед ней, не говоря уже о том, чтобы кто-то стал терять время на разглядывание ее неброской красоты.

— Думаете, стоит ли продолжать гонку за тем троллейбусом? — спросил мужчина серьезно.

Саша видела — он не шутил.

— У вас есть предложение получше? — проговорила она хрипло, нервно облизав губы. Появившиеся от его взгляда мурашки щекотали

кожу под одеждой. Она оглянулась на остановку — несколько одиноких фигур возле киоска с сигаретами, пара разговаривающих по телефону — в их сторону никто не смотрел.

— Ну, судя по тому, как вы спешили и как пытались попасть внутрь отъехавшего электротранспорта, вам куда-то очень сильно надо, — мужчина поднес к окну руку с сигарой и сбросил пепел на асфальт. Саша проводила взглядом едва заметные искорки, мгновенно превращающиеся в микроскопические пылинки пепла.

— Не то слово, — призналась она. Ей хотелось спросить его, зачем он начал этот разговор и чего от нее хочет, но она не посмела. Такого человека не всякий решится перебить, можно лишь покорно отвечать на его вопросы.

Саша всегда испытывала робость перед подобным типом мужчин, и необъяснимое благоговение, граничащее со священным страхом. Властные и уверенные, они не представляли опасности для таких, как она. Они просто не замечали подобных ей существ, как никто из нас не задумывается о существовании простейших микроорганизмов, и не их вина, если они каким-то образом причинят ей вред — они просто ее не заметили, а она некстати подвернулась под руку, помешалась под ногами, оказалась не в том месте.

Вред от таких людей в своей жизни Саша могла бы объяснить лишь случайностью. Она никогда не сможет стать мишенью и виновницей их недовольства — слишком проста для них, слишком безлика и примитивна. Вот Иза — та как раз по их части, практически спец, а Саше захотелось убежать уже прямо сейчас, нырнуть в облетевший кустарник, насаженный вдоль дороги, но что-то удерживало ее на месте.

Возможно, ее предложат подвезти. Это казалось невероятным, но для чего-то же эта машина остановилась рядом с ней! Разве что, захотели спросить дорогу, впрочем, это также маловероятно.

Таинственный шатен положил конец Сашиным мучениям, прервав ее мыслительный процесс в попытке найти логическое объяснение такому феномену.

— Могу я предложить свою помощь? Куда вас отвезти? — проговорил он неспешно глубоким голосом.

Саша понимала одно — ее только что умело загипнотизировали. Она не хотела садиться в машину, но не смогла бы отказать этому мужчине. Его голос завораживал и окутывал странной пеленой, вгоняя в оцепенение, хотелось слушать этого человека бесконечно и столько же смотреть в его глаза. Настолько же сильно, насколько

внутренне она рвалась исчезнуть отсюда.

— Мне нужно в центральный госпиталь, — проговорила она. Так крысы послушно идут на звук дудочки коварного и безжалостного крысолова.

Почему ее так смущает этот взгляд? На какой-то миг Саше показалось, что она уже где-то видела этого человека, хотя его лицо ей точно было незнакомо. Такого просто не могло быть, как не могло быть и того, что она увидела: мужчина вышел из машины и раскрыл перед ней заднюю дверь. Нет, точно, Изка увидела бы — хлопнулась бы в обморок.

«Полина, я делаю это только ради тебя». Тряхнув головой, Саша поспешно забралась в теплый салон, пропахший дорогим табаком и терпким лосьоном.

Мужчина вернулся на свое место, отдал короткую команду водителю, и машина плавно тронулась с места.

ГЛАВА 9

— Куда ты пропала? У меня телефон раскалился, столько раз я тебя набирала, — прошипела Иза, пока они стремительно неслись по светлому широкому коридору главного городского госпиталя на третий этаж. Накинутые на плечи халаты надулись как паруса бригантины в ветреный

день, на ногах шуршали бахилы, брюнетка выглядела уставшей и осунувшейся, на бледном лице ярко блестели глаза, красную помаду она давно стерла.

— Я была на тренировке. Полина, между прочим, меня туда записала, я исполняла ее завет, — не оборачиваясь, бросила Саша на ходу. — А телефон твой наверняка раскалился не от набора цифр — тебе всего-то на одну кнопочку нажать — а от твоей нецензурной брани в мой адрес. Буквально покраснел от стыда за свою хозяйку. И странно, как я не умерла от икоты за все это время.

— Да ладно, не кипятись. Я вовсе не ругала тебя, разве что совсем чуть-чуть.

— Я не знала, что произошло. Даже не почувствовала. Даже мысли такой не приходило в голову, — Саша смотрела прямо перед собой, укоряя себя за бесчувствие. Неужели у нее совершенно не развита интуиция?

— Я понимаю. Хорошо, что ты пришла, — в успокаивающем жесте Иза положила хрупкую руку ей на плечо.

— Боже мой, чем хорошо-то, что я могу сделать для Полинки сейчас? — Саша скуксилась, словно желала расплакаться, но в следующую секунду передумала, прогоняя навернувшиеся на глаза слезы, черты ее лица тут же разгладились, и их накрыла печать растерянности.

— Для меня хорошо, — совсем тихо проговорила Иза. — Знаешь, как мне тут страшно было?

— Представляю.

На подходе к палате девушки резко сбавили скорость — им навстречу поднялся высокий молодой человек. Не смотря на трагичность ситуации и его непритворное беспокойство он, тем не менее, выглядел отлично, впрочем, как всегда. Безупречный костюм, свежая рубашка, стройный и подтянутый — этот брюнет никогда не мог остаться незамеченным.

Сергей был бледен, в его глазах застыла растерянность, он не знал что делать и как реагировать на произошедшее.

— Привет, — кивнул он прибывшей девушке. На Изу он старался не смотреть, видимо, они уже успели поцапаться. Как всегда.

Сейчас Саша по-новому взглянула на этого человека. Безукоризненный овал лица, нежно очерченный подбородок с ямочкой, чувственные губы, прищур черных глаз — все в порядке. Такие мужчины нравятся девушкам и дело, наверное, даже не в его внешности. Саша смотрела в его глаза и пыталась представить его... представить его в пикантный момент... Да, такой может быть страстным и пылким, неудержимым и неистовым. «Плохой красивый мальчик». Черт, о чем она

думает. Скотина — он и есть скотина.

— Привет, — буркнула она, и Иза тут же потащила ее в палату.

— А ты, Медведь, посиди тут, — бросила она парню, который намеревался вслед за ними войти в дверь.

Молодой человек не стал спорить, послушно присев на больничную банкетку, оперся локтями в колени и опустил голову.

В палате было тихо, прикрытое жалюзи окно не пропускало света, горел только ночник в изголовье кровати, тихо попискивали медицинские приборы, снимающие жизненные показатели.

Саша в волнении приблизилась к кровати. Бледная девушка лежала с руками поверх одеяла. На забинтованные кисти было страшно смотреть, под закрытыми глазами залегли лиловые тени, губы казались синими, и от былой красоты не осталось и следа. Изможденная, осунувшаяся девушка, забывшая вдруг причину для того, чтобы жить, и не справившаяся со своим отчаянием.

— Она спит?

— Да, врачи сказали, проспит до утра.

— Мы можем для нее что-то сделать? — Саша не отводила глаз от подруги и сердце ее сжималось о жалости и страха за нее.

— Да, каждый час надо делать инъекцию. Вот ты останься и займись этим.

— Что? — Саша резко обернулась, Иза смерила ее почти злым взглядом.

— А что? Зачем тогда задаешь глупые вопросы? Мы ничем не можем ей помочь, но зато мы можем здесь поговорить, — она направилась в угол палаты, взяла стул и притащила его к кровати. — Садись.

— А ты?

— А я на краешек кровати присяду, — и первая подала пример.

— Это из-за ее мужа?

Иза кивнула, поджав губы, ее лицо выражало крайнюю степень презрения и недовольства.

— Этот гад во всем виноват, — проговорила она.

— Как она узнала? Ты ей рассказала?

Иза отрицательно покачала головой.

— Что? Но как? А кто тогда?

Брюнетка полезла в свою сумочку и достала несколько фотографий, снятых на «палароид».

— Вот, — швырнула ей на колени, словно желала поскорее от них избавиться, как от чего-то грязного и противного. — Смотри. Это Поинка нашла в почтовом ящике сегодня утром.

Саша осторожно взяла фотографии и поднесла к лицу. Глаза ее расширились, и в немом ужасе она перевела взгляд на подругу.

— Кто это сделал?

— Думаю, кто-то из его шалав. Какая-то с@ка решила избавиться от жены, или же просто нагадила, потому что натура такая.

Саша пересмотрела снимки, меняя один за другим, всего пять штук. На всех запечатлен Сергей Медведев во всей своей природной красе во время полового акта и на каждом снимке с новой девушкой. Сомнений быть не могло — это действительно был муж Полины, и он действительно занимался любовью, а ничем иным. Его позы не оставляли места для восклицания: «Ты все не так поняла!». Все было как раз предельно ясно и однозначно, прозрачно и... вульгарно. Такие глаза — за это можно возненавидеть человека.

Саша понимала, что в пылу страсти человек меняется и выражение его лица бывает особенным, но столько пошлости и развращенности, столько цинизма и непристойности — это уж слишком.

Иза раскрыла свою сумочку и Саша зашвырнула туда снимки. Ей хотелось принять душ, будто она вывалялась в какой-то грязи, липкой и вонючей.

— Мы с тобой так ошибались, — Саша грустно улыбнулась.

— Ты о чем?

— «Развод, развод», а она — раз, и... сразу смерть.

— Да, Поинка оказалась слабее, чем я

думала, — вздохнула Иза, поглядывая на подругу, застывшую на кровати.

— Тяжело осознать, что все, во что ты верила и что любила, оказалось просто куском грязи, — Саша взъерошила волосы. — Она уже вне опасности?

— Да, но сама знаешь, выпустят ее не сразу. Сначала психологи, психотерапевты, тренинги и реабилитация. Она еще пожалеет, что затеяла это.

— Только бы не пожалела, что не смогла доделать... — проговорила тихо Саша. — Кто ее нашел?

— Этот... козел вернулся домой раньше обычного — понадобился какой-то документ, а Полинка в ванной. Он так перетрусил, что сразу позвонил мне. Ну я и примчалась. Полинка в сознании была, она и прошептала мне про фотки, которые под подушкой спрятала. Он еще не знает, что она уже в курсе его приключений, я ему не рассказала. Приберегла козырь для подходящего случая, — в глазах брюнетки читался приговор обманщику и предателю, и месть будет страшной.

— Как?! Так он все еще недоумевает, почему она это сделала? По его мнению, у его жены не было причин для самоубийства! — вскричала Саша. — Бедняжка, ломает голову, наверное, что такого могло произойти.

— Давай ему скажем, что Полинку бросил ее

тайный любовник, и не в силах пережить разлуку с ним, она это и сделала, — глаза Изы злорадно сверкнули.

— Ты что, он и так ее опорочил, надругался над ее телом и чувствами, а мы еще больше ее очерним. Нет, не надо.

— Тогда пора мальчику узнать правду.

— Эй, Изка, ты что делаешь? — Саша подскочила на месте и схватила подругу за руку. — Ты куда?

— Скажу Медведеву все. А лучше, покажу ему это, — и она снова полезла в сумку.

Достав фотки, изобличающие молодого человека в неверности, она направилась к дверям, держа их перед собой так, будто несла использованный по назначению памперс. — Ты со мной?

Саша помотала головой.

— Нет, я пожалуй, это пропущу, — и она переставила стул поближе к подруге. — Я с Полинкой посижу.

Смотреть на лицо Сергея в тот момент, когда он увидит себя во всей красе без единого фигового листочка, ей не хотелось. Испытывать неловкость от чьего-то чувства стыда она не могла. Все-таки, это деликатное дело, хоть и дурно пахнущее, и пусть уж не будет свидетелей кроме его изобличительницы.

Минут через двадцать, проведя их в тишине, не сводя глаз с лица Полины, Саша поднялась и тихо вышла из палаты.

Изу она нашла в конце коридора, та курила на лестничной площадке. Сергея нигде не было видно.

— А где...

— Муж? — услужливо подсказала Иза. Она выглядела гораздо энергичнее, чем в начале их встречи. Переживания наложили отпечаток на ее настроение, но беседа с Медведевым ее заметно оживила. — Ушел. Напиваться, наверное.

— В смысле? Ты рассказала ему все?

— Разумеется. Я начала издавека, мы поговорили об общей тенденции упадка морали в обществе в целом, перешли на примеры наших общих знакомых, прошлись резким словом по изменникам и подлецам, не умеющим хранить верность своим половинам, этот гад еще мне так энергично поддакивал, мол да, он согласен со мной, нет оправдания таким негодьям, и нет таких слов, которыми можно было бы выразить презрение к их поступкам. А потом я так осторожненько протянула ему фотки. Мол, не интересуетесь ли вы порно? Купила за углом, в киоске «Союзпечать». Этот гад, как только узнал себя, весь затрясся, — Иза довольно хмыкнула. — Представляешь, этот дегенерат поверил, что я действительно приобрела их в розницу. Хотел бежать туда разбираться, тогда

я и сообщила ему, что нашла их у Полины под подушкой. Ты бы видела его смазливую рожу, когда он понял, что его жена в курсе. Я думала, он упадет в обморок.

— Нда, не хотела бы я оказаться на его месте, — задумчиво кивнула Саша.

— Сашка, ты ненормальная? Что ты такое говоришь? Как ты можешь оказаться на его месте? Это нелепая фраза в данном контексте разговора.

— Ладно, не цепляйся к словам, — отмахнулась от нее Саша. — Что делать будем, когда Полинку выпишут?

— Вышвырнем эту шелупонь подзаборную, и заживем припеваючи, — беспечно отмахнулась Иза, выпуская облако сигаретного дыма.

— Вообще-то, это его квартира, — напомнила Саша.

— Она куплена в браке — это раз, он зараза и скотина — это два, из-за него чуть человек не погиб — это три, и в качестве откупного в попытке замолить свой грех он просто обязан отдать ее Полинке — это четыре. Я не я буду, если он посмеет трепыхнуться и поспорить с этим.

— Здорово ты все решила. Классно, только мы при этом не учли мнение самой Полины.

— А каким оно может быть?

— Не знаю, честно, но не удивлюсь, если она захочет его простить.

— Ты с ума сошла, что ли? — Иза возмущенно выпустила дым подруге в лицо.

— Я? Нет. Но мы не знаем, чего она хочет.

— Ну ты... ненормальная, — Иза возмущенно отвернулась.

Саша хотела что-то ответить на это, но на лестнице послышались шаги и девушки увидели Сергея. Он стремительно поднимался и, заметив подруг жены, на мгновение замер, будто запнулся. Лицо его изменилось, став свирепым.

— Кто из вас послал ей эти фотографии? — он грозно направился к девушкам, и Иза оттеснив Сашу плечом, гордо вышла на первый план, расправив плечи. Она обожала момент, когда начинало пахнуть жареным.

— Я бы с удовольствием ответила тебе, но во-первых, меня на ваши вечеринки свечку и фотоаппарат держать не приглашали, а во-вторых, для того, чтобы дать тебе ответ, мне надо познакомиться со всеми твоими шмарами, которых ты... пользовал.

— Что ты несешь? — процедил молодой человек, сильно покраснев.

— Только то, что я не знаю, которая из них прислала эти снимки. Однозначно ясно только одно — она знала, что ты женат, и ей был известен ваш адрес. Полька нашла это произведение искусства в вашем почтовом ящике.

Сергей отвернулся, тихо зарывчав.

— Я могла бы тебе посочувствовать, — продолжала Иза, — если бы ты был жертвой гнусных инсинуаций, но поскольку ты главное действующее лицо в этих порносценах, то, сам понимаешь... Аплодисменты восторженных зрителей, — и Иза издевательски захлопала в ладоши.

— Заткнись, — зло бросил ей Сергей. Он сунул руки в карманы, будто не был уверен, что не пустит их в ход, и тяжело дышал, пытаясь справиться с гневом.

— Я вижу только один выход из этой ситуации, — произнесла брюнетка, и глаза ее при этом коварно сверкнули, но Сергей этого не заметил.

— Какой? — при этих словах он вскинул голову.

— Мы находимся в больнице и, думаю, Полину примирит с твоей подлостью тот факт, если ты решишь оскопить себя в знак покаяния.

Какое-то время молодой человек смотрел на Изу, будто не осмыслив до конца сказанную ею фразу, но вот его глаза начали медленно наливаться кровью. Красотка играла с огнем, но даже и бровью не повела.

— Я могла бы настаивать на операции без наркоза и потребовать найти самые тупые

ножницы, и даже не погнушалась бы и не побрезговала сама провести эту экзекуцию, но, Сашка — самый гуманный человек на свете, не считая твоей жены, и уверена — она мне это не позволит. Так что, так и быть, согласна на операцию по всем правилам.

— С@ка, — прошипел Сергей, сжимая кулаки.

— Это ты, Сереженька, с@ка. Даже не кабель, нет, а простая дворовая с@ка, у которой все время течка, и твоя истинная суть настолько явно раскрылась в этих фото, что я готова стоя аплодировать их автору — настолько точно передать характер и глубину чувств, подчеркнуть особенности души и показать изнанку сути — не каждый сможет подловить такой момент.

Изу было ничем не смутить. То ли она знала секретный прием, как заставить атаку врага захлебнуться в самом начале, то ли хранила в сумке баллончик с газом, то ли была уверена, что Медведев не перегнет палку, как бы ни пытался он сейчас напугать ее.

Саша стеклянными глазами смотрела в окно, не вступая в этот разговор, но Иза не позволила ей долго притворяться торшером.

— Саша, ты как? Защитишь этого... мачо? — Иза толкнула ее в бок острым локотком, причем довольно ощутимо.

Саша встрепенулась, перевела взгляд на Сергея и разлепила плотно сжатые губы.

— Сергей, вряд ли я когда-нибудь смогу простить тебе то, что ты сделал с Полиной, — проговорила на.

— Но я не думал, что она может сделать такое, — простонал молодой человек.

— Я не про это. Она осталась жива, слава богу, но ты все равно убил ее. И если она не воспрянет с новыми силами, если новая надежда не расцветет в ее сердце — то я за тупые ножницы.

— Во! Что я говорила! — воскликнула Иза, довольная, и снова толкнула Сашу в бок. — Как приятно порой ошибиться в своем близком друге, кровожадная ты моя! Добро пожаловать в наш клуб! — и она притянула девушку к себе, обхватив ее лицо. Саша недовольно покосилась на тлеющую в ее пальцах сигарету, но ничего не сказала, впрочем, Иза тут же и отпустила ее.

— Что мне делать? — Сергей обращался к Саше, поняв, что она здесь самая адекватная.

— Я не знаю, — честно ответила та, пожав плечами. — Единственно, чего я боюсь — это что Полина простит тебя. Да и фиг с ним, пускай прощает, лишь бы не позволила тебе остаться. Я голосую за развод.

— Ты не можешь давить на нее, — процедил Сергей, бледнея.

— А ты не можешь больше прикасаться к ней, — в тон ему ответила Саша.

— Кстати, — тут же встряла Иза, — ты периодически проверяешься на предмет половых болезней, а? Не дай бог ты ее чем-нибудь заразишь.

Прорывав какое-то страшное ругательство, Сергей сорвался с места и бросился вниз по лестнице.

— Пусть катится, — со злорадной улыбкой напутствовала его Иза. — Пусть катится к черту.

— Иза, давай узнаем, когда можно будет Польку навестить, и мне домой пора, — вздохнула Саша.

— Давай, пошли, я видела кабинет дежурного врача, там дальше по коридору, — и затушив в переполненной пепельнице окурок, Иза первой зашагала в нужном направлении. — Кстати, ты быстро добралась сюда.

— Да, на попутке, — бросила Саша сухо, но ее тон заставил Изу обернуться. Она окинула подругу внимательным взглядом.

— Мне кажется, это была интересная попутка, — произнесла она. Как всегда от ее пристального взгляда ничего не укрылось. — Так краснеть и бледнеть одновременно возможно только в том случае, если это была очень необычная попутка.

Это все из-за него, из-за Берга. Станный

мужчина назвался не менее странным для Саши именем, кивнув почти равнодушно на ее ответное представление. Он не задавал ей никаких вопросов ни о работе, ни о месте жительства, ни о том, куда же она все-таки так спешит, зато мастерски выведал, какую музыку она слушает, какой цвет у нее любимый и что она предпочитает из сладкого. Саше пришлось также признаваться, какие фильмы могли бы показаться ей достойными того, чтобы сходить на премьеру, и в каком ресторане она мечтала бы отужинать.

Девушку удивляла его манера задавать вопросы, словно он ставил галочки напротив вопросов в каком-то своем вопроснике, но потом решила, что, возможно, у него хобби такое — составлять психологический портрет своего собеседника на основе полученных данных о его предпочтениях.

Сам же Берг как был таинственным лицом, так сохранил свое инкогнито до конца поездки. Саша не посмела его ни о чем спросить, да ей и не мог прийти в голову ни один вопрос, благо, неловкого молчания не было — Берг уверенно вел беседу, вернее, опрос.

Во дворе госпиталя он снова вышел из машины, открыл для Саши дверь и помог выбраться на асфальт, в темных лужах которого, как в зеркале, отражались маячковые проблески

машин скорой помощи.

Смущенно поблагодарив своего невольного благодетеля, Саша решила глянуть ему в лицо, и с удивлением увидела улыбку. Мужчина смотрел прямо, не выпуская ладони из своих теплых рук, и казалось, хотел что-то сказать, но лишь дрогнули уголки его губ, и уже в следующее мгновение он выпустил Сашину руку.

— Удачи тебе, — произнес он ей вслед, когда Саша уже неслась по ступеням в раскрытые двери медицинского заведения.

Вот и все. Изе показалось этого мало. Она принялась выпрашивать у усталой подруги подробности о внешности Берга и манере держаться, о тембре голоса и цвете его глаз, но все закончилось тем, что Саша наградила дотошную любопытную брюнетку щипком и чуть ли не бегом направилась в гардероб.

Этот человек — как молния, которая вряд ли ударит дважды в одно и то же место. И не дай бог Саше узнать, что остается после нее на месте пожара.

ГЛАВА 10

Иза высадила Сашу при въезде во двор и унеслась домой. Время было позднее, а ей еще возвращаться в центр.

Фонари, как обычно, не работали, но света, льющегося из окон, было достаточно, чтобы не спотыкаться в темноте, и девушка поспешила к своему подъезду.

Холод распугал всех подростков, и желающих потусоваться на свежем воздухе не оказалось — Саша шла в абсолютном одиночестве, но, приблизившись к дому Олега, поняла, что это не совсем так.

Непроизвольно подняв голову, она отыскивала окна его квартиры. В зале горел свет, шторы были задернуты. Неожиданно послышалось легкое покашливание и, вздрогнув, Саша замерла на месте, метнув испуганный взгляд в направлении звука. Олег собственной персоной стоял перед ней, небрежно облокотившись на капот своего мерседеса, курил сигарету и внимательно разглядывал девушку.

Саша нервно поправила рюкзак, как делала всегда, когда не знала, что сказать и чем занять руки. Интересно, он понял, что она смотрела на его окна?

— Привет, — первым поздоровался мужчина.

Они знали друг друга только в лицо но, наверняка, он не раз слышал, как ее окликал Федор или подруги, так же как и она узнала его имя от женщин, которых он приводил к себе. Иногда их взгляды пересекались, и мужчина кивал ей.

— Привет, — торопливо ответила Саша.

И все, говорить им было не о чем. Просто соседи, равнодушно пробегающие мимо. Решив, что обмен любезностями закончен, Саша отвернулась, намеревалась пройти мимо. Интересно, он просто не выключил в комнате свет, или его там кто-то дожидается? Может, он выскочил за сигаретами, и теперь просто не хочет возвращаться? Ладно, ей-то какое дело, если он привез не ту женщину.

— Довольно поздно для одинокой прогулки, — проговорил вдруг Олег, и Саша, поравнявшись с ним, посмотрела прямо на него.

— Не думаю, что я лакомый кусочек для маньяка, — пожалала она плечами и попыталась улыбнуться, но было сложно бороться с необъяснимым смущением, охватывающим ее всякий раз, как только она попадала в поле притяжения этого мужчины.

— Очень даже лакомый, — проговорил Олег, как показалось Саше, недовольно.

Интересно, о чем он думает? Для чего заговорил с ней, впервые за пять месяцев, что они встречаются в этом дворе? Раньше он едва удостоивал скромную соседку равнодушным взглядом.

В голове вдруг промелькнула шальная мысль, что автором таинственных писем мог бы оказаться

и Олег, но Саша тут же отогнала этот бред. Такой мужчина никогда не посмотрит на нее так, как Олег смотрел на своих дам, но ей и не требуется подобное отношение — сомнительная честь стать безликой единицей статистики. Лучше уж пусть это будет Граф. Он, по крайней мере, более сдержан в своем поведении и не афиширует свою личную жизнь, лишая тем самым общественность повода для осуждения.

Не то чтобы Саша особо критиковала образ жизни своего загадочного и вечно недовольного соседа, но ей не хотелось быть той, на кого он обратил бы свое внимание только раз в жизни. А мысль, что она никогда не вызовет в его душе особого чувства, которое могло бы заставить этого мужчину поменять свое мировоззрение, немного царапала. Самую малость, так, не сильно, мигая тусклой лапочкой на периферии сознания.

Что ж, она была реалисткой — во всяком случае, старалась — и понимала, что влиять на мужчин — не ее удел. Еще некоторое время назад ей верилось, что она вполне хороший человек, приятный внешне и обладающий вполне сносным характером, и этого может хватить, чтобы вызвать уважение, доверие, и даже, может быть, любовь. Но всего этого оказалось недостаточно, чтобы Пашка, прекрасный и лживый, захотел поменять свой образ жизни и встать на путь исправления, лишь бы быть

с ней.

Нет, он пошел до конца и поставил ее жизнь на кон в тот момент, когда для него вообще не существовало ничего святого, и двигали им только азарт и желание отыграться.

В первые дни после разрыва было трудно поверить, что она чего-то стоит — настолько он обесценил ее, используя в своей грязной игре. Понадобилось время, чтобы забыть эту боль, но шрамы останутся навсегда.

Возможно, такт и деликатность босса помогут Саше воспрянуть духом, но не стоит загадывать далеко вперед — Граф, похоже, не собирается торопиться.

— Что ж, — улыбнулась Саша, — в любом случае, моему потенциальному маньяку сегодня не повезло: я слишком близко от подъезда, у него не окажется времени развернуться в полную силу, — и Саша решительно направилась прочь, ругая себя за непонятную робость, которая не отпускала ее все это время.

— Долго ли, умеючи, — донеслось ей в спину. Усмехнувшись на ворчание соседа, она лишь пожала плечами.

— И потом, здесь ты, — бросила она, обернувшись и пятясь к своему подъезду. — Вряд ли ему нужны свидетели.

Олег хотел что-то возразить на это, но его

перебила телефонная трель. Саша стянула перчатку и достала из кармана пальто мобильник — звонила мама. Она жила в соседнем микрорайоне, но виделась с ней Саша крайне редко — было тяжело приходить в родной дом, а мать не часто вспоминала о ней.

— Мама, у тебя все в порядке? — проговорила Саша мягко.

Она никогда не упрекала мать за выбор. Однозначно, молодая красивая женщина не должна оставаться одна, и ей проще игнорировать изъяны своего избранника, чем окунуться в холод одиночества. Со временем Саша простила мать за то, что самый близкий человек закрыл глаза на страшную правду, предпочтя обвинить свою единственную дочь во лжи в надежде, что все само собой разрешится. Все и разрешилось, но лишь потому, что Саша ушла из дома. Конфликт остался, но его участники покинули поле боя. Девушка до последнего надеялась, что ей не дадут уйти, но мать захлопнула за ней дверь и вздохнула с облегчением.

На протяжении последних лет мать изредка звонила, когда ей требовалась помощь, чаще медицинского характера, или же пыталась одолжить у нее денег, никогда не возвращая долг.

— Саша, Саша, — в трубке слышались всхлипывания. — Сашенька, девочка моя...

— Мама, что с тобой? Что-то случилось? —

девушка остановилась посреди улицы, ожидая ответа. Она всегда боялась этих звонков. Как только видела имя абонента, высвечивающееся на экране телефона, сердце тоскливо сжималось в ожидании плохих новостей.

— Сашенька-а-а, — снова всхлипнула женщина.

— Мама, мне приехать? Не молчи, скажи мне. Я сейчас приеду, хочешь?

Олег обернулся на ее голос и прищурился.

Саша уже хотела нажать на отбой и нестись к ней домой, когда мать взяла себя в руки и попыталась говорить. Язык едва слушался, и слова получались смешными и коверканными, будто она говорила, набив рот орехами.

— Сашка, приходи-и-и, и принеси бодягу.

Девушка замерла. Ну точно, Макс опять избил ее, наверняка все лицо в синяках и гематомах. Скотина.

— Он дома?

— Нет, уехал бомбить, — послышался какой-то звук — мать прочистила нос. — Сашка, и это... водки купи.

— Ма...

Зная отношение дочери к этому вопросу, мать всегда сбрасывала звонок после озвученной просьбы.

— Какие-то проблемы? С матерью? —

окликнул Олег.

Саша лишь угрюмо кивнула, резко отвернувшись от нежеланного свидетеля ее семейной драмы. Она стояла с опущенной головой, и было так сложно пошевелиться. Так хотелось, чтобы этого звонка не было. Опять проблемы, и все из-за Макса. Кто бы избавил их семью от этого негодяя.

— Где живет твоя мать? — Олег уже направлялся к ней быстрым шагом, на ходу делая последнюю затяжку.

— О, не беспокойся, тут недалеко, я пешком быстрее дойду, — Саша хотела улыбнуться, но у нее не получилось.

— Не говори глупостей, я доведу тебя, все равно свободен, — Олег поравнялся с ней, развернул ее за плечи и повел к машине. Она подчинилась — тратить последние силы на препирательства ей не хотелось.

Усадив ее в машину, Олег сел сам.

— Куда ехать? — он повернул ключ зажигания.

— В круглосуточный магазин, — произнесла девушка, глядя прямо перед собой.

— Это зачем же?

— За водкой.

— Так вот каким способом ты решаешь проблемы? — Олег осторожно выезжал со двора,

внимательно глядя в зеркало заднего обзора.

— Ага, иначе бы не протянула до таких седин, — и сама скосила взгляд на светлую челку, падающую на глаза неровными прядями. — А еще нужна аптека, ночная, на Тверицкой улице. Заглянем туда?

— Ну вот, говорила, что не далеко, а самой половину района пришлось бы истоптать, — буркнул Олег, выруливая на шоссе.

Сердце девушки наполнилось горячей благодарностью, когда сосед предложил самолично приобрести алкоголь.

— Грешно посылать такую, как ты, в магазин, который после десяти-ноль-ноль оккупируют одни пьянчуги, — пояснил он.

Саша лишь кивнула и полезла в рюкзак за кошельком.

— Сиди, — тут же остановил ее Олег, — и никому не улыбайся.

Он решительно направился к широким стеклянным дверям, услужливо раскрывшимся перед ним. Предупреждение было актуальным и уместным: двор перед магазином заполняли сомнительного вида личности, но этот контингент заметно отличался от того, который обычно ошивался возле аптеки. Все-таки покупатели водки выглядели на порядок солиднее в сравнении с любителями боярышника и других «лечебных»

бальзамов.

Вскоре мужчина вернулся с бутылкой, благоразумно спрятанной в бумажный пакет, и молча протянул Саше, усевшись на свое место. Девушка, не поднимая глаз, убрала ее в рюкзак и чуть слышно произнесла «спасибо», на что Олег лишь угрюмо хмыкнул. Попробовать снова достать деньги она не решилась. В аптеку «добрый самаритянин» также отправился самолично, и Саша проводила его невысокую крепкую фигуру благодарным взглядом: день бы насыщенным, мышцы после тренировки ныли, волнение из-за подруги, попавшей в больницу, не отпускало, да еще и беспокойство за мать усиливалось.

Помощь Олега оказалась очень кстати, как физическая, так и моральная. Ей еще предстояло остаться наедине с пьяной избитой женщиной, выслушивать ее жалобы и сдерживаться, чтобы не завести свою песню о выселении ее сожителя.

Причина такого участия Олега в ее делах была большой загадкой для Саши, но копаться сейчас в истоках и строить предположения на пустом месте было бессмысленно. Может быть, он обеспечивает себе алиби, чтобы оправдать долгое отсутствие перед очередной пассией, дожидаящейся его в уютной гостиной, а может... кто знает, почему он это делал. Назвав адрес своего детства, Саша прикрыла глаза, мечтая хоть на секунду отрешиться

от своих забот.

Отрешилась она капитально, и пришла в себя только от сильного толчка — это Олег тряхнул ее за плечо.

— Да ты спишь на ходу, — он смотрел на нее, словно упрекал.

— Такое ощущение, что сейчас ты предложишь мне поехать обратно домой, — пробормотала Саша, отчаянно моргая. Ужасно хотелось потереть глаза, но нельзя — размажется тушь. Глянув в окно, она убедилась, что находится действительно в своем дворе.

— А ты поедешь?

— Нет конечно. Спасибо, что помог мне сегодня вечером. Ты мой спаситель, и хочется сказать, что я твоя должница, только... — Саша с сомнением глянула на мужчину, в его насмешливые глаза. — Только вряд ли ты примешь мою помощь.

— Вряд ли ты сможешь мне помочь, — проговорил вдруг мужчина, и не давая Саше времени на изумленный взгляд и тем более на формулировку вытекающего из этого заявления вопроса, заторопился. — Пошли, а то действительно уже поздно.

— Как пошли? Куда пошли?

— Туда, куда ты приехала — к матери.

— Но...

— Да не напрягайся ты так, я просто покурю

на свежем воздухе, пока ты будешь выполнять свой дочерний долг.

Саша отстегнула ремень безопасности и вывалилась на улицу, разминая ослабевшие ноги. Холодный воздух приятно ожег лицо.

Двор был старательно освещен недавно отремонтированными фонарями, на пустынной в это время суток детской площадке стоя уличных псов затеяла какую-то игру, слышался лай и скулеж. Олег успел уже прикурить сигарету, прикрывая ладонями пламя зажженной спички.

— Ты... докури, и езжай домой, — проговорила Саша, сделав шаг в сторону подъезда. — Я надолго. Сам понимаешь — ушибы, слезные разговоры, жалобы...

Олег лишь хмыкнул и отвернулся.

— Иди давай, — поторопил он ее.

Не говоря больше ни слова, Саша набрала код квартиры и трель домофона раздалась неожиданно громко, вызвав новый приступ собачьего лая на площадке.

Мать встретила ее именно в той кондиции и состоянии, которые Саша себе и представляла. Сердце словно ошпарило кипятком, но она не произнесла ни слова, плотно сжав зубы. Мать с жадностью поглядывала на рюкзак дочери, и девушка не стала ее томить, прямо в прихожей вручила бутылку, после чего женщина заметно

оживилась, глаза алчно вспыхнули, и она направилась на кухню.

— Есть будешь? — крикнула оттуда, гремя посудой.

— Нет, спасибо, не хочется.

Мельком глянув в зеркало, Саша заметила тоскливый взгляд серых глаз. «Это моя жизнь, моя реальность», — промелькнуло в голове.

Ее мать не была алкоголичкой, и детство у Саши было вполне счастливое, но смерть отца наложила на женщину печать тоски и одиночества. Оставшись в тридцать лет без средств к существованию и мужской помощи и покровительства, она растерялась. Тогда двенадцатилетней Саше пришлось взять на себя часть домашних забот, потому что мать часто пребывала в депрессии, забывая приготовить обед, выстирать какие-то вещи или заплатить по счетам. Саша жалела свою мать, любила ее и понимала все, что с той происходило. Случались в жизни женщины и романы, но они не длились долго и были незначительными. Пока не появился Макс. Тогда-то жизнь двух почти подруг изменилась навсегда.

Что такого было в этом молодом человеке, Саша никогда не понимала. Высокий и худой, довольно смазливый, но со злыми глазами, он никогда ей не нравился. Он был младше матери на

десять лет, и в свои семнадцать Саша понимала, что он не мог полюбить женщину бескорыстно и искренне. Как оказалось, подобные чувства были ему чужды.

Для матери же этот человек заменил весь мир, и его попытки соблазнить ее дочь она предпочла счесть за ложь дочери, завидующей ее счастью. Так через пару лет родная дочь вынуждена была искать защиты в доме своего дяди, а еще через год лишилась своего угла, когда мать приватизировала квартиру покойного мужа, оформив ее в равных долях на себя и сожителя.

— У меня нет ваты, — сообщила мать, как только увидела в руках у Саши заказанное средство от гематом и ушибов.

— Я купила, — тихо отозвалась Саша, заранее просчитав алгоритм поведения матери.

— Мне вообще уже хорошо, все нормально, Саш, — принялась уговаривать женщина, жадно поглядывая на наполненный до краев граненый стакан. Выпить до появления Саши в кухне она не успела, а при ней, почему-то, не решалась и, как всегда, злилась из-за этого.

— Пойду помою руки, — вздохнула девушка, прекрасно ее понимая.

На этот раз все прошло довольно быстро, и через полчаса Саша уже выходила на улицу, подняв воротник пальто. Она не боялась темноты, а после

того, как по умолчанию провозгласила Графа автором посланий, вовсе перестала дрожать от каждого звука, уверившись, что никто за ней не следит и не интересуется ее скромной персоной со злым умыслом.

Но кое-кто все же интересовался. Олег дождался ее, укрывшись от ночного холода в салоне своей машины. Он говорил по телефону, и его лицо было злым и мрачным. «Видимо, у этого человека какие-то проблемы», — подумалось Саше. Тем более было не понятно, от чего он решил ей помочь. Хотя, возможно, это просто способ отвлечься от своих забот.

Девушка только отметила, что Олег ни разу не подал ей руки, как делал для своих прекрасных дам, и она ни разу к нему не прикоснулась.

Он почувствовал ее появление и обернулся. Их взгляды встретились, и уже через секунду Олег нажал на отбой. Наклонившись через пассажирское сидение, открыл дверцу автомобиля, и Саша быстро залетела внутрь.

— Это было не обязательно, но ужасно приятно, — проговорила она, скрывая смущение за суетой, слишком энергично вытягивая ремень безопасности.

Мужчина ничего не ответил на это, заводя мотор.

«Что ж, одно радует, — думала Саша, вновь

закрывая глаза, — завтра суббота и можно никуда не спешить». Она знала, что проспит до обеда, если только не забудет отключить телефон: Иза была любительницей ранних звонков по делу и без оного.

Знала бы Саша, какую ловушку ей подготовила назавтра судьба, провалялась бы до вечера, не показывая и носа из квартиры, но на то она и судьба, что действует тайно и наносит удары неожиданно.

ГЛАВА 11

Весь вечер Саша просидела на диване, по обыкновению поджав ноги, и пребывала в большой задумчивости. Эта комната давно стала «её», Федор подарил ей эти стены и помог материально с внутренним оформлением, а Иза разработала дизайн.

Василькового цвета тюль без штор (кто может заглянуть в окно на девятом этаже?) в квадратном помещении бледно-голубого цвета, у окна длинный угловой стол с хорошим компьютером и удобное крутящееся кресло, в противоположном по диагонали углу диван, также угловой, с покрытием из синей жаккартовой ткани, однотонный, с мягкой высокой спинкой. По стене у двери комод, увенчанный внушительной стереосистемой.

Саша не любила наряжаться, и ее гардероб

составляла пара джинсов черного и синего цвета, брюки и несколько блуз и пуловеров, вполне уместившихся в добротном комод. В шкафу в общем зале хранился строгий костюм и три платья, которые она надевала редко, предпочитая стиль унисекс.

И снова перед ней раскрытая коробка с бордовыми конвертами. Одинаковые с виду, с одной и той же надписью, они различались по содержанию. Сегодня коллекция пополнилась еще одним экземпляром.

«Ты так свежа, так чиста...» Саша перечитывала эти слова снова и снова и что-то ей не нравилось в этой фразе, что-то напрягало и царапало самомнение, но она никак не могла понять, что именно.

Свежа? Может быть. Двадцать шесть — с одной стороны это уже много, но с другой — вполне может подойти под определение, кому как. Но чиста... Это она-то?

Знал бы он, сколько раз ее пачкали взгляды Макса, валяя в грязи, топя в ней с головой, вгоняя в панику и доводя до истерики. После такого Саше всегда хотелось забраться в ванную и скрести себя жесткой мочалкой, чтобы смыть эту липкую гадкую мерзость и с кожи, и с души. Но память постоянно подбрасывала эти воспоминания — его грубые руки с жесткими пальцами, оставляющие синяки на ее

чувствительной коже, горячее дыхание, обжигающее лицо, странные глаза, наполненные каким-то пугающим огнем, в которых читалось только одно желание — унижить, растоптать, сломать и надругаться.

Дни напролет после уроков Саша бродила по улицам, пока мать пропадала на работе. В шестнадцать лет уже стыдно жаловаться, и девушка долгое время молчала о том, что пытался сделать с ней Макс.

Осенью еще было ничего, а зимой ей пришлось трудно. Приходилось караулить прохожих и забегать вместе с ними в подъезды, чтобы дрожащими руками припасть к батарее и чувствовать, как ломота охватывает оттаивающие пальцы, просунутые между ребрами пыльного радиатора.

Тогда-то она и познакомилась с Изой. Саша блаженно улыбалась, закрыв глаза — несколько вечеров подряд она напряженно готовилась к срезовой работе по математике, и спать хотелось со страшной силой. В тепле ее разморило, и она задремала прямо в грязном подъезде, уже не замечая дурного запаха.

— Это что же такое должно сниться человеку, чтобы испытывать блаженство в таких условиях? — громко проговорила незнакомая брюнетка, остановившись напротив Саши. Она обвела

грязный подъезд недовольным взглядом и сморщила носик.

Норковая шубка распахнута, на плече довольно дорогая сумка, необыкновенно красивая девушка будто сошла с обложки модного журнала. Саша залюбовалась ею, незнакомка же недоуменно рассматривала свою ровесницу, невысокую щупленькую блондинку с большими грустными глазами.

Та не торопилась с ответом. Сжавшись в комок и пряча руки в карманы, она стояла, готовая в любой момент выбежать из подъезда.

— Идем, — проговорила вдруг красавица, и решительно потащила Сашу к лифту. — Напою тебя чаем, что ли. Бомжуешь, значит?

— Вроде того, — прошептала Саша.

Красотка лишь громко вздохнула, закатив глаза.

Саша сразу же ей доверилась. Возможно, из благодарности за внимание, а может, просто нуждалась в живом человеке, который проявил бы к ней участие. В любом случае она ни разу не пожалела об этом.

Иза предлагала много планов по изведению потенциального насильника, один жестче другого, но Саша серьезно отметала все ее варианты. Она не жаждала крови, единственным ее желанием было все рассказать матери, но Иза скептически качала

головой.

— Она тебе не поверит, — заявила красотка сразу и, как показало время, оказалась права.

Перед сдачей выпускных экзаменов Саша практически переселилась в квартиру Изы, ведущей довольно самостоятельный образ жизни. Ее мать, вечно занятая бизнес-леди, ничего не имела против, редко появляясь дома, поэтому никто не мешал девушкам проводить время вместе. С некоторых пор они приобщили к своим посиделкам и одноклассницу Саши Полину. Та была отличницей и существенно помогала девчонкам с учебой, натаскивая их перед экзаменами.

Выпускной отгремел, Саша, счастливая, вернулась под утро домой, и сожитель матери решил по-своему «поздравить» ее с окончанием учебы и вступлением во взрослую жизнь.

Если бы Саша знала, что мать поменяется сменами со своей напарницей и уйдет на работу ни свет ни заря, она бы отправилась к Изе. Это не решило бы проблему кардинально, зато на некоторое время отсрочило серьезный скандал. Саша знала классику, и если в первом акте на стене висело ружье — рано или поздно, оно должно было выстрелить. В ее истории это опасное огнестрельное оружие имелось в наличие, и выстрел был лишь вопросом времени.

Ружье и выстрелило, пострадала, правда,

только одна Саша. В реальности же в ход пошел нож, потому что девушка не могла допустить, чтобы этот гад ее изнасиловал, и только ее полный решимости взгляд охладил пыл молодого человека, с прошлого вечера накачанного спиртным. Как не был он пьян, рьян и полон решимости получить то, что так долго ускользало от него, что-то в глазах Саши напугало его. Он поверил, что та пойдет на все, чтобы сохранить свою чертову девственность, и существенно попортив ей нервы и напугав практически до полусмерти, как всегда, ограничился оскорблениями, сравнивая неискушенную девушку с последними тварями на земле, не знающими ни стыда, ни совести.

Рыдающая Саша выбежала на улицу, даже не заметив, что порванного платья. Она не помнила, как добралась до дома подружки. Иза уже успела задремать после бурной ночи, но ее глаза расширились от ужаса, когда она увидела Сашу на пороге квартиры. На скуле налился большой синяк, щека горела красным от мощного удара, дрожащие руки стыдливо прикрывали порванный лиф дорогого, сшитого на заказ платья.

Не говоря ни слова, Иза втащила подружку в прихожую, обняла и они долго молчали.

Потом Сашина мать долго плакала и громко кричала, что Саша все это придумала, потому что давно ненавидит Макса или, может, тайно

влюблена в него, поэтому и строит эти козни. Самым страшным для девушки оказался тот факт, что мать в глубине души поверила ей — это было видно по ее глазам, настолько испуганным и затравленным, что сердце дочери сжалось. Тогда она и решила оставить все как есть. Выбор родного человека был очевиден, и не стоило больше рвать душу ни себе, ни маме.

Саша сама направилась к Федору, сама напросилась к нему жить, и дядя, слышавший отголоски их семейной драмы, не колебался ни секунды. Он самолично помог Саше собрать вещи и под угрюмым злобным взглядом Макса вынес их на лестничную площадку. Отправив Сашу вниз, где их дожидалось такси (Федор настоял на этом, хоть дорога и занимала от силы десять минут), он вскоре нагнал ее, отводя взгляд и пряча руку. Девушка не сомневалась, что Макс у только что досталось, но это все равно ничего не значило. Этот человек победил, выжив из дома родную дочь жены, которую давно уже предал в своей мелкой пакостной душе.

Чиста... Да, Саша осталась тогда чиста физически, но чего ей это стоило... Как много она узнала гадкого и мерзкого о той стороне жизни, которую обычно воспевали в красивых песнях и описывали в прекрасных романах. Макс вывернул ее романтический мир наизнанку и заставил

посмотреть на него через призму извращенности.

Долгое время Саша не могла подпустить к себе ни одного мужчину, теряя одного друга за другим, как только дело доходило до серьезных отношений. Ее трясло от одного их прикосновения. Перед глазами тут же всплывало лицо Макса с выражением цинизма, надменного презрения и неприкрытой похоти. Ей казалось, допусти она близость с мужчиной — сразу рухнет в пучину мерзости и покроет себя нескрываемым позором, прежде всего в собственных глазах, поэтому, оставаясь нетронутой, у нее есть повод уважать себя.

И все же, через четыре года после выпускного первый секс состоялся, и ничего особенного не произошло: небеса не рухнули, Саша не скатилась в разврат и не перестала себя уважать. И даже когда ее бросили, она не переживала слишком сильно — это всего лишь секс, ничего особенного.

Влюбленность пришла гораздо позже. С появлением Пашки весь мир изменился. В душе поселилась весна и сердце откликнулось, встрепенувшись и проснувшись окончательно.

Кто же знал, что через год все закончится так трагично.

Предатель покинул город, вернулся в родной поселок, а Саша теперь живет, дышит, и почти ничего не чувствует. Нужно время, чтобы оттаять,

только бы не спугнуть Графа. Мужчина, готовый залечить ее душевные раны, достоин уважения.

И именно Граф называет ее сейчас чистой. Но разве невинная девушка будет думать о чужом мужчине? А Саша думает, и довольно много. И потом, как на счет Олега? Она постоянно подглядывает за ним. Изучает его походку, движения, лицо. Она едва не сходит с ума от непередаваемых ощущений, когда видит соприкосновение его ладони с рукой женщины. Она даже подглядывает за ним в окно. Нда, и после всего этого она чиста?

Наивный, романтичный англичанин...

* * *

Разумеется, со всеми своими невеселыми воспоминаниями Саша забыла отключить телефон, и Иза воспользовалась этим с присущей ей беспардонностью. Как обычно, она решила задать подруге один единственный животрепещущий вопрос: «Что делаешь?».

— Что я делаю? Ты хочешь знать, что я делаю ровно в девять часов утра? — свирепела Саша по мере того, как реальность все четче проступала перед ней. Опыт показывал, что больше уснуть ей не удастся, и она обречена на беспокойное ворочанье в кровати в полусонном состоянии, когда

придется отмахиваться от роя мыслей, не всегда радостных и легких, особенно в свете последних событий.

— Эй, в чем дело, почему такой тон? — Иза традиционно изображала недоумение по поводу неоправданного гнева подруги.

— Да вот, только я решила побелить потолок, переклеить обои в гостиной, постирать белье и приготовить торт, а ты тут меня звонками отвлекаешь, — злилась Саша.

— Погуляем? — решила переменить тему разговора хитрая брюнетка.

— Извини, Изка, но на набережную я сегодня не поеду. Хочешь гулять — встретимся в Самсоновском парке в два часа дня.

— А что за тусовка там намечается?

— Клуб любителей здорового образа жизни, в который меня затащила Полька... — Саша осеклась. Подруга, бледная тихая тень на больничной кровати, встала перед глазами, и сердце сжалось.

— Там не интересно, — закапризничала Иза.

— Как хочешь, было бы предложено, — и не тратя время на препирательства с подругой, а попросту боясь, что Изе удастся куда-нибудь ее вытащить, Саша отключила телефон.

В этот самый момент, прислушавшись к себе, девушка поняла, что хочет блинов, и натянув

легкие трикотажные брюки и старенькую футболку, направилась на кухню, ступая осторожно — Федор также любил поспать в выходной день.

Провозившись около часа у плиты и приняв душ, Саша, свежая и повеселевшая, вернулась в комнату. Прикрыв дверь, тут же присела у комода. Руки сами потянулись к нижнему ящику и нащупали заветную коробку.

С тех пор как призрак таинственного наблюдателя рассеялся, эти письма перестали пугать девушку. Их хотелось перечитывать, впитывать в себя крупицы чьих-то едва уловимых эмоций и чувств, наполняться ими. Сердце согревала мысль, что о ней кто-то думает, помнит, скучает. Кто-то решил выразить свое к ней отношение таким необычным способом. Да, в век компьютеров, телефонов и факсов письмо, написанное от руки, пусть оно и содержит лишь одну фразу, выглядит довольно экзотично, и для Саши это многое значит.

К тому же, это Граф... Красивый, стильный, сильный, уверенный... Она вдруг поднялась и в задумчивости прошла к окну. А собственно, что такому мужчине, как Роберт Стивенсон, может быть нужно от Саши? Нет, ну серьезно, кроме секса, который и так под большим сомнением, с ее-то малоопытностью?

Нет, девушку не мучил комплекс

неполноценности, и от обиды на бывшего возлюбленного она тоже, как будто бы, уже отошла, но все же. Все же она не красавица, и мало что представляет из себя, предпочитая рефлексировать в замкнутом пространстве своей комнаты, нежели восполнять свои духовные потребности или повышать статус.

Если уж совсем начистоту, то ее честолюбивая начальница Марина больше заслуживает такого мужчину, как Граф, серьезно. Она красива, профессиональна, умна, с тяжелым, но справедливым характером. Она не делает гадостей, не ведет подковерных игр, но может дать отпор любому, кто попытается провернуть с ней что-нибудь нехорошее. Современная уверенная женщина со вкусом и возможностями. Разве не такая нужна Графу?

Отодвинув тюль, девушка прижалась лбом к холодному стеклу. За окном умирала природа, ветер гнал обрывки грязных облаков по блеклому бесцветному небу, неприглядная земля чернела за домами на пустыре. Во дворе было тихо, на душе скребли кошки.

А кому нужна такая, как она? И нужна ли вообще? Кому-нибудь что-то нужно от нее? Нет, разумеется, кроме того, чтобы поставить ее на кон и с позором проиграть?

Да, в ее значимости можно было бы

сомневаться, и для этого, наверняка, есть естественное обоснование, но письма — вот что поможет поверить в себя. Какие бы сомнения ее не одолевали, есть эти клочки бумаги, спрятанные в бордовые конверты, которые опровергнут любые обвинения. Они доказывают, что Саша не пустое место. Что ж, на этом она и будет стоять.

Интересно все же, как эти письма попадают в ее почтовый ящик? Совершенно ясно, что это не дело рук самого Роберта, и своей секретарше он точно такого не поручал. Об этом бы тут же стало известно всей фирме, это вне всяких сомнений, да и работает она, не покладая рук, с утра до самого вечера, ей некогда было бы отлучиться, и она просто сунула бы Саше эти конвертики со словами «Все равно это тебе, так что держи».

Выходит, босс кого-то нанимает, чтобы доставить эти послания по адресу? Какого-нибудь студента? Или может, это делает его шофер? На его месте лично она просто подкидывала бы эти письма на рабочий стол, но ему виднее, он же их автор, и имеет право на любой антураж, способствующий их появлению в ее доме. Что ж, она не против. Совершенно нет.

Забавно: просиди она весь день в засаде за мусоропроводом, удалось бы ей узнать эту тайну? Знать бы только, в какой день это будет снова, если вообще будет. Может, Графу пора переходить к

решительным действиям? Ого, и это говорит тихоня Саша? Если бы Иза могла сейчас прочесть ее мысли... А впрочем, ничего крамольного в ее голове нет, просто потребность в любви, просто желание счастья, просто безумная мечта найти покой.

* * *

К обеду погода разгулялась, и даже слабое бледное солнышко решило взглянуть на увядающий мир, раскрасив парк в яркие цвета, придав сочность последним оставшимся листьям.

Не смотря на недавнюю непогоду и слякоть, было красиво. Чисто выметенные дорожки кружили, огибая деревья, теряясь за поворотом и вновь выпрямляясь, чтобы пересечься со своими подружками и вновь разбежаться в разные стороны. Резные скамейки под изогнутыми фонарями, фигурные урны, большие и маленькие собаки, разряженные во всевозможные мыслимые и немыслимые комбинезоны, малышня и их важные мамы и бабушки — все делало парк красивым в этот день, и Саша наслаждалась видами.

Компания собралась довольно большая — прийти постарались все девушки и женщины, которые негласно создали клуб поклонников Яна Вадимовича. Отсутствие Полины заметно оживило

обстановку, все же эту особу справедливо считали главной соперницей, и только Ян узнал, что Полина приболела и лежит в больнице.

— Саш, как думаешь, если я ее навещу, это не будет выглядеть странно? — обратился молодой человек к девушке.

Наступил тот редкий момент, когда поклонницы оставили его в покое, засмотревшись на игру уток в пруду. Всем срочно понадобилось купить плюшки в соседнем киоске, куда сразу выстроилась очередь. Это же не для себя, они-то на диете, им только бедных уточек покормить. Знали бы сердобольные любительницы живой природы, что этим раскормленным водоплавающим утоплением давно грозит ожирение, не отходили бы от Яна ни на минуту.

Саша внимательно посмотрела в глаза молодому тренеру. Что ему ответить? Что Полина замужем? Или что она без пяти минут разведена? Или что она безумно любит своего мужа, настолько, что решила умереть, лишь бы не оставаться без него? Что будет означать визит этого человека в ее палату?

— Думаю, через несколько дней ей станет лучше. Давай я оставлю тебе ее телефон, и ты сам узнаешь, можно ли ее проведать, хорошо? Как она скажет, так и будет.

Она продиктовала Полин номер, оставила ему

свой и заполучила его. Узнай об этом рыжая девица, подружка эмо, она разорвала бы ее в клочья, но в данный момент она бросала в воду крошки, сюсюкая и коверкая слова.

Иза появилась через полчаса после назначенного Сашей времени. Что ж, как истинная леди, она по статусу обязана опаздывать, чтобы все ожидающие прониклись важностью момента и острее ощутили радость от долгожданной встречи. Впрочем, не появись Иза сегодня в Самсоновском парке, они никогда бы не забрели на пару с Сашей в дикие дебри, и не столкнулись бы со случайными залетными хулиганами. Но тогда не состоялась бы та встреча, которой так жаждала Иза, и которая была так нежелательная для ее подруги.

Прежде всего брюнетка потребовала, чтобы ее познакомили с «вон тем красивым мальчиком», и Саша, скрепя сердце, представила ей своего тренера. Тот довольно спокойно пожал протянутую ему руку и не проникся никаким благоговением, после чего потерял право на какой-либо интерес со стороны шикарной брюнетки. Она всегда чувствовала равнодушие и отсутствие интереса к своей персоне, и если это не было жизненно необходимо для нее, больше не тратила время на бесперспективный объект.

Впрочем, с недавних пор это правило не распространялось на одного шатена. Там все

по-другому, гораздо сложнее и важнее.

Побродив немного по дорожкам и насладившись настороженными взглядами разношерстной команды поборника здорового образа жизни, Иза вдруг потянула Сашу в сторону, и как только они выпали из общего поля зрения, затащила ее в кусты.

— Ты что? Одна не можешь сходить в туалет? — шикнула на нее Саша.

— Мы гулять сюда пришли, или устраивать свою жизнь? — возмутилась такой недогадливостью изобретательная красотка.

— Разумеется, гулять.

— Ну ты и... чукотский наивный ребенок. Тратить свою жизнь на созерцание деревьев?

— Нет, давай потратим ее на рассматривание встречных мужиков.

— А это идея! Я рада, что ты сама мне это предложила!

Саша лишь закатила глаза, спорить было бесполезно.

— Да ладно, расслабься, мы же гуляем! — положив Сашину руку себе на локоть, Иза повлекла ее за собой, и вскоре они оказались по другую сторону зарослей орешника, уходя все дальше вглубь парка.

Иза привыкла смотреть на жизнь позитивно и уверенно, ее взор всегда был устремлен вперед, а

поскольку, в поле ее зрения пока не попал ни один интересный мужчина, она шла и шла, куда в эту минуту вела дорожка, совершенно не оглядываясь по сторонам. Девушки не заметили, как привлекли внимание трех подвыпивших парней.

Ребята планировали прилично провести время на природе, на свежем воздухе, затарившись водкой и пивом, но, заметив в березняке двух интересных цыпочек, решили внести коррективы в свой субботний план.

Так, присыпав опавшей листвой свой «золотой» алкогольный запас, наполовину опорожненный, они тихо и осторожно направились по следам беспечных девчонок, не подозревающих, «что прогулка в парке без дога может стоить им слишком дорого».

ГЛАВА 12

Подвыпившие парни налетели неожиданно, девушки успели лишь испуганно пискнуть. Когда же им удалось разглядеть напавших, они завизжали изо всех сил. Перекошенные лица, шальные глаза, страшные ухмылки — такие напугают одним только видом, не говоря уже о действиях.

Самый высокий и массивный из тройки грубо схватил Изу за горло, привлекая к себе, и огромной потной лапой закрыл ей рот.

— Тише, дура, заткни пасть, а то язык вырву, — прошипел он, и столько злости было в его глазах, что девушка поверила — такой вырвет, ему не трудно.

Не сводя с него испуганных глаз, она согласно закивала. Может, все еще обойдется, и их отпустят? Может, этим уродам просто нужны деньги и украшения?

Сашу держали сразу двое. От страха она не могла пошевелиться, и двум ее тюремщикам ничто не мешало разглядеть стоящую впереди брюнетку. В головах всех троих, хорошо подогретых утренними возлияниями, одновременно созрело одно и то же желание — овладеть этой красоткой, которая в ином случае окажется для них недоступной. Каждый прекрасно это понимал.

На их стороне сейчас была грубая физическая сила, и они только что отменили в этом уголке заброшенного парка все законы и порядки цивилизованного общества.

— Значит так, с@чки, расклад такой, — проговорил первый, по всей видимости, руководитель и идейный вдохновитель группы, — мы возьмем то, что нам нужно, а потом уйдем, понятно?

Он грозно глянул на Изу, на глаза которой невольно навернулись слезы. Что-то в облике этого человека смертельно напугало ее. Сильный

алкогольный запах, исходивший от него, не внушал надежд на разумный исход переговоров. Этот короткостриженный бородач может сделать с ней все что угодно, ему все равно.

— Поняла меня? — он тряхнул ее, требуя ответа, давно догадавшись, что девушка уже сдалась.

Иза энергично закивала. Какая же она дурочка — так беспечно углубиться в лес! Она и подумать не могла, что вляпается в такую историю.

Саша не сводила глаз с подруги, и чем больше пугалась Иза, тем быстрее Саша теряла силу духа и самообладание. По глазам она поняла, что дело плохо. И о чем говорят эти уроды? Что именно они хотят забрать?

— Эй, Джоник, харэ гнать порожняка, — подал голос один, не выпускающий из кулака воротник Сашиного пальто. — Давай решим, кто будет первым, — и он облизнул губы, будто его мучила жажда.

— Что, Лёньчик, уже не терпится, да? — осклабился главарь и, схватив Изу за подбородок, запрокинул ей голову и развернул лицом к себе. — Хороша, да? Хороша! Хочется, а, Лёньчик? — он сжал ее губы, больно натянув кожу, и грубо рассмеялся. Ему нравилось унижать эту королеву.

Сердце Изы пустилось в бешеный галоп. У нее больше не оставалось никаких сомнений в том,

на что именно они претендуют. Нет, так не должно быть! Это просто какая-то дурная шутка! Не для того она всю жизнь холила и лелеяла себя, чтобы сейчас стать подстилкой для этих дегенератов!

Мысли хаотично заплясали в голове, и вдруг полупарализованное от ужаса мышление притянуло за уши воспоминание о наличии некоего баллончика на дне сумки. Так, это идея! Надо незаметно достать слезоточивый газ, и тогда есть шанс, что история изменится. Но как только Иза об этом подумала, в тот же момент третий человек, худой жилистый блондин, до сих пор хранивший молчание, подскочил к ней и выхватил сумку из рук, словно прочитал все ее мысли.

— Что за... — только и успела выкрикнуть брюнетка но, получив удар по лицу, не столько болезненный, сколько унижительный, подавилась ругательством, которое хотела озвучить.

А похититель сумок уже вернулся к Саше и также лишил собственности и ее. Таким образом призрачный шанс на спасение был окончательно потерян.

— Ну ты молоток, Лёха, — загоготал Лёньчик.

Вор же отбросил сумки подальше — не это сейчас интересовало его. Он вопросительно уставился на главаря.

— Я буду первым, — заявил Джоник, и

внутри у Изы все оборвалось, как только она представила этого огромного детину на себе. Ужас захлестнул ее, и она собралась было закричать, но в следующую секунду уже валялась на сухой листве, и снова грязная рука зажимала ей рот, мешая нормально дышать.

У Джоника бы все получилось, быстро и без промедления, если бы не его же товарищи. Ни Лёньчик, ни Лёха не были согласны с таким раскладом. Один сам хотел быть первым, другой согласен был тянуть жребий.

— Какой жребий, спятили, придурки? — выверился Джон, придавливая извивающееся тело девушки к земле и не жалея для нее звонких пощечин. В ее волосах запутались пожухлые листья. Она пыталась брыкаться и вертеться, но силы были неравны, и она быстро выдыхалась.

— А ну отпустите ее!

Саша рванула к ней, но парни среагировали довольно быстро. Поймав ее, один вlepил такую затрещину, что на какое-то время оглушил, а второй швырнул в дерево, растущее рядом. Врезавшись в широкий ствол, Саша рикошетом отлетела и упала на землю, больно ударившись коленкой о какую-то корягу, торчавшую из земли.

Для надежности ее хорошенько пнули, чтобы больше не лезла под руку, когда решается важный вопрос, и снова занялись тем, что попытались

стащить жирного Джоника с понравившейся всем красотки.

Детина вскочил со страшным криком и бросился на Лёньчика. Завязалась драка, и третий, тихий Лёха, занял его место под шумок. Иза позволила себе закричать, пытаясь расцарапать насильнику лицо, но получила мощный удар в челюсть и застыла в ужасе, понимая, что надежды нет, ее не пощадят. Так бьют только от большой ненависти или сильнейшего равнодушия, и если этих нелюдей разозлить, они могут и изувечить.

Пока она приходила в себя, молодой человек задрал ей юбку и сильным рывком попытался стянуть колготки и белье.

«Боже мой, пощади, «- пронеслось у Изы в голове, и горячие слезы побежали по щекам.

— Ну что, с@чка, хочется, да? Хочется? Ты любишь такое, да? Скажи мне, тебе нравится, когда тебя так имеют? — с поганой улыбкой на перекошенном лице бормотал пьяный блондин, пытаясь справиться с ее бельем, одной рукой удерживая руки, заведенные ей за голову.

— Помогите, — просипела Саша, приходя в себя. Облизав разбитые губы, почувствовала соленый вкус крови. Приподняв гудящую голову и морщась от боли в ушибленной ноге, она попыталась подползти к подруге. Сделать хоть что-то, схватить эту сволочь за горло и умереть, так

и не разжав своих рук — у нее хватит ненависти удушить его. Только бы доползти.

Двое парней схлестнулись в жестокой драке, понося друг друга страшными грязными ругательствами, но тут один из них заметил, что происходит у них за спиной, и с дикими воплями бросился на хитрого товарища. Второй поспешил за ним. Лёньчик пинком сбросил с брюнетки почти добившегося успеха подельника, и принялся бить его головой о землю, а Джон навалился на Изу, попутно расстегивая брюки.

Саша застыла в ужасе, не веря, что опоздала.

— Отпусти ее, сволочь! — закричала она на пределе сил. — Отстань от нее!

За свои потуги она получила удар в бок. Сильные руки перевернули ее на спину, и Лёньчик навис над ней.

— Сейчас я тебя отпущу, — прошипел он и лизнул ее щеку. — Так отпущу — ты пощады просить будешь.

Он тяжело дышал после недавнего боя, но его спарринг-партнеру повезло еще меньше — тот вообще валялся в отключке.

— Не смей меня трогать, — проговорила Саша, изо всех сил стараясь не дрогнуть. Ее была мелкая дрожь и было ужасно страшно, но охватившая ненависть была не меньше.

— Заткнись и раздвинь ноги, — парню было

все равно, что чувствовала его жертва. Его уже охватила похоть, настолько сильная, что он убил бы любого, кто попытался бы ему помешать.

И тем не менее, такой нашелся.

Не успела Саша набрать в легкие воздуха для нового крика, как какая-то неведомая сила подхватила человека, еще секунду назад давящего на нее так, что было тяжело дышать, и отшвырнула в сторону как тряпичную куклу или просто куль с мукой.

Послышались тихие проклятья и стоны. Глаза застилала слезы, но Саша разглядела мужской силуэт. Человек наклонился над ней, и вдруг осторожно поднял на руки. Она попыталась сопротивляться, но быстро поняла, что он не опасен для нее.

— Иза... — прошептала она, широко распахнув глаза, как только поняла, что ее подруга все еще в опасности.

— О ней позаботятся, — услышала она голос Берга.

Он уже нес ее к машине, стоявшей в отдалении на пустынной дорожке, теряющейся в лесных дебрях.

Трое других мужчин легко отбросили бородатого несостоявшегося героя-любownika в сторону, помогая подняться брюнетке. Девушку трясло, страх не отпускал, и она испуганно

озиралась по сторонам, еще не веря, что опасность миновала. Вдруг ее взгляд наткнулся на Лёху, все еще пребывающего без сознания, и девушка хищно осклабилась.

Один мужчина подхватил Изу под руку и повел в том же направлении, куда минутой раньше ушел Берг с Сашей. Двое других остались караулить выведенных из строя отморозков.

— Спасибо, мне уже лучше, — проговорила вдруг Саша смущенно, и дернулась на руках у мужчины.

— Я рад. Хорошо, что мы успели вовремя, — ответил Берг невозмутимо, даже не подумав ее отпустить.

— Я могу идти сама, — настаивала блондинка, пряча глаза. Находиться в такой близости от его лица ей становилось все более и более неловко.

— Не сомневаюсь в этом, но что плохого, если я помогу тебе?

— Ты снова это делаешь, — проговорила тихо девушка, лишь бы как-то скрыть неловкость.

— Это же замечательно, — улыбнулся мужчина как-то насмешливо, и в глубине его глаз загорелись странные искры, впрочем, он тут же их загасил. — Люди должны помогать друг другу.

— Можно мне попробовать самой встать на ноги?

— Какая же ты упрямая, — Берг опустил ее на землю и тут же схватил, прижав к себе, когда у девушки закружилась голова, и она покачнулась.

— Я смогу, смогу, спасибо, — тем не менее поспешно проговорила Саша, опасаясь, что ее снова подхватят на руки.

Она сделала несколько шагов, припадая на больную ногу. Наверное, будет внушительный синяк, но она согласна хоть на сто таких синяков, лишь бы остаться нетронутой.

— Ты хромаешь, — заметил Берг. В его голосе слышался упрек.

— Это ничего, сейчас я выправлюсь, — Саша и не подумала остановиться.

— Что ж, хорошо, уже недалеко, — и Берг последовал за ней к виднеющемуся невдалеке джипу.

У самой машины он обогнал Сашу, раскрыл заднюю дверь, поджидая, пока девушка подойдет, и подал руку, помогая присесть на краешек сидения.

Он обернулся к лесу и заметил вторую пострадавшую, ощутимо опирающуюся на руку своего товарища.

— А вон и твоя подруга, — он кивнул в сторону Изы.

— Спасибо, большое спасибо тебе и твоим... друзьям.

— Спасать девушек из рук насильников —

наше хобби, — улыбнулся Берг, но его улыбка показалась Саше фальшивой. — Ты посидишь здесь? Я скоро подойду и отвезу вас домой.

— Мы сможем дойти сами... — тут же попыталась возразить Саша. Ну не могла она чувствовать себя спокойно в его обществе, как бы сдержан и воспитан он не был! Что-то заставляло ее отводить глаза и постоянно толкало на побег.

— Что? Хочешь снова попасть в какую-нибудь переделку? — усмехнулся мужчина.

Саша ничего не ответила. Она могла бы сказать, что в одну и ту же воронку снаряд не попадает дважды, но решила придержать это при себе, желая дождаться подругу и вместе с ней задать стрекача. Как бы добр ни был к ней этот таинственный спаситель несчастных, но лучше держаться от него подальше. Сдается ей, он будет поопаснее тех, от нападения кого их только что спасли таким чудесным образом.

— Я ненадолго, дождитесь меня, — бросил он и направился обратно в заросли. Пройдя мимо Изы, приветственно кивнул, а та уставилась на него в немом изумлении.

Саша подвинулась, впуская подругу в салон автомобиля, и молча посмотрела в спину удаляющемуся Бергу. Изин молчаливый спутник, не говоря ни слова, направился вслед за ним, как только девушка села в машину.

— Изка, ты как? — спросила Саша шепотом, за шею притянув подругу к себе. Та прильнула к ней с усталым вздохом. Она еще вздрагивала от недавних бурных рыданий и никак не могла прийти в себя.

— Чувствую, что только что родилась заново, — прошептала она охрипшим голосом. — Кстати, Саш, спасибо тебе, — и она подняла заплаканное лицо.

— Да мне-то за что?

— Ты пыталась мне помочь и пострадала за это, я все помню. Ты молодец. Я гораздо трусливее тебя...

— Да ладно, ерунда, забудь. Как оказалось, я ничего бы не смогла сделать.

— Все равно, спасибо, дорогая, — Иза прижалась к ее плечу, щекоча волосами подбородок, и Саша осторожно погладила ее по голове. Все еще не верилось ни в кошмар, который чуть не случился с ними, ни в счастливое избавление от него. События произошли настолько быстро, что и испуг, и радость казались какими-то неестественными.

«Черт, наши сумки остались на той поляне», — с досадой вдруг вспомнила Саша, но все же решила попытаться счастья с побегом.

— Ты как, можешь идти? — обратилась она к подруге.

— Зачем это?

— Мне кажется, нам пора уходить.

— С ума сошла? Ни за что, — брюнетка резко выпрямилась. — Я ног не чувствую, я ничего не чувствую. Сашка, ты что, надо мной чуть не надругались, я не могу сделать и шага, — губы брюнетки снова задрожали, и слезы побежали по щекам. Тушь давно размазалась и девушка представляла собой жалкое зрелище. — И потом, с меня трусы чуть не сваливаются, — с какой-то злостью проговорила она, — и колготки все в дырках.

— Но твоя машина у ворот парка, разве нет?

— И что?

— Мы могли бы добраться до нее незамеченными, — настаивала Саша. Внутри все кипело и клокотало — ей ужасно хотелось уйти, убежать, спрятаться, и она сама не понимала, чем вызвано такое желание. Сейчас ею двигал какой-то безотчетный не то страх, не то тревога, непонятные и необъяснимые, но они требовали от нее каких-то действий. Может, это и называется интуицией?

— Да еще и сумки надо вернуть, — вспомнила вдруг Иза, как только поняла, что ей требуется зеркальце.

— Так пошли за сумками, — Саша почувствовала, что готова сорваться с места, словно удобное кожаное сиденье жгло ее через джинсы.

Она могла бы незаметно прокрасться среди деревьев и стащить сумки прямо у мужчин из-под носа.

— С ума сошла, что ли? — возмутилась потрепанная брюнетка. — Я туда не сунусь.

— Чего ты боишься, глупенькая? Теперь-то нам нечего бояться.

— Я на трупы смотреть не хочу, — и Иза демонстративно сложила руки на груди, откинувшись на мягкую спинку кресла.

— Что? На какие еще трупы? О чем ты говоришь? — Саша замерла, не сводя с подруги глаз.

— А думаешь, чего они туда отправились? Гербарий собирать? Мстить за нас, — гордо заявила Иза. — Там сейчас казнь состоится. Неужели ты хочешь на нее попасть? Я, например, хочу сохранить свой рассудок, тем более что мне и так только что досталось.

И без того широко распахнутые глаза Саши стали еще шире.

— Откуда ты это знаешь? — хриплым голосом спросила она.

— Оттуда. Вот знаю, и все.

— Они тебе что-то казали?

— Какая же ты смешная! Я знаю такой тип мужчин, они никому ничего не спускают с рук, — гордо заявила Иза, в момент преобразившись, как

только завела речь о настоящих мужчинах из светского общества.

Мгновение Саша сидела неподвижно, пытаюсь поверить только что услышанному, но вдруг рванула, навалившись на Изу, желая пробраться к дверям.

— А ну пусти, — потребовала она, принявшись толкать подругу. — Пусти, говорю, дай мне выйти!

— Да отстань ты, куда тебя тянет? Сиди спокойно, — Иза упиралась как могла. — Захотелось острых ощущений, да?

Саша вдруг вспомнила, что есть другой выход, как раз с ее стороны. Она потянулась к ручке двери, раскрыла ее и выбралась наружу, запинаясь и едва не падая. Времени на то, чтобы привести себя в порядок, не было, и, обежав машину, она бросилась в лес. Туда, откуда совсем недавно выбралась, до конца не веря, что ей повезло избежать ужасной участи.

— Ты ненормальная? Куда ты? Сашка, вернись! — крикнула ей вслед Иза, но девушку было не остановить.

Она неслась, не разбирая дороги, забыв про боль в ноге, вообще ничего не чувствуя, и вдруг остановилась, как вкопанная. Убрав ветку орешника, мельтешащую перед глазами, она увидела поляну, на которой совсем недавно едва не

разыгралась трагедия.

Три молодых человека, решившие силой заполучить красивых девчонок, со связанными за спиной руками, стояли на коленях в ряд. На их перекошенные от ужаса лица невозможно было смотреть без содрогания. Джоник не мог вымолвить ни слова, но его глаза умоляли о пощаде, Лёха, с разбитой головой и залитым кровью лицом, тихо скулил, а Лёньчик как заведенный твердил, что они клянутся, клянутся, клянутся больше этого не делать, только пусть их отпустят, пожалуйста.

Их обступили четыре человека, двое из них достали оружие. Саша прижала ладонь к горлу, то ли боясь, что закричит, то ли, что наоборот, не сможет больше издать ни звука.

Мольбы и жалкие взгляды нисколько не трогали палачей, и Берг спокойно поднял руку с пистолетом, наведя его на Лёньчика.

— Посмотри на меня, — тихо приказал он, и молодой человек не посмел ослушаться. Дрожь сотрясала худое тело, но он поднял полные ужаса глаза. Его губы все еще шептали мольбу, но Берг спокойно снял оружие с предохранителя.

— Скажи «Пока», — произнес Берг, и в следующую секунду Саша закричала.

— Нееееет!

Ветер подхватил ее крик и разнес по окрестностям, вспугнув птиц. Они захлопали

крыльями, зашелестели взметаемой листвою, наполнили холодный воздух тревожным шумом.

Мужчина обернулся на голос, и девушка, увидев его сердитое лицо, невольно отступила на шаг. Все четверо глядели в ее сторону сквозь ветки орешника и молчали. Взгляд Берга жег Сашу странным огнем, не давая ей пошевелиться.

— Саша, иди в машину, — наконец, произнес спокойно Берг.

Девушка видела, что его глаза при этом метали молнии, но по какой-то не объяснимой для нее причине он сдерживался, не желая на нее ни кричать, ни угрожать ей. Это было странно, и Саша не могла это объяснить. Она ждала бурного всплеска эмоций, гневного окрика и даже, может быть, не удивилась бы, если уже через секунду оказалась рядом с этой троицей смертников в таком же положении, со связанными за спиной руками, но никак не того, что ее просто отправят восвояси, будто ничего особенного здесь и не происходит.

Они считают, что увидеть чью-то насильственную смерть — это нормально? Если это их реальность, то для Саши это может обернуться кровавым кошмаром, едва ли не самым сильным в ее жизни.

А ведь она теперь свидетель, пронеслось у нее в голове. Черт, ну и дурочка же она: это происходит из-за них с Изой, не убьет же он ее потому, что она

увидела, как ради нее он решил уничтожить этих троих.

Ради чего или кого на самом деле он это делает, Саше думать было некогда. Видя, что мужчина не собирается отступить от своего первоначального плана замочить этих подонков, она бросилась к нему через орешник, царапая лицо о хлесткие ветки. Страх страхом, и ужас не отпускал ни на секунду, но ноги сами вынесли ее на поляну.

— Пожалуйста, нет, не надо. Прошу тебя, остановись! — молила она, приближаясь.

Бедное сердце гнало кровь неравномерными толчками, и пульсация заставляла тело двигаться неестественно и нелепо. Подумать только — она одна в этом месте, в окружении практически незнакомых ей людей, у них в руках оружие, и сразу ясно, что они не раз пускали его в ход, и им ничто не помешает ее убрать, если на то будет их воля. А она лезет вперед, и как Моська, пытается лаять на слона. Ею управляла какая-то сила, и Берг смотрел на нее с изумлением.

— Пожалуйста, Берг, не делай этого, — Саша тут же прикусила губу — она назвала его по имени. Это же грубейшее нарушение конспирации! Блин, откуда только эта чушь вспомнилась? И да, кажется, она все только портит.

Вместо ожидаемого гнева, Саша поймала на

себе любопытный взгляд. Странные молчаливые друзья Берга с серьезными лицами ни разу не пошевелились за время этого короткой сцены, а у Саши вдруг мелькнула еще одна тревожная мысль — если кто-то умоляет Цезаря пощадить кого-то, тот не может этого сделать по той причине, что никто не смеет указывать Цезарю, что ему делать. Может, Сашина просьба как раз сейчас и подписала окончательный смертный приговор этим троим, кто не умеет ценить ни человеческую жизнь, ни достоинство?

— Пожалуйста... — бормотала Саша, не понимая ни его настроения, ни молчания. Было неловко, нелепо, глупо и страшно.

Берг прищурился и посмотрел на нее с легкой ироничной усмешкой. Казалось, его все это просто забавляло.

— Ты действительно готова их простить? — спросил он, словно говорил с душевнобольным человеком. Рукой с пистолетом он махнул в сторону дрожащей троицы.

Саша скосила взгляд на пленников. Противные, гадкие, страшные, мерзкие, сами они остались глухи к просьбам помиловать и отпустить, ни жалели для беззащитных девушек ни ударов, ни пощечин. Они бы не остановились и довели свое дело до конца, в этом не было никаких сомнений, но убивать их... Нет, Саша не сможет жить, зная,

что погибнут люди, да даже пусть нелюди. Нет, пусть живут, и пусть их судит бог и закон. Это слишком тяжкое бремя — судить людей и выносить им смертный приговор. У нее таких полномочий нет и сдается ей, что Берг самолично присвоил себе такое право.

— Не знаю, наверное, со временем — да, простила бы, — честно ответила она, кожей чувствуя взгляды всех троих. Сейчас они полагали, что их судьба зависит от этой девчонки. Глупые — ей-то известно, кто тут главный и кто здесь все решает.

— И ты будешь спокойно жить, зная, что они расхаживают по улицам города? — продолжал мужчина свой допрос.

Саша пожала плечами.

— Думаю, сегодняшней день изменит их мировоззрение, — проговорила она тихо, ожидая, что это фраза еще больше упрочит уверенность Берга в ее слабоумии.

— Ты в это веришь? Да они станут с удвоенной силой вас разыскивать, и когда поймают — будь уверена — не пощадят, и осечек больше не допустят. Они обязательно доведут начатое до конца и не успокоятся, пока не уничтожат вас, свидетельниц их позора и провала, — произнес Берг жестко, и Саша поежилась.

Она снова взглянула на притихших парней, в

их глазах плескался ужас. Они заговорили все разом, уверяя ее в том, что навсегда забудут об этом дне, но один из четверки пнул в лицо крайнего, Лёху, и тот захлебнулся кровью и закашлялся. Остальные испуганно замолчали. Саша же боялась пошевелиться, замерев на месте.

Зачем ей задают эти вопросы, если для себя они уже все давно решили? Они играют с ней? Или с этими парнями? Дарят им надежду, чтобы в следующий миг ее отобрать?

— Я думаю, они лучше согласятся провести остаток дней в мужском монастыре, чем бегать по городу разыскивая нас с опасностью случайно напороться на вас, — произнесла девушка. Она упрямая, упорная, может, немного туповата даже, но она сделает все, что в ее силах, чтобы не пролилась кровь.

Берг изучал ее лицо, в его непроницаемых глазах не отражалось сейчас никаких эмоций. Так посетитель кунсткамеры разглядывает забавного уродца, заспиртованного в большой банке, а может, любуется картинной Моны Лизы в Лувре. Не понятно, ничего не понятно. Загадочный, таинственный, чужой человек, он пугал Сашу до колик.

— Желание дамы для меня закон, — вдруг произнес Берг, убирая оружие. Второй несостоявшийся палач тут же убрал свое,

по-прежнему храня молчание. Высокий, красивый, суровый. Саша услышала вздох облегчения, вырвавшийся из груди всех трех пленников. — И тем не менее, я настаиваю на маленьком уроке, который необходимо преподать этим... джентльменам, — произнес Берг изменившимся тоном, и Саша вдруг догадалась, что на этот раз ей не будет позволено еще раз склонить его к перемене своего решения.

Кивнув, она послушно сделала шаг назад, готовая вернуться к машине.

— Там лежат наши сумки, — она взглядом указала на место, где валялись их с Изой вещи.

— Мы принесем их вам, — не сводя с нее глаз, произнес мужчина.

Саше ничего не оставалось, как развернуться и уйти, что она и сделала. Интересно, они правда не убьют этих придурков? Или может, Берг просто разыграл этот спектакль специально для нее? Она попыталась вспомнить, были ли на стволах глушители, но слишком перепугалась в тот момент, чтобы что-то заметить или запомнить. Впрочем, не стоит об этом человеке думать хуже, чем он есть на самом деле. Ха! Во-первых, о нем вообще не стоит думать, а во-вторых, он гораздо хуже, страшнее и опаснее, чем она может о нем подумать. Теперь Саша в этом не сомневалась.

Что ж, хорошо, если этих парней просто

изобьют, ведь именно это имел в виду таинственный и странный Берг, говоря об уроке? Это должно пойти им на пользу.

Иза оставалась на месте, лишь оперлась руками о спинку переднего сидения и положила на них голову. Она уже выбрала из волос сухие листья и травинки, и кое-как, наверняка пальцами, расчесала спутанные пряди. Дверь по-прежнему была открыта с ее стороны, и ветер слегка перебирал ее волосы, успокаивая и шепча на ушко что-то хорошее.

Осознает ли она, что Саша только что спасла человеческие жизни? И есть ли ей до этого дело?

— Они подонки, — ответила Иза сердито, не поднимая головы, хотя Саша не произнесла ни слова. — Они подонки и мразь, и только зря топчут землю.

— Ну, не нам это решать, кто зря, а кто не зря.

— Ты, наверное, гордишься собой, да? Спасла их, и тебя послушали.

В голосе подруги Саша уловила стальные нотки, будто та была очень недовольна этим поступком.

— Нужно уметь быть благодарным судьбе за все, что с нами происходит, — проговорила Саша тихо. Иза тут же вскинулась, ее глаза гневно сверкали. Лицо покрывали бордовые пятна ударов, под носом подсыхала кровавая корочка.

— Может быть, мне следует сказать ей «Спасибо» за попытку изнасилования? — прошипела она, словно обвиняла в этом Сашу.

— Нет, за то, что мы избежали этой участи.

Иза нервно передернула плечами и снова спрятала лицо в локтях.

— Альтруистка, — бросила она, словно обозвала девушку страшным ругательством, но Саша лишь усмехнулась.

— Из, Иза, пошли, а?

— А ты принесла наши сумки? — Иза снова повернулась к ней.

— Нет, они... не отдали.

— Почему? — брюнетка вдруг сузила глаза, на ее лице отразилось волнение, которое она не пыталась скрыть. Жадно всматриваясь в лицо подруги, она ждала ответа.

Саша пожала плечами. Именно это действие Берга ей очень не понравилось, будто, оставив себе их сумки, он взял девушек в заложницы. Это же контроль! Черт, там же из паспорта, адреса, ключи, телефоны! Да ладно, как будто таких, как Берг, интересуют такие, как она. Впрочем, Изка очень даже может заинтересовать. А вот у Саши, кажется, начинается паранойя.

— Сказал, они сами принесут, — буркнула она.

— Вот! Значит сиди и жди, — заявила Иза.

Она, почему-то, казалась довольна таким раскладом.

Глупенькая, чего она радуется? Надо бежать без оглядки и молиться, чтобы больше никогда не встретиться с этими людьми, а она сидит и улыбается, как ненормальная. Устало вздохнув, Саша прислонилась к машине рядом с раскрытой дверцей, сунула руки в карманы короткого пальто и опустив голову, замерла. Обе хранили молчание до возвращения мужчин.

Саша поймала себя на мысли, что старательно прислушивается, не раздастся ли какой-нибудь странный звук, похожий на отдаленный выстрел, а вернее, сразу три, может быть приглушенных хлопка, словно сломали ветку, но вдруг ее сердце словно упало в крутой кипяток — а что, если они прикончат их без оружия? Раз нельзя стрелять, их можно задушить.

Испуганно подняв голову, Саша обернулась к Изе.

— Иза, почему их нет так долго? Тебе не кажется это странным?

— Глупышка, прошло не больше пяти минут.

— И что они там делают?

— Хочешь снова пойти посмотреть?

— Нет, точно нет.

— Вот стой и жди.

Вздохнув, Саша вновь опустила голову, но

Иза издала какое-то радостное восклицание, так как из-за деревьев показалась таинственная четверка их спасителей, мужчин, от которых кровь в жилах Саши стыла также, как некоторое время назад от появления пьяных насильников. Боже, скорее бы от них избавиться и навсегда забыть эту историю, как страшный сон.

Совершенно точно — в парк она больше не сунется никогда, разверни Ян перед ней хоть золотую ковровую дорожку с серебряной вышивкой по краям. Этот здоровый образ оказался слишком опасен для жизни.

ГЛАВА 13

Воскресенье Саша решила безвылазно просидеть дома, в трикотажной пижаме, на диване, прижав колени к груди и обхватив их тонкими руками. На этот раз она предусмотрительно отключила мобильник, а также попросила Федора не подзывать ее к домашнему телефону, если вдруг найдутся желающие с ней поговорить. Мужчина лишь пожал плечами, но вскоре уже самозабвенно врал Изе, что Саша умотала куда-то еще с утра, не сказав, куда, ну да Иза же ее знает — из нее порой и слова не вытянешь. В общем, старался на пятерку с плюсом, как и всегда в таких случаях.

К середине дня девушка сама не выдержала

затворничества. В голову лезли тревожные мысли, было сильно не по себе, и чтобы на какое-то время если не убежать, то хотя бы отвлечься от этих переживаний, она решила прогуляться. Естественно, в черте города, вблизи домов и в самой гуще народа. Она рассчитывала остудить пыл, утихомирить сердце и замедлить пульс на морозном воздухе. Иза в таких случаях говорит: «Причесать мысли». Вот Саше и придется сейчас причесывать кое-какие мысли, потому что «переспать с ними», как опять же, учила ее мудрая подруга, ей не удалось. Мысли вообще мешали ей уснуть сегодня ночью.

Быстро одевшись, она выпорхнула из квартиры. По двору носились дети, кто-то самозабвенно выбивал ковры, наполняя пространство дворового колодца, сдавленное кольцом девятиэтажек, гулким многократным эхом, какие-то старушки делились проблемами и жалобами, местные псы гонялись друг за другом.

Мимоходом отметила, что не заметила машины Олега у подъезда — он вообще редко бывал дома в выходные, разве что возвращался под вечер и, как обычно, не один — и пошла дальше, куда глаза глядят.

Глаза же глядели куда-то внутрь себя, вспоминался вчерашний случай, и на душе было муторно и беспокойно. Сам факт того, что они с

Изой едва не стали жертвами изнасилования, заставлял Сашино сердце испуганно колотиться, но то, что случилось вслед за этим, вызывало глухие горестные стоны. Боже, ну она и влипла.

С кем же она связалась? Кто такой Берг? Сначала она думала, что это просто сибарит, богатый человек, который имеет все, что хочет, и получает это, потому что у него немерено денег. Пусть бы так все и было. Узнать, каким образом он достиг такого положения, ей вовсе не хотелось. Лучше бы она считала, что он спекулянт, или балуется на бирже, или просто вор, а может, что вероятней всего, удачливый и уважаемый бизнесмен или вообще банкир, но что он убийца...

Нет, это не может быть правдой: убийца — это кто-то страшный, ужасный и аморальный, вообще психопат, асоциальная личность, больной на голову урод. Разве про Берга такое скажешь? Нет, он образованный человек, с хорошо поставленной речью, безупречными манерами, он настолько преисполнен достоинства и важности, что язык не повернется назвать его дегенератом или безнравственным подонком.

Ну вот зачем, зачем она полезла на ту поляну? Сказала же ей мудрая Изка: «Сиди и не рыпайся!» нет же, сломя голову понеслась на амбразуру.

Саша поддела носком ботинка камешек, и тот покатился, подскакивая на неровностях, пока не

угодил в лужу.

Конечно, можно было на все закрыть глаза, но просиди она в машине, смогла бы она после этого спокойно жить? Хм, а кто сказал что там, в зарослях орешника, обязательно бы пролилась кровь? Это вообще придумала Иза, считающая, что за нее только так и следует мстить. Она же королева, и попытка надругаться над ней карается смертью по умолчанию. Саша всю жизнь прожила бы спокойно, уверенная, что парней просто хорошенько избили, да и оставили на холодной земле приходить в себя. Кто бы доказал ей, что там произошло преступление? Но что, если это не так?

Вот и нечего было так стремиться туда, меньше знаешь — крепче спишь, а она полночи крутилась в постели, не в силах заснуть. Надо же — он хотел убить! И самое главное — не убил! А все почему? Потому что Саша его об этом попросила? Нет, серьезно? И она в это верит?

Хотела бы она верить, что останься в машине — ничего бы страшного не произошло, но факт остается фактом — произошло бы, и еще как произошло: Саша едва успела к началу казни. А теперь в голове крутилась мысль, что обещание Берга изменить меру наказания — просто красивый обман глупой доверчивой девчонки с выпученными глазами. Ну мало ли, чтобы в полицию не пошла, да и сама успокоилась. Больно надо им было

связываться с ней.

Как богачи, купающиеся в деньгах, никогда не откажутся сэкономить и не погнушаются распродажами, так и убийцы, наверное, полагают, что количество убийств в день должно быть умеренным и разумным. Это не то, что одной шмоткой больше, другой меньше, это человеческие жизни, да и патроны денег стоят...

Саша подняла воротник пальто, в очередной раз тихо застонав. Сколько еще продлится эта мука? Разумные убийцы? Ну надо же — сказанула! Еще добавить: экономия должна быть экономной, и вперед, на парад, в первые ряды.

Она забрела в супермаркет и принялась бесцельно бродить по залу. Нет, ну все-таки, почему он послушал ее, почему позволил ей изменить ситуацию на глазах у друзей, у врагов, почему уступил ей? И уступил ли? По совести, она до сих пор сомневалась, что он сделал как и обещал — заменил казнь избиением.

Вернувшиеся к машине мужчины выглядели спокойными и невозмутимыми. Ничто не указывало на то, что на поляне произошло убийство. Саша бросила тревожный взгляд на их руки — ни крови, ни царапин, холеные ухоженные руки людей, не привычных к физическому труду.

«Ну да, у них, наверное, мозоли только на указательном пальце появляются», — Саша кисло

усмехнулась. Сейчас ее взгляд блуждал по полкам с молочной продукцией, и какая-то бабулька, перехватив его, принялась с подозрением изучать этикетку и надпись на коробке, отыскивая срок годности.

Нет, ну а что она собиралась увидеть на их руках? Еще бы понюхать их ладони — не пахнет ли порохом, но черт, чем они должны были пахнуть? Может, оружейной смазкой? Она ничего не понимает в этом. Но как же тогда они избili трех взрослых парней, если нет ни одного признака, что они побывали в драке? Ни костюмы не расстегнуты, ни галстуки не сбиты, ни прически не растрепались. И главное — руки. Видала она во дворе мальчишек, которые дрались — все в синяках, и костяшки на кулаках сбиты. Даже если они били связанных и обездвиженных людей — все равно должны были остаться следы. Разве только... если только они их не задушили.

Саша вспомнила, как Берг перехватил ее взгляд, полный тревоги и сомнений, и загадочно улыбнулся, словно прочитал все ее мысли. Ага, на лбу. Тогда он демонстративно достал из кармана брюк черные тонкие перчатки, приятно пахнущие свежей кожей, и небрежно бросил в бардачок.

Саша заметила это движение, но в ее понимании это едва ли могло являться доказательством. Самым верным сейчас было

броситься обратно на поляну и самолично убедиться в том, что Берг не обманул ее, или же обнаружить там три трупа. Но она не могла этого сделать под его пристальным взглядом. А он как будто только этого и ждал. Смотрел на нее с едва заметной усмешкой, давно все прочитав по ее лицу, и Саша сдалась, отвернулась.

Один из спутников Берга протянул девушкам сумки, и Иза улыбнулась ему шикарнейшей улыбкой, забыв, как нелепо она выглядит с испорченным макияжем.

— Мы, наверное, пойдем, — произнесла робко Саша, сделав вид, что не заметила возмущенного взгляда подружки. Та вовсе не собиралась отправляться в путь на своих двоих. — Мы все равно не поместимся в машине все вместе, — и густо покраснела, будто сказала непристойность или ужасную глупость.

Мужчины переглянулись и рассмеялись.

— Садитесь и ни о чем не думайте, — произнес один из них, достал сигарету и прикурил. — Мы прогуляемся пешком. Отличный денек, — и выразительно глянул на Сашу, внушая мысль, что ничего не произошло. Ничего страшного, ужасного и опасного. Вообще ничего не было.

Берг молчал и делал вид, что Сашины слова его не касаются, а она страстно мечтала исчезнуть.

Раствориться в зарослях, затеряться в дремучем непролазном лесу, испариться, улететь, ускакать, заползти в чью-нибудь нору, но она не могла оставить глупую Изку в их обществе одну. Вздохнув, Саша забралась в салон к подруге, словно в пыточную камеру. Потрепанная красotka уже вовсю шуровала в сумочке, как только увидела, на кого похожа.

Берг опять занял место пассажира, один из трех его спутников сел за руль и включил зажигание. Оставшиеся игриво помахали девушкам холеными ухоженными руками, на которых не было ни следа от той драки, которую Берг практически гарантировал Саше, и вскоре остались далеко позади, на пустынной дорожке, почти полностью замеченной опавшей пожухлой лиственной. Они выглядели расслабленно и немного насмешливо, как показалось Саше, и ее поразили тот факт, что ни один из них не смутился от того, что она заметила их с оружием в руках. Словно были уверены, что она никуда не пойдет и ничего не предпримет, что она не опасна для них. Почему? Потому что они быстро найдут способ заставить ее замолчать, или доверяют ее здравому смыслу? А как сохранить здравый смысл в подобных обстоятельствах?

Голос Берга заставил ее тогда вздрогнуть.

— Девушки, как себя чувствуете? — он

смотрел на Сашу, но ответила Иза.

— Спасибо, если бы не вы, даже страшно подумать, что могло произойти, — произнесла она взволнованным голосом и приложила руку к груди.

Берг не прочувствовал этот момент и не проникся к красавице сочувствием. Саша, искоса наблюдая за ним, видела, как чары Изы пропали даром. «Что бы произошло? Тр@хнули бы тебя, детка, вот и все дела», — читалось в его насмешливом взгляде, и Сашу передернуло от подобного цинизма. Но может, она только что все это придумала? Вот посмотри на него еще раз — полный сочувствия взгляд. Она просто не в себе, у нее шок и серьезная психологическая травма.

Иза ничего не заметила. Она продолжала щебетать, предлагая мужчине все что угодно, лишь бы отблагодарить своего спасителя и защитника за такой щедрый дар — свободу и право самой распоряжаться своей жизнью и телом. Последние слова она произнесла так чувственно, что обычно сдавался и рушился любой бастион, но Берг лишь вежливо улыбнулся.

— А ты как? — обратился он к Саше.

Иза ревниво перевела на нее взгляд, Саша же пожала плечами. Ей-то что, она уж и не знает, что лучше — оказаться жертвой похоти пьяного дегенерата, или свидетельницей убийства, хоть и отмененного. Опять же — отмененного ли на самом

деле?

— Как нога? Все еще болит? Может, отвезти тебя в больницу? — Берг словно дразнил Изу, безошибочно разгадав ее натуру: она из тех, кто не потерпит мужского внимания в адрес другой женщины в своем присутствии, а может, его действительно волновало самочувствие спасенной им девушки. И еще — Саше известен его маленький секрет. Блин, она знает его страшный секрет! И что это значит? Сможет ли она сегодня навсегда распрощаться с этим человеком, или теперь он будет преследовать ее бесконечно? А впрочем, зачем она ему, что ему с ней делать? О, небо, она ничего не понимает!

Саша снова лишь пожала плечами, и Берг оставил ее в покое. По его распоряжению джип помчался по направлению к Изиному дому в центр города, как она ни настаивала на том, что к Саше ближе, и лучше сначала доставить домой именно ее.

Изина тактика была понятной и очевидной, поползновения в адрес красивого мужчины видны невооруженным глазом, и Саша недовольно морщилась. Во-первых, он страшный человек, и Изка его не знает, а во-вторых, совершенно очевидно, что он не проявляет к ней никакого интереса, а Иза этого не понимает, или не хочет понимать. Что ж, это ее дело. Она никогда не

нуждалась ни в чьих советах, когда дело касалось понравившегося ей мужчины.

Когда же до Саши дошло, что совсем скоро Берг узнает, где она живет, у нее перехватило дыхание, и она беспокойно заерзала на месте. Она умрет, но выйдет из этой машины вместе с подругой. Вылезет через окно на крыше, прогрызет дыру, но не останется здесь ни секунды, как только Иза покинет салон!

Берг не стал ни на чем настаивать, лишь смерил Сашу внимательным взглядом, словно проверяя, говорит ли она правду, готовая остаться с подругой и оказать ей посильную психологическую и физическую помощь, и позволил им уйти.

Брюнетка изо всех сил виляла бедрами, пересекая двор, пока за ними не закрылась дверь подъезда, и тут же получила от Саши ощутимый шлепок сумкой по самой мягкой области.

— Ты что, с ума сошла? — подскочила она на месте от неожиданности. — У тебя сдвиг по фазе? И это ты мне решила оказать психологическую помощь? Да ты меня забьешь до смерти.

— Это не я, а он забьет тебя до... Короче, Изка, — Саша надвигалась на подругу, заставляя ее пятиться. Как раз раскрылись двери лифта, и они благополучно зашли в него таким тандемом. — Послушай меня внимательно. Это страшный человек, он опасен, и с ним шутки плохи. Не думай,

что твои прелести могут впечатлить его, и поэтому мой тебе приказ — держись от него подальше! — проговорила она, тыча ей пальцем прямо в нос.

Иза опешила. Такой она свою блондиночку-подружку не видела, пожалуй, никогда.

— А ты-то откуда это знаешь?

— Я... я как и ты, просто прочувствовала его. Это такая волчья натура — он опасен и все, я это знаю, — проговорила Саша, пряча глаза.

— Чего-то ты темнишь, дорогая, — Иза с подозрением взглянула на подругу. — Ты его знаешь, да?

— Я? Да откуда? — блондинка изобразила самые честные глаза и наполнила взгляд возмущением за несправедливое обвинение в воровстве плюшек. — Изка, он тебе не нужен, — почти уговаривала она подругу.

— Ты в этом уверена?

Саша при всем желании не смогла бы объяснить свои ощущения, а о том, что увидела на поляне, вообще не расскажет ни одной живой душе. Аргументов у нее не было, и она закрипела зубами, понимая, что Иза ей не верит. А что, он тип что надо, высший класс, если бы не одно «но», о котором Саша как раз и не может рассказать.

— Если с тобой что-то случится из-за него, это будет на твоей совести, — произнесла она

почти сердито.

— Ой, ну ладно, — пробормотала брюнетка. Усталость из-за пережитого лишила ее желания спорить. — Как скажешь, так и сделаем.

Саша ей не поверила, но решила закрыть эту тему.

Девушки по очереди приняли ванну и, довольные и обессиленные, развалились на широкой кровати в спальне. Саша устало прикрыла глаза, но навязчивая картина преследовала ее неотступно. Три испуганные до полусмерти подонка под дулами пистолетов, а вокруг красота: желтые листья устилают землю, прозрачное небо над головой гонит крахмально-белые облака, на ветках капошатся птицы, их щебет наполняет весь парк. «Скажи «пока», — услышала она голос ужасного человека, и все внутри оборвалось, в который раз за день.

— Привет! — веселый голос, раздавшийся над самым ухом, заставил Сашу подскочить на месте. Мрак в ее взгляде еще не рассеялся, обрывки впечатлений лежали тяжелой тенью на бледном лице, и Саша заметила растерянность и обескураженность в глазах своей подруги.

— Сашка, ну ты чего? Откуда столько ненависти-то, а? Ну я нечаянно напугала тебя, я же не виновата, что ты так глубоко ушла в себя, — оправдывалась Иза, стоя перед ней посреди

магазина.

Саша тряхнула головой, прогоняя тяжелые воспоминания, челка упала на глаза, и она снова махнула головой, сбрасывая волосы с лица.

— Из, прости, я действительно задумалась. А ты чего здесь делаешь?

— А я торт купила, к тебе собралась.

— Так меня же дома не было весь день, — пробормотала Саша.

— А я знала, что есть, — Иза подняла руку с коробкой, перевязанной красной многослойной веревкой и продемонстрировала свою покупку.

— Но вот же она я, здесь, а не дома, — твердила девушка.

— Продукты закончились, вот и выбралась на улицу. Ты же лежебока и вруша при том, а я прекрасно знаю, когда Федор рассказывает сказки, так что меня не проведешь.

Было понятно, что Иза неспроста приехала к ней в воскресный день. Ее интересует этот Берг, и она желает выведать о нем все, что может знать Саша. В то, что та с ним не знакома, Иза однозначно не поверила — не для того она прожила на этом свете двадцать шесть лет, чтобы вестись на неумелое вранье подружки.

Вздыхнув, Саша с самым обреченным видом взяла брюнетку под руку и повела на кассу.

Они старательно разрезали торт на две

неравные части, пообещав ближе к вечеру завезти кусочек Полинке — пусть побалуует себя вкусеньким. Федор к сладкому был равнодушен, поэтому оставшийся кус они поделили между собой и отдались наслаждению, наливая одну чашку чая за другой.

Обе много и долго говорили ни о чем, не смешно шутили и фальшиво смеялись, пока Иза с легкий горестным вздохом не отодвинула от себя блюдце с недоеденным куском.

— Я самый несчастный человек на свете, — произнесла она, кривя красивые губки.

— Это ты-то?

Иза скосила взгляд на подругу, убеждаясь, что ей ни на секунду не поверили.

— Ты разбила машину?

... и нисколько не сочувствовали.

— Или ограбили твою квартиру?

... а даже издевались. Ну да, велись обычно только мужики.

— Нет, хуже... Эй, постой, — Иза встрепенулась, — ты думаешь, для меня на первом месте стоят вещи и материальные блага?

Саша подняла глаза к потолку и лишь неопределенно пожала плечами, что было ее ответом. Положительным.

— А хочешь, я подарю тебе свою машину? — выдала вдруг Иза.

А это забавно. Саша приподняла одну бровь. Неожиданный поворот для очевидного, казалось бы, разговора. Брюнетка выжидающе прищурила глаза, но Саша лишь отрицательно покачала головой.

— Спасибо не надо. Я не умею водить.

— Научись! В нашем городе автошкола — как собак нерезанных.

— Это дорого, делать мне больше нечего. Да и муторно. Все эти знаки, правила.

— Брось, Саш, я оплачу. Seriously, мне не жалко, бери. Оформим дарственную, и моя девочка станет твоей, — Саша достала сигарету и прикурила. В этом доме никто не курил, но гостям это делать не возбранялось. — Ну так как?

Саша через стол наклонилась к лицу подруги.

— У тебя красивый маникюр, — произнесла она.

— Первый месяц заправка за мой счет, — не сдавалась брюнетка.

— Иза, чего ты хочешь?

Та и бровью не повела, выпустив облако сигаретного дыма — Саша внимательно наблюдала за ее мимикой.

— Только представь: вся такая привлекательная блондинка в красном Пежо...

— Что тебе нужно? — отказалась представлять девушка. — Просто скажи, чего ты за

это хочешь.

Слишком щедрый подарок для Изы, которая всегда знала цену деньгам. Интересно, за что она готова отказаться от своей обожаемой машины? Что такого есть у Саши, за что она готова заплатить столь высокую цену?

Иза лишь усмехнулась и нервно затаилась, с шумом выпуская дым.

— Ну так как, ты мне скажешь, чего хочешь?

— Значит, в мою бескорыстную дружбу ты не веришь, и ничего святого для тебя не существует, — Иза яростно стряхнула пепел с сигареты в предупредительно подставленную хозяйкой квартиры пепельницу, и умудрилась промахнуться.

— С первым твоим утверждением я, пожалуй, соглашусь, что касается второго — кое-что святое для меня есть.

— Да? И что же, интересно знать!

— Например, традиция печь пирог на твой день рождения — это святое. Потом, Полинку тоже, пожалуй, можно причислить к лику святых.

Иза даже не улыбнулась.

— А впрочем, зачем тебе машина, — проговорила она задумчиво. — Даже получи ты права, с твоей привычкой уходить в себя без предупреждения и моментально выпадать из реальности ты окажешься той самой обезьяной с

гранатой, которых так боятся автомобилисты-мужчины.

— Теперь ты хочешь меня обидеть, обзываешься, — Саша с трудом скрывала улыбку.

— Да нет, просто своим подарком я могла бы спровоцировать ДТП с твоим непосредственным участием, и стала бы его косвенной виновницей.

— Чего ты все-таки хочешь? У меня ничего нет... и никого, — немного подумав добавила Саша, заметив, как дрогнули ресницы подруги.

— Сейчас нет, но скоро будет, поверь мне, — Иза вдруг поднялась, приблизилась к ней и наклонилась к уху: — Я уверена, скоро будет.

— Да о чем ты говоришь? Ну хватит уже морочить мне голову, чесслово! Короче, Изка, — Саша решительно хлопнула ладонью по столу, — или говори мне все, или замолчи навсегда.

— Я про Берга, — произнесла брюнетка и выпрямилась.

Саша в изумлении обернулась.

— В чем дело, дорогая? О чем ты? — Саша выдавила нервный смешок, а внутри неприятно заныло. — Если в поле твоего зрения появляется мужчина, то сколько бы девушек не стояло рядом, совершенно очевидно, что ты сделаешь все, чтобы первой и единственной он заметил тебя, — произнесла тихо Саша.

— В данном случае таинственный Берг спас

нас обеих, защитив от реальной опасности, помог двоим, но кого заметил? — Иза сделала небольшую паузу и сама же ответила: — Тебя!

— Вовсе нет, ты ошибаешься, с чего ты взяла! — Иза даже догадаться не могла, насколько напугала Сашу этим утверждением.

— Глупенькая Саша, — улыбнулась брюнетка как-то насмешливо и грустно одновременно. — А я — умная и проницательная. Я все увидела и поняла. Нет никаких сомнений, что вчера этот конкретный мужчина заметил и выделил именно тебя.

— Нет, все-таки ты ошибаешься, — твердила Саша, как будто от ее отрицания могло что-то измениться и переломить ход истории.

— Да, но на руках он понес тебя, а не меня, — не удержалась Иза от упрека.

— Просто я намного стройнее тебя и меньше вешу, — улыбнулась Саша, заметив, что шутка подруге не понравилась. — Я была ближе к нему, вот и все.

Иза уже вернулась на свое место и теперь задумчиво вертела в руках чашку с остатками чая на самом дне.

— Налить еще? — предложила хозяйка, но та лишь отрицательно качнула головой.

— Он выбрал тебя, — проговорила она, словно билась над этой загадкой, не в силах понять логику подобного выбора.

— Э... ну... что я могу сказать... — Саша почесала нос, подергала себя за мочку уха, вздохнула, волной воздуха сбив челку, лезущую в глаза. — В этот раз ты просто ошиблась.

— Знаешь, хотела бы я так думать, но поверь мне, это совершенно точно, как ни неприятно мне это признавать, — отказалась от сладкого самообмана подруга.

— О, да, могу себе представить, чего тебе стоило это сказать — хмыкнула Саша, подавляя необъяснимую тревогу. Не может быть, Бергу нет до нее никакого дела, да он и не смотрел в ее сторону. Ведь не хочет он что-то получить в качестве компенсации за то, что уступил ей в лесу? Да ладно, будто у нее есть что-то, что ему нужно...

Иза вдруг подняла глаза и серьезно посмотрела на Сашу.

— Берг выбрал тебя, — еще раз произнесла она, словно такое насилие над собой доставляло ей странное извращенное удовольствие, — а я хочу этого мужчину.

— И? — Саша округлила глаза, впрочем, чему тут удивляться. Совершенно очевидно, что Иза к этому и вела. Она не может пройти мимо такого экземпляра, это очевидно. — Что же делать? Может, стоит не меня подкупать, а заплатить ворожее? Пусть состряпает какое-нибудь приворотное зелье.

— А не легче ли тебя убить? — заявил Иза с самым невинным видом.

— Этот *тот самый*, да? — догадалась Саша. — Мужчина всей твоей жизни?

Иза нервно покусывала губку.

— Он самый, — кивнула она, — думаю, да...

— Он твой! — торжественно провозгласила Саша, и Иза уставилась на нее с удивлением.

— Что?

— Он не в моем вкусе, клянусь тебе. Он сто лет мне нужен, в смысле, совсем не нужен, — начала Саша энергично уверять подругу. — Меня такие личности только пугают, я робею и заикаюсь в их присутствии, мне сразу хочется сбежать, так что быть в непосредственной близости от него мне просто противопоказано. Ну а если ты добровольно хочешь ходить по лезвию ножа и щекотать нервы, что ж, дело твое. Я тебя предупредила.

— Саш, это мой тип, мой темперамент, мой стиль, мой размер, понимаешь? — Иза даже руки приложила к груди от избытка чувств и выглядела взволнованной и естественной, потому что совсем забыла про игру на публику. — Знала бы ты, сколько я искала такого, сколько лет наступала на горло своей мечте, уступая жалким копиям и бледным теням, ничего не значащим для меня мужикам. Я устала так жить, мне нужен только он, настоящий, реальный, единственный, и я хочу его

получить, понимаешь?

Она подняла на Сашу свои темные глаза, и та только растерянно кивнула. Иза же смотрела на нее с подозрением.

— Ну что еще? Иза, я тебе не конкурентка, ты же видишь.

— А если он предпримет решительные действия по получению тебя? — проговорила Иза, сверля ее странным взглядом. Сашу от этих слов передернуло.

— Живой я ему не дам, а мертвой, ясно дело, буду не нужна, — произнесла та шутливо, но ей было не до смеха. В интерес Берга к ней верилось с трудом, но почему же тогда она постоянно испытывает страх, будто этот человек действительно может представлять для нее опасность?

— Такие мужчины привыкли добиваться того, чего им сильно хочется, — Иза словно моделировала ситуацию, представляя подруге возможность отбиться уже сейчас. Отрепетировать, так сказать, предстоящее сопротивление на учебном тренажере.

— Что ж, тогда его ждет большое разочарование, это точно, можешь мне поверить.

— Хорошо, Сашка, я тебе верю. Главное, чтобы поверил он, — Иза с серьезным видом тряхнула головой и тут же рассмеялась, но в ее

глазах читалось напряжение.

— Ну же, Изка, давай, расслабься и улыбнись по-настоящему, своей фирменной улыбкой на миллион баксов.

— Вот когда ты официально его отошьешь и он тебе поверит, тогда и улыбнись, — заявила подруга.

— Ну, для этого он должен сначала официально ко мне подкатить, — заметила Саша, — и вообще, мы делим шкуру неубитого медведя. И еще должна тебе заметить, что я в его намерениях сильно сомневаюсь. Я вообще не понимаю, как он может выбирать между мной и тобой!

Иза усмехнулась.

— Какая же ты... — проговорила она, — ты так мало знаешь о себе и, что совершенно точно, совершенно не подозреваешь о своей уникальности.

— Ну вот и славно, — Саша натянуто улыбнулась. Может, стоит рассказать ей про Графа, ну так, чтобы отвлечь внимание от Берга? Она поймет, что у Саши наклеывается интерес, и сменит тему, позволив Саше хотя бы вслух не говорить о Берге. Совершенно очевидно, что мыслей ее он не покинет еще долго. — Давай еще по чайку, и пора собираться в больницу. А я пока расскажу тебе о моем зарождающемся служебном романе.

— Хорошо, — Иза с готовностью протянула ей свою чашку. — И помни: Берг мой!
— И ты не забудь: он твой!

ГЛАВА 14

— Привет! — улыбнулся широко и открыто Ян, заходя в палату, предусмотрительно наклонив голову, чтобы не задеть дверной косяк. Чем ближе он подходил к Полине, тем более натянутой и растерянной становилась его улыбка. На него смотрела девушка, больше похожая на тень. Она сидела на кровати поверх одеяла, убрав руки в широкие карманы больничного халата.

Больше всего молодому человеку хотелось, чтобы у Полины все было хорошо и ее глаза сияли, а волосы блестели, как обычно. Сейчас же он видел перед собой изможденное существо с потухшим взглядом. Осунувшаяся и усталая, она казалась старше своих лет.

С серьезным видом Полина смотрела на него, храня напряженное молчание. Она понимала, какое впечатление производит на людей, но сейчас это ее не волновало. Казалось, груз неразрешимых проблем придавил ее к земле, мешая свободно дышать, и от этого у Яна тревожно сжималось сердце.

— Ты знаешь, я бы мог принести тебе букет

самых красивых роз, — проговорил он, стараясь ничем не выдать своего волнения. Не в силах оторвать взгляд от Полины, он заставлял себя улыбаться. Девушка нравилась ему даже такая. — Но что подумает твой муж... Может возникнуть неловкая ситуация.

Ян понимал, что идет не на свидание, а в больницу, где полно людей, которым плохо, которые страдают, но не ожидал, что ему будет так тяжело увидеть Полину в столь плачевном состоянии.

— И все же я не с пустыми руками, вот! — и молодой человек протянул пышный букет осенних листьев. Одно то, что он собрал их в таком большом количестве, желтые, красные, оранжевые, сейчас, когда опавшая листва превратилась в серую массу, уже казалось чудом.

Губы Полины раскрылись в приветливой улыбке, но глаза оставались холодными и казались неживыми. Быть может, она испытывает легкое смущение от того, что выглядит не совсем здоровой? Ну так он не жених ей, просто тренер, решивший навестить одну из своих подопечных.

Он позвонил накануне вечером и попросил разрешения навестить ее, чем сильно удивил, но она не подала виду. С самого начала Ян повел себя так, что Полина не сомневалась — группа, вверенная его крепким мужским рукам, имеет для

него большое значение, и он в ответе за каждую девушку, доверившую ему свое здоровье и страшную тайну несовершенства фигуры.

Тренер по фитнесу — тот же врач или священник, с ним можно говорить обо всем и не скрывать абсолютно ничего, поэтому Полина недолго сомневалась, позволить ли ему приехать. В конце концов, человек решил пожертвовать своим личным временем, чтобы справиться о ее самочувствии. Это заслуживает уважения и, разумеется, она понимает, что ему нет дела до ее синих губ и кругов под глазами.

Ян протянул ей набор для гербария «Прощальный осенний привет», и девушка потянулась за ним, вытащив руки из карманов. Она не сразу поняла, почему Ян замер на месте, не торопясь вручать ей листья, а подняв удивленный взгляд, смутилась и покраснела. Медленно выпрямилась и тут же отвернулась к стене. Смотреть на молодого человека было тяжело и немного стыдно, словно он мог догадаться о причине такого поступка и узнать ее постыдную тайну — муж долгое время смеялся над ней, обманывая и унижая. Руки нервно потянулись к косе, прятать их снова теперь не имело смысла, а перебирая пряди волос, она могла скрыть волнение.

Он все понял, сразу, как только увидел перебинтованные запястья. Понял, почему она

здесь и в чем причина ее недуга. Это не простуда, не вирус и даже не перелом, это... Сердце тоскливо жалось, и он ощутил необъяснимое чувство потери. Ну почему, почему такая хорошая девушка сделала это? В каком состоянии надо быть, чтобы в расцвете красоты и молодости пожелать уйти из этого мира, такого светлого, полного надежд и перспектив?

— Полина... я... прости... вот, возьми, — молодой человек быстро пришел в себя и снова протянул букет. Только улыбка стала напряженной, вымученной, а в глазах появилась едва уловимая тоскливая тень.

Поскольку Полина не двигалась, он сам положил букет на край тумбочки. Листья сразу же рассыпались по всей поверхности, часть слетела на пол, но никто не обратил на это внимания.

— Можно я присяду? — Ян ждал ее взгляда, но она по-прежнему не оборачивалась, и лишь кивнула.

Он придвинул стул и присел, неловко покашливая и теребя край халата, накинутого на плечи. Под стул он поставил пакет, который держал все это время в руке.

— Полина...

— Спасибо, что ты зашел, Ян, — вдруг встрепенулась девушка, — но, пожалуй, тебе лучше уйти.

Повернула голову, и ее ожег взгляд молодого человека, пристальный и жадный. Полина почувствовала жар, приливший к щекам, и сердце взволнованно затрепетало в груди. Что с ней такое творится? Что это? И почему он так смотрит на нее? На нее вообще давно никто так не смотрел, даже Сережка стал относиться ровнее и спокойнее, как к давно привычной вещи, прочитанной книге, изученной игре.

Ей было больно признаваться себе в том, что пора острой чувственности и беспечной романтики в ее браке уже миновала. Она успокаивала себя верой в то, что пришло время добротных надежных отношений, хотя что-то в глубине души мешало поверить в это полностью, и мелким червячком сомнения грызло изнутри настойчиво и непрестанно.

Полина искала причины в себе. Причины охлаждения и потери интереса. Не то, чтобы Сережка перестал ее любить, нет, он был с ней вежлив, добр, не обделял вниманием в постели, но... той страсти, того пыла и горения, что раньше, уже не было. Отсюда и попытка изменить в себе что-то. Похудеть, подправить внешность, сменить настроение. Может, это и помогло бы, если бы не те фотографии в конверте без обратного адреса.

В первый момент, достав и разложив их на кухонном столе, Полина ничего не поняла.

Мельком взглянув и, скорее угадав, чем рассмотрев содержание, она тут же поспешно собрала их и сунула обратно в конверт. Возможно, это чья-то грубая шутка. Наверное, подростки балуются, раскидывая по почтовым ящикам такое безобразие. Она уже была готова выкинуть мерзкие фотографии в мусорное ведро, но что-то вдруг кольнуло ее — чье-то лицо показалось смутно знакомым.

Полине понадобилась минута, чтобы набраться смелости и решиться взглянуть на это еще раз. Было противно и стыдно, будто подсматривает за чужой жизнью, но как оказалось, подсматривала она за своим мужем, а узнав его, поняла, что ее собственная жизнь вдруг неожиданно закончилась.

Тогда и оказалось, что менять в себе что-либо уже поздно, и бесполезно, и бессмысленно — все уже давно закончилось без шанса на изменение. Сережа не только больше не любил ее, он даже перестал ее уважать. Так может поступить только тот, у кого нет ни одной родной души, кого он боялся бы ранить своим поступком, и кому могло бы быть стыдно за него. Это было самым болезненным — осознать себя кем-то лишним и ненужным, ничего не значащим для того, кому посвятил себя без остатка.

Она долго сидела с этими фотографиями, крепко держа их в вспотевших ладонях. Она все

понимала, но поверить еще не могла. Осознание никак не приходило, хотя сомнений уже не было, и ложным надеждам на ошибку и чудовищное недоразумение места уже не осталось.

Вот оно, подтверждение ее никчемности: у нее в руках небольшие куски плотной глянцевой бумаги, погубившие все надежды на счастливое будущее. Сергею оказались не нужны ее усилия, жертвы, подарки, абсолютно ничего. Он вычеркнул ее из своей жизни и вел себя так, как если бы был разведенным или вдовцом. Он заживо похоронил свою супругу и предался разврату на стороне, совершенно не заботясь о чувствах той, которая делила с ним постель и жизнь.

Возможно, это было помутнением рассудка, минутной слабостью, но в тот момент Полина подумала, что если ее смерть для мужа уже осуществилось в каком-то астральном мире, она вполне может быть отображена и в этом, реальном. Тогда она пошла в ванную, достала лезвие и полоснула себя по руке. Вспыхнувшая боль не напугала — девушка была слишком опустошена, чтобы что-то почувствовать, боль сердца оказалась сильнее физической. Подумав, что процесс умирания может затянуться, непослушными пальцами взяла лезвие и полоснула по другой кисти. Так будет надежнее.

Что ж, Сергей обязан сказать ей «спасибо» за

то, что она избавит его от этой обузы — мертвой-живой жены, которая только мешается под ногами. Никто не сможет упрекнуть его в развороте, обвинить в обмане и предательстве, не назовет подлецом и лжецом — нет жены, а значит, нет предательства.

— Поль, Полина...

Она подняла глаза на Яна, тот внимательно наблюдал за ней. Казалось, он так много хотел ей сказать, но не решался. Он не находил в себе морального права говорить ей сейчас о своих чувствах — она была несвободна, страдала, ей было не до него. А его чувство казалось слишком значительным, чтобы вот так мимоходом открыться в чем-то человеку, который и не обратит внимания на твое признание, и, может быть, даже с досадой поморщится от того, что эти слова помешают, отвлекут, раздражат.

— Поль... — что-то надо сказать, просто важно, жизненно необходимо, но что? Как? О чем? Как в несколько слов уместить все, о чем думаешь, что сейчас испытываешь и чего боишься?

— Ян, тебе, наверное, пора, сейчас выходной, тебя наверняка ждут твои друзья, родные, — Полина вежливо улыбнулась. Было невыносимо неловко под его взглядом. Глупая голова, это наверное из-за лекарств ей кажется, что он смотрит на нее как-то странно, не так, как обычный человек.

Наивная дурочка: ее предал муж, она чуть не умерла, а сейчас сидит и думает, что нравится этому мальчику. На сколько она его старше? Ну вот опять, и о чем она только думает!

— Я пойду, да, тебе нужен покой, — проговорил Ян, тем не менее, не трогаясь с места. — Полина... А я вот тут тебе принес фруктов, — спохватился вдруг он, и полез под стул, под которым стоял пакет с гостинцами. — Я не знал, что ты любишь, и по телефону забыл спросить, не хотел заваливать тебя звонками, чтобы ты не подумала, что я ненормальный... нда, вот... — он смущенно потер кончик носа, — так что я купил тебе всего понемногу, — и он принялся выкладывать фрукты на тумбочку, прямо на желтые листья.

— Ой, куда ты столько, — засмеялась Полина, и ее смех, тихий и ласковый, прокатился по палате хрустальным звоном, легким и чистым. — Меня выпишут раньше, чем я успею съесть половину из всего этого.

Ян продолжал извлекать из пакета персики, бананы, апельсины, киви, виноград.

— Все мытое, — заверил он, — так что можешь сразу же есть и ничего не бояться. Поль, ты только живи, ладно? Просто не делай больше этого, — выпалил он, сам не ожидая, что решится на такое.

Тут же порывисто вскочил, чтобы как-то сгладить возникшую неловкость, но увидел, как глаза девушки мгновенно наполнились слезами. Она улыбнулась, но улыбка получилась неровной, уголки губ подрагивали, в глазах тоска, и слезы, наполнив их до краев, потекли по щекам прозрачными бриллиантами.

— Прости, прости, я... я ляпнул не подумав, — Ян стукнул себя по лбу, порывисто вздохнул, вся его согбенная фигура молила о прощении, и Полина вдруг протянула руку и коснулась его ладони.

— Спасибо, Ян, что вспомнил обо мне и навестил, и за угощение спасибо, — она глянула на заваленную тумбочку, — и за букет тоже, необыкновенный, красивый, спасибо тебе за него.

— Можно, я завтра опять зайду? — попросил молодой человек.

— Если хочешь, — Полина уже отпустила его и откинулась на подушку.

— Обязательно, между тренировками. Что тебе еще принести?

— О, пожалуй, завтра я заставлю тебя съесть часть из твоих же даров, — улыбнулась она. — Ничего не приноси, просто приди сам, мне будет приятно, — добавила тихо.

— До завтра, — Ян вдруг решительно приблизился к постели, наклонился и чмокнул ее в

лоб, неловко коснувшись плеча горячей рукой. И тут же выпрямился, мысленно ругая себя, на чем свет стоит.

— Опаньки! А мы, оказывается, не вовремя! — послышался звонкий девичий голос, и в дверях возникли подруги Полины. — Или наоборот, очень даже кстати, а?

Яркая брюнетка насмешливо скалила зубки, блондинка благоразумно помалкивала.

Обеих Ян знал, поэтому покраснел до корней волос, будто его застучали за каким-то ужасным делом. Приглядевшись, он отметил, что на лицах обеих девушек как-то через чур много косметики. Они же решили скрыть вчерашнее происшествие от подруги, чтобы не волновать зря, и старательно замаскировали следы синяков и ссадин во избежание лишних подозрений.

Ян метнул быстрый взгляд на Полину, но та выглядела спокойной, приняв его поцелуй за дружеское участие. Что ж, пусть так и будет. Хотя бы так, дружеское участие.

— Ян, привет! — улыбнулась Саша, первой проходя в палату. Она поставила пакет со своими подарками на пол и наклонилась к Полине. — Солнышко, ну здравствуй, — она поцеловала ее в щеку. — Ты уже выглядишь гораздо лучше, — мурлыкнула она. — Встречи с друзьями идут тебе на пользу, — и она скосила веселый взгляд на Яна.

Тот кивая всем, пытился к выходу.

— До завтра, Поль, — выдавил он у самых дверей, и пулей выбежал в коридор.

Иза зааплодировала.

— Поздравляю, Поля, ты времени даром не теряешь! Мой тебе респект, подружка! — и она подняла вверх большие пальцы.

— Да мы едва знакомы, — попыталась реабилитироваться Полина, нервно вцепившись в свою косу и яростно ее переплетая.

— Ничего, познакомим ближе! — заверила Иза, осматривая палату хозяйским глазом.

— Да я его старше лет на шесть!

— Усыновим, — Изу было ничем не смутить. — Саш, ты давай, тортик доставай, сейчас чайку сообразим на троих.

— Так у меня чайника нет, — хихикнула Полина. В обществе подруг ей было спокойно, все страхи и душевная боль отступили на второй план, стали какими-то незначительными, как бывало всегда, когда девчонки собирались вместе.

— А мы с собой притащили, — Саша извлекала из пакета пузатый металлический электрочайник, торжественно продемонстрировав его уважаемой публике. Уважаемая публика была в восторге.

— У нас и тортик есть, — похвасталась Иза.

— Правда, эта девушка уже спорола его

большую часть, — выдала секрет Саша, прежде чем Иза вытолкнула ее в коридор, отправив за водой.

— Спорола, и еще спорю, — заявила она, возвращаясь и отряхивая руки. — Было бы что, да, Поль? — и весело ей подмигнула.

— Позавидуешь тебе — лопаешь сладости только так, а все такая же стройняшка, — произнесла Поля.

— Ну так, голубая кровь, хорошая родословная, чистые гены и дополнительные хромосомы, — Иза на мгновение задумалась. — С хромосомами, пожалуй, перебор вышел.

Саша быстро вернулась, поставила чайник и принялась извлекать из пакета свои дары.

— Я вижу, тебя уже порадовали сегодня гостинцами из магазина, — заметила она.

— Ой, девчонки, угощайтесь, — тут же спохватилась Полина. — Ян все помыл, так что ешьте, не стесняйтесь.

— «Ян все помыл», — передразнила брюнетка. — «И меня поцеловал».

— Да ну тебя, даже оправдываться не стану, все равно ведь слушать не будешь, — отмахнулась Полина, отчего-то вдруг зардевшись.

— Правильно, а чего оправдываться-то. Любви ведь все возрасты покорны, — красotka выбрала самое крупное красное яблоко и хрустко его надкусила. — Даже если тебе всего-то двадцать

лет — и то любви покорен. Вон, какой покорный из палаты выскочил.

— Прямо-таки покоренный, я бы сказала, — вставила Саша, убирая коробку сока, печенье и конфеты в тумбочку. — Поль, кефир на ночь выпьешь. Тут йогурты, до утра достоят спокойно. А тут бутерброды — с утра с чайком навернешь, мы чайник тебе оставим.

— Девчонки, ну вы чего, — Поля с умилением смотрела на подруг. — Да я здесь всего на пару дней, а вы натащили, навезли.

— Ешь, пей и поправляйся, поняла? — строго произнесла Иза. — Правда, Поль, мы же скучаем. Ты не можешь отнять себя у нас — ты сделаешь нам больно.

Полина как-то жалко улыбнулась и тут же отвернулась к стене, чтобы скрыть слезы. Саша присела на кровать и обняла ее за плечи.

— Изка конечно глупая у нас, но сейчас все верно сказала, — прошептала она на ухо подруге, попутно получив от брюнетки легкую оплеуху. — И не давай ей торта, — вставила поспешно и отскочила в сторону, спасаясь от щипка.

— Саша, какая же ты жадная, — корила ее Иза. — Ты пожалела для меня кусочек торта. А Полина, я знаю, не пожалеет. Она добрая и щедрая.

— Ты специально пользуешься ее добротой и манипулируешь.

— А ему и дела нет до этого, — проговорила вдруг Полина чуть слышно, но обе девушки прекрасно ее услышали и поняли.

Они тревожно переглянулись.

— А у Сашки, между прочим, роман, — заявила Иза громко, и Саша тут же стала знаками показывать ей, какая же та дурочка — говорить о чувствах и отношениях при человеке, который едва не лишил себя жизни, поняв, что в его жизни самые важные отношения уже закончились. Но вопреки опасениям блондинки, Полина вдруг обернулась, в глазах ее читался живой интерес.

— Ну-ка, ну-ка, поподробнее, — попросила она, удобней усаживаясь на кровати.

— Я завтра забегу к ней на работу, — вещала Иза, — и воочию постараюсь убедиться, насколько хорош ее Граф.

— Бесплезно, — остудила ее пыл Саша. — Граф на неделю уезжает в Столицу, прямо сегодня вечером, на выставку. Так что, недельку придется потерпеть и все это время верить мне на слово.

— Хорош? — весело и с любопытством спросила Полина.

Саша выдержала паузу, сидя с загадочным видом, и расплылась в улыбке.

— Хорош, девчонки, хорош!

Все трое весело рассмеялись.

ГЛАВА 15

Рабочая неделя выдалась жаркая. Отсутствие босса никак не сказалось на ритме работы офиса, в частности экономического отдела, и напряжение с его отъездом в Столицу ничуть не ослабело. Марина никому не делала поблажек, в особенности же доставалось Саше. Объем работы увеличился, контроль усилился, и хотя у девушки не было причин обвинить свою начальницу в предвзятости, мысль, что Марина уязвлена и потому с особой изощренностью пытается ее задеть, точила ее непрерывно.

Бездействие Графа затянулось, и Саша уже ругала себя за излишнюю болтливость. Недавний разговор с Мариной «по душам» теперь казался детской бравадой, смешной, нелепой, и... безосновательной. А что, если она все придумала, всю романтику и якобы интерес Графа к ней? Что, если на самом деле ничего не было?

Саша задумчиво уставилась в окно. Но ведь тогда придется признать, что письма и цветы были не от него, а это... страшно. Она уже привыкла к покою, вызванному стойким интересом Роберта к ее скромной персоне, ей нравилось его ненавязчивое внимание, такт и сдержанность. Красивое начало, интересно, каким будет продолжение.

Но вот продолжения пока так и не последовало. Все, что Саша нарисовала в своей голове — не более чем картинка, придуманная ею самой. Ну подумаешь, ловила на себе взгляды начальника — да кто их не ловит? Да, ей нравилось внимание, но это уже ее проблемы, не его, это она дала ход своим мыслям и фантазиям. Вот и стала искать подтекст там, где его быть не могло. Поиск тайных знаков, блин.

Ну пригласил он ее разик в ресторан. Сам же и заявил перед этим, что Саша выглядит слишком худой. Может, просто решил ее откормить. Девушка хмыкнула, невольно обратив на себя внимание Марины. Как же, откормить. Съесть он ее что ли решил? Так она ждет-ждет этого, а он что-то не торопится...

— Саша, где мои цифры? — прогремело у нее над ухом, и девушка невольно вздрогнула.

Блин, опять задумалась. Рука поспешно потянулась к компьютерной мышке, но Марина вдруг накрыла ее своей крепкой не по-женски ладонью и уставилась в монитор компьютера.

Внизу мигало оповещение о почтовом сообщении.

— Оу, у тебя тут романтика, а я со своими цифрами привязалась, — произнесла Марина наигранно веселым тоном, что абсолютно не убедило Сашу в ее доброжелательности, она четко

уловила сарказм. И зависть. Эх, Мариночка, было бы чему завидовать, Саша бы сама это сделала.

— В лесу напугалась, теперь повсюду мерещатся волки? — пробормотала Саша тихонько себе под нос, но начальница ее услышала.

Она наклонилась к Саше, накрыв ее ароматным облаком изысканных духов. Марина, как всегда, благоухала бесподобно и выглядела отлично. Стильная, дорогая, ухоженная. «Такая могла бы привлечь внимание Олега», — пронеслось вдруг в голове у Саши, и вот теперь-то что-то неприятное и острое по-настоящему кольнуло ее изнутри. Ревность, что ли? Ну уж нет, фигурки вам!

— В наличии волков меня убедила исключительно ты, дорогая, — проговорила Марина тихо, чтобы никто не смог их услышать.

Саша искоса взглянула на нее: начальница загадочно улыбнулась, но было невозможно прочесть ее мысли — глаза казались непроницаемыми.

— Это ты, дорогая, уверила меня, что между вами что-то есть, — произнесла женщина.

Она не назвала имени, но обе прекрасно понимали, о ком шла речь. Саша покраснела. Надо же, она только что думала об этом же.

— Ну... думаю... я погорячилась, — призналась она, прикусив губу.

Ей уже надоели эти игры. Совершенно очевидно, что против Марины ей не выстоять без поддержки Графа. А эта самая поддержка — что-то мифическое, невидимое и, пожалуй, не существующее в этой реальности. Розовые фантазии не в счет.

Марина выпрямилась, не отводя от Саши взгляда.

— Ты хочешь сказать... — начала она и остановилась.

Девушка тяжело вздохнула и смело посмотрела ей в глаза.

— Я хочу сказать что, кажется, я полная кретинка.

Может быть, она подсознательно верила, что повинную голову меч не сечет, может, искренне хотела покаяться за свою глупую выходку, может... просто не поняла, что сделала, но Марина оценила ее искренность.

А ведь только вчера девчонкам растрепала про свой «служебный роман». Вот болтливая ворона! Ну позор перед своими-то она, допустим, переживет. Скажет, что Граф к ней охладел, да и дело с концом. Изка наградит его парой звонких эпитетов, характеризующих такую породу мужчин, которым не место в рядах достойных представителей сильной половины человечества, Полинка с сочувствием погладит по руке,

подыскивая слова поддержки, и все закончится веселым чаепитием.

А вот перед Мариной по-настоящему стыдно. Саша причинила ей настоящую боль не так давно, когда выдвигалась перед ней, размахивая клочком подаренного внимания босса, как флагом.

— Не хочешь проверить почту? — произнесла вдруг Марина. Кажется, она успела оценить поступок своей подчиненной и по воле случая соперницы. Впрочем, в их ли случае говорить о настоящем соперничестве, когда шанса, похоже, не было ни у одной из них. Боже, чем они только занимаются сейчас? Делят шкуру неубитого медведя. Обхохочешься.

Саша щелкнула на значок, и на экране развернулось послание. От Графа.

«Привет! В пятницу завертелся совсем с этой подготовкой к выставке и даже не успел с тобой переговорить. Вот и это письмо удалось написать только через три дня — времени свободного нет совершенно. Как только вернусь — отправимся в ресторан, как и договаривались. Я держу свое слово, и с меня самый изысканный обед. До встречи! Роберт».

Обе быстрыми взглядами пробежали по строчкам. Пока Марина медленно выпрямлялась, Саша холодела, не смея пошевелиться. Она ничего не понимала. Роберт не должен был ей этого

написать. У них не такие отношения, чтобы он посылал ей подобные сообщения. Это какое-то недоразумение, это... ошибка.

— А ты страшный человек, Александра Куница, — проговорила Марина, и от звука ее голоса, тихого и бесцветного, Саше захотелось сжаться в комок и закатиться под стол.

Ну причем тут она? Кажется, это называется комедия положений — она опять оказалась в дурацкой ситуации. Саша то отстает, то опережает события, делает глупые выводы и слишком поспешно их озвучивает.

— Как я могла тебе поверить! Ведь были другие письма, и цветы, и послания, — Марина вдруг осеклась, замолчала и молча направилась к своему столу.

Саша тяжело дышала, ей было не по себе. Она чувствовала вину перед Мариной, но вот за что? Это же Роберт подставил ее сейчас. Да их обоих. Что ему вообще надо? Какой ресторан? Прошло столько времени, что оба давно должны были забыть про него.

Саша глянула на начальницу, но та с прямой спиной сидела за столом и внимательно листала бумаги. Э... кажется, только что отношения между ними испортились окончательно.

Ладно, пусть, это можно пережить. Неприятно, обидно, глупо, но... главное, чтобы это

был Граф, а не кто-то другой.

Но уже вечером Саша сильно в этом усомнилась.

* * *

Небольшой камин, холодный сейчас, чернел квадратным провалом топки, закрытой стеклянной дверцей, в дальнем углу большой комнаты, сверля пустым глазом одинокое кресло перед собой. Размещенная над ним коллекция холодного оружия отражала на своей блестящей стали блики света от ламп, расположенных по периметру комнаты, выдержанной в строгих темных тонах.

За большим столом из темного дерева сидел человек. Он склонился над белым листом бумаги и что-то писал красивым ровным почерком. Забытый компьютерный монитор мерцал бледным квадратом, отражаясь в блестящей поверхности столешницы.

Огромные книжные шкафы, уходящие под самый потолок, темными корешками многотомников взирали на своего хозяина, храня торжественную тишину.

Черный кожаный диван у окна манил присесть с томиком Шиллера, но мужчина был занят.

Сейчас он сам был Шиллером, Гете и

Шекспиром. Он творил свою собственную поэму.

«Я так долго жду встречи с тобой, что мое сердце тоскует. Я никогда не думал, что буду так тосковать по женщине. Я привык всегда получать то, что хочу, и только тебя я жду. Жду и не тороплю. Но я уже близко. Настолько, что ты можешь услышать мое дыхание. Кто-то назовет это игрой в «кошки-мышки», но я даю тебе свободу самой прийти ко мне. И я знаю, ты придешь».

Перед ним лежал маленький бордовый конверт. Такие можно найти в верхнем ящике его необъятного стола. Сейчас он допишет свое послание, подпишет конверт, и можно будет отправить Веню по знакомому адресу.

«Приближается зима, а мне кажется, что все вокруг напоено теплым дыханием весны. Видишь, что ты можешь творить? В тебе заключена большая сила преображать мир вокруг. Разве мог я пройти мимо этого чуда? Ты нужна мне. Даже не спрашивай, почему. Так должно быть, я в этом не сомневаюсь, а ты можешь мне верить».

В дверь тихо постучали.

— Вениамин, заходи, — хозяин безошибочно угадал посетителя.

Невысокий рыхлый молодой человек вошел в помещение. Его некрасивое лицо с мешками под глазами, носом картошкой и большим лягушачьим ртом расплылось в довольной улыбке. Как всегда,

он испытывал благоговение и перед этим человеком, и перед обстановкой, которую тот создал в своем доме. Все здесь наполнено достоинством, значимостью и силой этой незаурядной личности.

Покосившись на мужчину, продолжавшего писать, он мелкими шажками приблизился к книжным полкам и принялся читать названия книг, как делал множество раз, пока дожидался поручения своего благодетеля.

Он знал одно — когда хозяин занят, ему нельзя мешать, и если он будет вести себя хорошо, хозяин будет им доволен.

— Веня, ты не голоден? — подал голос мужчина, не поднимая головы.

Вениамин вздрогнул от неожиданности и обернулся. Он отрицательно покачал головой, довольно улыбаясь.

— Снова качаешь головой. А ответить ты можешь? Или мне все время надо угадывать? — не зло проворчал мужчина, демонстрируя чудеса телепатии. Как он угадывал все ответы Вени, для молодого человека всегда оставалось загадкой. Просто хозяин очень умный, мудрый и хороший.

Мужчина отложил исписанный лист бумаги и подвинул к себе новый. Сложил его пополам и разрезал золотым ножом. Подумав несколько мгновений, он написал одну только фразу, вложил

записку в конверт и подписал: «Тебе».

Свое же письмо убрал в верхний ящик стола, где таких хранилось уже немало. Просто еще не пришло время обнародовать их. Он умел ждать, хоть это и причиняло неудобства.

Необъяснимая грусть могла накатить на него одиноким тихим вечером. Хуже было, когда это происходило в какой-нибудь шумной компании. Он замолкал на полуслове и отходил к окну. Глаза устремлялись вдаль, в ему одному видимую точку, и на пересечении реальности и фантазии появлялась она, девушка с грустной улыбкой, с волосами, белыми как снег, и загадочными глазами, в которых плескалось море невысказанных мыслей.

— Вениамин, отнеси это письмо. Адрес помнишь? — мужчина протягивал молодому человеку бордовый конверт.

— Конечно помню, у меня хорошая память, — рука потянулась за письмом, но мужчина вдруг отвел свою руку. Веня вопросительно на него посмотрел.

— Ты помнишь, что опустить конверт ты можешь, только если поблизости никого нет, ни одной живой души, ведь так?

— Конечно помню, я все помню, — закивал Вениамин.

— Молодец, я и не сомневался, — мужчина улыбнулся ему одобрительно, чем вызвал

радостное волнение на лице солнечного человека.

— Я отнесу, можешь не сомневаться. А потом мы сыграем партию в шахматы? — Веня уже продвигался к двери, не сводя глаз со своего хозяина.

— Конечно, я буду ждать тебя. Я позвоню водителю, пока ты спускаешься, — и мужчина достал мобильник из кармана костюма.

* * *

Трудно сказать, что ее вымотало больше — испорченные отношения с начальницей и, как следствие, начало холодной войны, или объем работы, который она перелопачивала уже третий день, не зная ни покоя, ни отдыха.

В подъезд она вошла нетвердой походкой человека, уставшего жить на этом свете и жаждущего только одного — забвения.

Забыть про все, кроме ванны с горячей водой и шапкой пены, и зеленого чая с ароматом клубники.

Саша задержалась рядом с почтовыми ящиками, взгляд привычно скользнул по дверце с круглыми отверстиями. По идее, Граф создал какую-то систему, когда писал ей раз в месяц, и только в последнее время что-то изменилось, и она получила и букет, и послание. Чего же она ждет?

Еще одного письма? Зачем? Похоже, сегодня Роберт показал, что готов перейти к конкретным действиям. Compliments он ее уже закидал, романтическую подоплеку для встречи создал, морально ее подготовил, теперь дело за... собственно, за самим делом.

Тем более, его нет в городе и он вполне успешно поддерживает с ней связь через электронную почту.

Тем не менее, конверт был. Он дожидался своего звездного часа на дне старенького ящика, в предвкушении прикосновения теплых трепетных пальцев.

Сашу же это напугало. Медленно и осторожно она приближалась к тому, чего быть не должно. Это письмо не должны были отправить. Роберт ясно написал, что замотался, закрутился, и даже забыл попрощаться. Когда же ему было найти время написать очередное романтическое послание?

Через мгновение Саша уже вжималась в стену, испуганно озираясь по сторонам. Здесь кто-то есть, или в подъезде она одна? Может, кто-то притаился за углом, или поджидает на лестнице?

Было страшно даже пошевелиться, тем более отлепиться от грязной стены. Вон лифт, до него шагов пять, но Саша чувствовала, что не в силах их пройти.

Дрожащей рукой полезла в карман пальто, ни

на миг не опуская взгляда. Словно от того, будет ли она внимательна, может зависеть ее жизнь. Важно не пропустить тот момент, когда некто появится перед ней, опасный и ужасный.

Лишь на миг скосила глаза, чтобы набрать знакомый номер.

— Федя? Федя, ты дома? А можешь спуститься на первый этаж? Забери меня, а? Я тут, у лифта. Пожалуйста, быстрее. Хорошо, спасибо.

Слезы заблестели в глазах. Господи, снова возвращается паранойя. О, только не это.

«До скорой встречи, дорогая!» Это угроза?

ГЛАВА 16

Два последующих вечера Федор встречал Сашу после работы. Она звонила, как только заходила во двор, и мужчина, без лишних слов, выходил на улицу, ожидая ее приближения. Он не задавал никаких вопросов, потому что знал — если Саша молчит и ничего не объясняет, значит, ничего и не скажет, не стоит ее тревожить своим навязчивым вниманием.

Возможно, это от того, что Федор не имел своих детей, отцовские инстинкты в нем дремали, и всеобъемлющий страх за здоровье и покой своих отпрысков не мучил его, равно как и беспокойство за их безопасность и душевное спокойствие. В

любом случае Саша уже взрослая девушка и знает, чего хочет. Ну, или, по крайней мере, догадывается. Федор никогда не сомневался в ее интеллекте и не отказывал в здравом смысле. Ей хватило ума в бурные годы взросления не наделать ошибок, и теперь она жила спокойной ровной жизнью, избегая каких-либо потрясений и чураясь сомнительных приключений.

Хотя, несомненно, сожитель ее матери приложил руку к тому, что сейчас девушка вела довольно замкнутый образ жизни. Унижая и пугая, он надолго лишил ее уверенности в себе. Но, так или иначе, Саша была порядочной скромной девушкой, с головой на плечах — а этого достаточно, чтобы не делать глупостей.

Федор давно научился не задавать лишних вопросов своей племяннице, также ценя это качество и в ней. Только один раз, несколько лет назад, Саша спросила, есть ли у него любимая девушка. С легкой насмешливой улыбкой Федор заверил ее, что такую еще не встретил и вообще думает, что она проживает в другой стране. «В какой?». «Если бы я знал, — ответил Федор, сделав задумчивое лицо, — если бы я только знал...» Нужного результата он тогда добился — Саша больше никогда не возвращалась к этой теме, предпочитая не затрагивать больной, по ее мнению, для родственника вопрос.

В благодарность за тактичное молчание Федор также старался не лезть в ее личную жизнь, и часто оказывался не в курсе событий, которые с ней происходили, и даже не знал о подлости Павла. Саша сказала лишь, что сильно разочаровалась в нем и больше не желает вспоминать об этом человеке. На том и порешили, а свои догадки родственник оставил при себе.

Саша с улыбкой приближалась к Федору. Скрестив руки на груди, он стоял на крыльце, прислонившись к колонне, поддерживающей подъездный козырек. Две молодые собачницы из соседнего двора, прогуливаясь неподалеку, осмотрели молодого мужчину с ног до головы, найдя его приятным и симпатичным. Федор же делал вид, что не заметил их пристального внимания.

— Привет, племяшка, — Федор чмокнул подставленную щеку, одновременно забирая из рук девушки пакет с продуктами.

Краем глаза Саша заметила, как обойденные мужским вниманием женщины неприязненно на нее покосились, дергая за поводки своих маленьких собачек. Что ж, если Федор неприступен, как скала, им не на кого обижаться, она-то тут точно ни при чем.

— Ну что, идем? Или хочешь еще немного подышать свежим воздухом? — родственник

иронизировал, и его удивила бледность, мгновенно разлившаяся по лицу девушки.

Определенно, с ней что-то случилось, если она боится войти в подъезд одна, да и на улице оставаться не желает. Тем не менее, Саша бодро улыбнулась, заявив, что сыта по горло и свежим воздухом, и вообще. В это «вообще» много чего могло вместиться, как подумалось Федору, но Саша не собиралась конкретизировать и, тем более, все это перечислять, а он, как обычно, не стал уточнять.

Девушке же было не по себе от мысли, что во дворе она открыта, как на ладони, и кто-то, быть может, наблюдает за ней прямо сейчас. Возможно, у нее действительно начали развиваться параноидальные наклонности, но любой бы согласился, что для их появления у девушки были и причины, и основания.

И вот снова в ее истерзанное необъяснимыми страхами сердце закралось подозрение, что Паша, даже если и не причастен к этим странным письмам, то хотя бы может что-то о них знать. Если их автор не Граф, то кто? Бордовые конверты стали приходиться как раз в то время, когда Саша рассталась со своим возлюбленным. Может быть, все же он что-то поймет во всей этой ситуации?

Впервые за долгое время девушку посетила мысль, что было бы неплохо еще раз с ним встретиться и спокойно обо всем поговорить. Пусть

даже это глупая затея, пусть он совершенно не причем — она должна выяснить хотя бы это, чтобы окончательно исключить Пашу из списка «подозреваемых». Хотя, в принципе, этот список его кандидатурой и ограничивался — больше на примете у девушки никого не было.

Подумать только — у Саши нет ни одного мужчины, которого она могла бы подозревать. У нее вообще никого нет...

С Пашкой она рассталась плохо. Болезненно, со слезами, со снотворным на ночь, чтобы ни о чем не думать и поскорее обо всем забыть. Это для любой было бы шоком — узнать, что ее практически продали. Да нет, вообще подарили. Да просто отдали. Продули в карты, как портовую... Стоп, главное, не заводитьсь.

И именно тогда Саше стали приходиться эти сообщения. Странные, надо сказать, сообщения. Вроде романтические, но, от чего-то, ее всякий раз пробирал мороз по коже.

Это вообще казалось странным — ей были адресованные слова, которые приятно услышать любой девушке, но всякий раз ей становилось сильно не по себе после прочтения очередного послания. Или так действовал на нее таинственный отправитель? Не зная, кто он, было трудно понять, чего он хочет, а от этого появлялось ощущение незащитности перед его незримым присутствием.

В силу привычки судить о себе скромно, Саше с трудом верилось в то, что кто-то воспылал к ней большим чувством. Есть ли вообще такое чувство? Испытывает ли его кто-то? Даже Полина обожглась, а ведь еще недавно Саша завидовала ей. Нет, не счастьем подруги, а способности так чувствовать, наслаждаться такими эмоциями и переживать такие ощущения. Наверное, раствориться в другом человеке — это... здорово. И больно, как показала практика.

Чего же хотят от нее, и что она может дать? Этот вопрос мучил ее, пожалуй, не меньше, чем попытка понять логику незримого наблюдателя. Есть ли в ней что-то, что могло бы заинтересовать, увлечь, покорить? Может ли кто-то полюбить ее? Вот в чем дело. Это первое, и второе: не причинит ли таинственный автор ей зло?

Что у него на уме? Чего он добивается, и как далеко готов зайти? Зачем вообще ему это надо? Может, это такая жестокая игра, итогом которой будет ее убийство? Да нет, не может быть, Саше просто надо меньше смотреть американских фильмов. Она же живет в реальном мире, в нормальном городе, среди адекватных людей... Да, но среди них ходит и дышит одна очень странная таинственная личность, которая не дает ей покоя.

С Федором входить в подъезд было не страшно, и Саша спокойно делилась впечатлениями

прошедшего дня, дозированно, правда, не открывая никаких своих сомнений и опасений. И о чем она могла рассказать? О напряженных отношениях с начальницей, с которой они не поделили мужчину, не испытывающего серьезных чувств ни к одной из них? Или про Полину, которой изменил муж, и теперь она не знает, для чего ей жить? Или про Изу, которая ищет любви человека, которого Саша считает смертельно опасным, потому что знает, что он может убивать? Или про недавнее нападение? Или про те же письма? Не про что ей рассказывать. Ее счастье, что Федор сам не многословен, и не лезет к ней со своим любопытством.

* * *

В пятницу выдали зарплату, и Саша решила присмотреть себе новый свитер. И на холодную погоду утеплится, и немного развеется. В последнее время она слишком часто была в напряжении, не мешало бы ей теперь прогуляться и развеяться. Днем легко затеряться в толпе в торговом центре — что там может с ней приключиться? И Саша решилась.

Созвонившись с Полинкой, которую оставили в больнице на выходные, она узнала, что ее снова навестил Ян, как делал каждый день в течение всей недели. Саша подозревала, что ее подруга сама не

торопилась выписываться — ей было тяжело возвращаться в дом, где все стало лживым и грязным. Наверное, она хотела разобраться в себе и принять какое-то решение, тем более, что Сергей ни разу не пришел к ней, словно не решался встретиться с ней прилюдно. Чего он опасался? Скандала? Вряд ли Полина была готова устроить его. Может быть, ему было стыдно? Это вернее и ближе к истине, хотя... возможно, такой человек вообще не знаком с такими понятиями, как стыд или муки совести.

В любом случае, Полина не одна, с ней друг — мужчина, заинтересованный в ней и, кто знает, может быть, в самом скором времени они будут вместе.

Да, легко Саше мечтать о чужом счастье — все оказывается таким простым и легким, логичным и вполне осуществимым. Вот только у нее ничего не складывается. Олег пропал, Граф ограничивался короткими сообщениями о том, что жутко занят, замотан и обрастает нужными знакомствами, а она по-прежнему одна. И только кто-то следит за ней, быть может, готовясь написать следующее странное послание. «Все это было бы смешно, когда бы не было так страшно».

Итак, суббота. День выдался солнечным, и Саша намеревалась провести его с пользой и приятно. Быстро умывшись и одевшись, в половине

первого она выбралась на улицу, пешком направляясь к торговому центру, расположенному в паре кварталов от ее дома. Высокое трехэтажное здание, облицованное зеркальными панелями темно-синего цвета, монолитом устремлялось ввысь. Гигантский Универсам уже гудел множеством голосов, наполненный многочисленными ручейками посетителей, причудливыми линиями извивающимися в лабиринтах внутреннего пространства.

Саша любила здесь бывать. Несмотря на толпы народа, она чувствовала себя здесь спокойно. Шум воды в маленьких фонтанах, натуральная зелень повсюду и тихая музыка, раздающаяся под высоким потолком, все это действовало на нее умиротворяюще. Бесчисленное количество всевозможных кофеен, закусочных и бистро, окутывающих ароматом кофе, свежей выпечки и сногшибательной пиццы, всегда бодрили. Она редко что покупала, но обожала втягивать носом все эти запахи, гуляя по длинным светлым коридорам и рассматривая через витрины всевозможные товары.

На втором этаже напротив «Детского мира» девушка заприметила маленького мальчика лет четырех. Он стоял у стеклянной витрины, отвернувшись от многообразия «детского счастья», и тер ладошками глаза, готовый заплакать.

«Наверное, отказали в просьбе, — мельком подумала Саша. — Готовится вырветь себе какой-нибудь автомат или машинку». Долго размышлять об этом ей было некогда — впереди гостеприимно раскрывал свои двери «Мир одежды», и она поспешила туда.

Завалы вещей на объемных столах под вывеской «Распродажа» ее совершенно не прельстили, хотя она и потратила на них порядка получаса. Новинки, вывешенные в центре огромного зала, также не впечатлили, и вскоре Саша оказалась в общем коридоре, с удивлением заметив малыша все на том же месте. Что, его родители оставили ребенка на час, и даже не волнуются?

Вывод напрашивался только один — малыш потерялся, потому и стоит один. Девушка направилась к нему. С самой доброжелательной улыбкой она наклонилась над ним, отметив, какие удивительно голубые у него глаза. Пушистые ресницы слиплись от слезинок, нездоровый румянец во всю щеку наводил на мысль, что мальчик не совсем здоров, и сердце Саши наполнило сочувствие.

На мгновение ей почудилось, что это ее ребенок, и захотелось крепко прижать его к груди и шептать какие-нибудь ласковые слова, чтобы утешить и успокоить его. Волна нежности накрыла

ее, в то время как мальчик доверчиво к ней потянулся. Она присела перед ним на корточки и взяла его руки в свои.

— Привет, как тебя зовут?

— Петя, — проговорил мальчик, подняв на нее свои глазенки, голубые, как весеннее небо.

— А меня Саша. Где твоя мама, Петя? — рука так и тянулась погладить светлые вихры на его голове.

Боже, что же с ней такое? Откуда вдруг это чувство? Хотелось схватить этого мальчугана и убежать домой. Накормить его сладостями, посадить к себе на колени и рассказывать сказки, пока он не уснет, доверчиво прижавшись к плечу. Наверное, это от одиночества и нерастраченной нежности. Видимо, Бог помещает какой-то запас нежных чувств в сосуд сердца, и снабжает потребностью изливать это на кого-то. И когда ты не можешь этого делать, приходит дискомфорт и неудовлетворенность. Мы то — что мы даем, а даем мы то, чем наполнены.

— Мамы нет, она ушла.

— Куда же она ушла? Может, мы пойдем поищем ее вместе? Не бойся, я буду рядом с тобой.

— Нет, — мальчик вдруг вырвал руки и даже сделал шаг назад. Он как-то сердито посмотрел на девушку. — К ней нельзя!

— Почему же? — Саша по-прежнему ласково

улыбалась. Главное, не напугать его.

— Потому что она умерла, — заявил Петя торжественно.

— Вот как.

Так вот откуда это желание приголубить его. Она будто почувствовала, что ребенок лишен материнской ласки. Или же, это простое совпадение? Ну разумеется, ей все показалось.

— Петь, — Саша взяла мальчугана за плечи, ощутив, какой он щупленький и щедушный. — Значит, ты пришел сюда с папой?

— Да...

— А где же твой папа?

— Не знаю.

— Он куда-то отошел?

— Да.

— А как его зовут?

— Не знаю.

— Не знаешь? А свою фамилию ты знаешь?

— Волобьев.

— Воробьев? Петя Воробьев?

— Да.

— А в какую сторону ушел твой папа?

— Не знаю.

Саша выпрямилась, оглядываясь по сторонам. Мимо проходили люди, не обращая на них внимания. Никого не касались переживания этого малыша, а может, они даже считали Сашу его

мамой.

Он стоит тут как минимум час, и неизвестно, сколько простоял, пока его заметила Саша. Или его отец тот еще негодяй, или он действительно потерял мальчика. Но, судя по его одежде, о нем хорошо заботятся, хотя, в данном случае слово «забота» несколько теряет свое истинное значение. По ней, по крайней мере, можно судить о финансовом недостатке родителя.

— Вот что, Петя Воробьев, идем-ка мы с тобой искать твоего папу, — Саша старалась говорить бодро и весело, чтобы завлечь мальчика.

Беспокойство в его глазах вдруг уступило место любопытству, и он снова доверчиво протянул ей ладошку. Саше понравилось, что он совершенно не боится незнакомых людей, хотя в свете событий последних лет это вряд ли хорошо.

Единственное, что пришло на ум, это найти администрацию торгового центра и сделать объявление по радио. Она не знает имени отца, но сам-то горе-отец знает имя своего сына! Так что вместо того чтобы битый час бегать по этажам, заглядывая в каждый зал, бутик и центр, он просто услышит имя своего ребенка и придет к дверям администрации.

— Сейчас мы с тобой спросим вон у того охранника куда нам идти, и скоро твое имя прозвучит по всему зданию, и все-все-все его

услышат, представляешь! Они будут поднимать головы и спрашивать друг у друга: «А кто такой Петя Воробьев? Слышали, говорят о Пете Воробьеве!»

Петя улыбнулся, но это было лишь ответной реакцией на улыбку девушки. Он мало что понял из ее слов.

Справившись у толстого сонного охранника, в какую сторону им идти, девушка спустилась на первый этаж и пошла по коридору в указанном направлении. Шагать пришлось медленно, так как мальчику приходилось бежать за ней. Вскоре она приноровилась к его шагу, и Петя даже мог подпрыгивать. Его настроение резко улучшилось, как только эта красивая тетя взяла его за руку. Теперь ему не было страшно.

Встречные прохожие разглядывали Сашу и ребенка, и ей было приятно от мысли, что ее принимали за его мать. Было бы так хорошо прогуливаться со своим сыном по торговому центру. Захотелось что-нибудь ему купить, и Саша решила, что когда они будут ожидать пропавшего отца, она купит ему хотя бы мороженое.

Объявление по радио было сделано, повторено три раза, и в течении получаса Саша не теряла надежды на появление родителя. Через сорок минут она снова подошла к окошку администратора и вновь попросила повторить

объявление.

Она сводила Петю в ближайшее кафе, откуда прекрасно было видно дверь в кабинет дежурного, но в поле зрения так никто и не появился. Мороженое было съедено, и не раз, затем последовал чай с пирожными, а потом и пицца. Через два часа Саша с беспокойством смотрела на малыша, не зная, что делать дальше.

Она снова попросила сделать объявление, и сердобольная женщина в служебном халате с надписью «Дежурный» снова сообщила по громкой связи, что мальчик Петя Воробьев ждет своего папу на первом этаже восточного крыла в отделе администрации.

Саша купила мальчику красочную книжку и уже трижды прочитала ему все три сказки, но за Петей так никто и не явился.

Главное, не напугать его. Что сказать в защиту отца, она не знала, поэтому с самым радостным видом сообщила, что сегодня Петя будет ночевать у нее. На удивление, мальчик не выразил никакого сожаления по поводу долгого отсутствия отца, и приглашение в гости воспринял спокойно.

Саша вновь подошла к окошку дежурного.

— Ну что, горемыки, так никто и не пришел за своим потеряшкой? — с сочувствием обратилась к ней женщина. Саша лишь грустно покачала головой. Тревога за ребенка росла в геометрической

прогрессии. Мысль, что кто-то бросил своего сына, никак не желала укладываться в голове.

Она продиктовала дежурной свой домашний адрес и телефон на случай, если таинственный отец все же объявится здесь и, взяв мальчугана за руку, повела к себе, в свою жизнь, напрямиком в свое сердце.

Она уже решила, что если отец так и не придет, она сделает все, чтобы этот мальчуган с небесно-голубыми глазами остался у нее. Она не отдаст его в детский дом.

Накупив побольше сладостей они, наконец, покинули торговый центр. Мальчик заметно устал, и Саша решила пару остановок проехать на троллейбусе. Петя даже успел прикорнуть, прижавшись головой к дребезжащему стеклу, смешно подрагивая во сне и дергая рукой.

Вскоре они уже входили во двор. Саша даже представить не могла, чьего сына она привела в свой дом.

ГЛАВА 17

Увидев на пороге своей квартиры незнакомого ребенка, Федор сильно удивился, и даже присвистнул, но не сказал ни слова, угадав, что Саша была не готова давать какие-либо объяснения.

Он впустил небольшую компанию в прихожую, посторонившись у двери, и весело подмигнул мальчугану. Тот лишь смущенно потупил взгляд, стараясь спрятаться за свою новую знакомую, и робко выглядывал из-за ее спины.

— Как зовут-то ковбоя? — поинтересовался мужчина, весело улыбаясь мальчугану.

Саша быстро разделась и обернулась к своему маленькому гостю.

— Это Петя, — ответила она за ребенка, и принялась расстегивать его куртку, сняв шапку и размотав длинный шарф.

Ее переполняли новые незнакомые чувства. Было приятно заботиться об этом мальчике и сознавать, что на ближайшее время она станет для него самым важным человеком, который будет его защищать. В который раз за вечер она пожелала, чтобы этот мальчик стал ее сыном.

— Петр? Отличное имя, — Федор бросил ободряющий взгляд в сторону гостя. — Надеюсь, ты его не украла? — тихо, чтобы услышала только Саша, спросил он.

Девушка окинула его насмешливым взглядом.

— Нет, взяла погонять. В аренду, в общем, сдали.

— Ну-ну, — мужчина почесал затылок, довольствуясь таким ответом. — Я рис варю.

— Отлично.

Получив одобрение, Федор помахал Петей рукой и направился на кухню.

— Ну, идем, посмотрим, что тут у нас имеется, — пригласила Саша мальчика на экскурсию. — Вот большая комната — гостиная, там дверь в Федину, а дальше по коридору моя, — она с улыбкой взглянула на него, соображая, что же она упустила. — Упс, пойдём сначала помоем руки, хорошо?

Ребенок выглядел вялым и практически не проявил ни к чему интереса, оказавшись в чужой квартире в незнакомой обстановке. Сказывалась общая усталость, и после ванной Саша тут же провела его в свою комнату, усадив на мягкий диван.

Из детских вещей, которыми можно было его занять хотя бы на время, пока будет готовиться ужин, была все та же книжка, купленная сегодня в книжном отделе.

Саша перебралась в эту квартиру, будучи уже довольно взрослой, и никакой коробки, забитой игрушками детства, на антресолях или чемодана с тем же добром в кладовке просто не существовало.

Петя неспешно перелистывал книгу с красочными рисунками, легонько ковыряя пальчиком наиболее любимшихся героев, словно хотел отклеить их от листа бумаги и подарить им самостоятельную жизнь.

— Это хороший, это хороший мальчик, — сообщил он, подняв на Сашу свои удивительные глаза и тыча пальчиком в какого-то нарисованного человечка. — Он зайчика спас.

— Конечно, мой милый, это очень хороший мальчик, как ты. Ты же тоже хороший, правда?

— Нет, у меня нету зайчика, нету, — замотал он головой.

— Ну и что, ты и без зайчика хороший, добрый и славный, это сразу видно, — Саша присела рядом с ним и позволила себе, наконец, погладить его по голове. Он снова поднял на нее глаза, и девушка замерла — придет время, и этому парню ничего не нужно будет говорить — с таким-то взглядом. Кому надо, поймет его и без слов.

Она улыбнулась, и мальчик в ответ вдруг протянул свою ладошку, желая погладить Сашу по щеке, но лишь коснулся ее носа и тут же отдернул руку, будто устыдившись такого порыва. Может, его за это ругали, и он вовремя вспомнил, что нельзя прикасаться к чужому лицу?

— Приготовлю тебе покушать, ладно? Будешь ужинать? — Саша поднялась с дивана.

Мальчик кивнул.

— Тогда смотри картинки, я скоро, — и она тихо вышла за дверь.

Вряд ли болевающий ребенок будет есть

тяжелую пищу — размышляла она, направляясь на кухню. Может быть, ограничиться сосиской с рисом, а попозже сварить куриный бульон? Надо еще сходить в аптеку, вот что.

Федор только что сварил рис и отбрасывал его на дуршлаг, тихо насвистывая какую-то мелодию и отчаянно фальшивя. Рукава рубашки закатаны, челка упала на лицо. Повернув голову на звук шагов, он пристально посмотрел на Сашу.

— Не знал, что у тебя есть ребенок, — заявил он с серьезным видом. Девушка повернулась к нему, и с минуту оба сверили друг друга пристальным взглядом, пока не расхохотались.

— Сама не знала до сегодняшнего дня, — сообщила она, доставая из морозилки сосиски. — Федь, можно тебя попросить?

— Даже нужно, обо всем, — тут же заверил Сашу родственник. — Воспитаем, как родного. Рис я промыл. Что еще?

— Все, спрячь пока в холодильник, спасибо. Можешь сбегать в аптеку? Что нужно купить ребенку, когда он начинает заболеть?

— Да не знаю я, я пока что ни разу не арендовал маленьких детей, — не преминул Федор подколоть племянницу. — Ладно, спрошу у провизора, или как там ее называют.

— Да не важно.

— Действительно, не важно. Хорошо, пошел

одеваться.

— Ага, в общем, микстурки какие-нибудь сладкие, и витаминчики, хорошо? — напутствовала его Саша, пока мужчина продвигался в сторону прихожей. — И шиповниковый сироп купи, он вкусный и полезный, я разведу ему теплое питье, — вспомнила она про свою любимую сладость детства.

Но отправиться в аптеку Федору в этот вечер было не суждено. По закону подлости, который злодейка-судьба вдруг решила активизировать именно сегодня, вешалка, завешанная одеждой домочадцев, благополучно упала мужчине аккурат на голову, сильно расцарапав висок. Рана была не опасной, но сильно кровоточила, и такое количество крови заставило Сашу побледнеть и даже на время лишиться дара речи.

Уговорив Петю пока не выходить из комнаты, она потащила Федора в ванную комнату, усадила на край ванны и принялась обрабатывать рану перекисью водорода и йодом. Оказалось, что в доме абсолютно нет лейкопластыря, и поход в аптеку стал фактически жизненно необходимым, только отправиться туда предстояло Саше.

Усадив Петю за кухонный стол перед большой тарелкой с рисом и сосисками, Саша сделала ему сладкий чай и выложила на блюде аппетитную корзиночку с кремом, как будущую

награду за съеденный ужин, после чего оделась и вышла из квартиры, наказав родственнику не сводить с мальчика глаз.

— А то мало ли, что еще захочет спрыгнуть со своего привычного места, — с легким укором заявила она.

Федор лишь виновато развел руками и в очередной раз почесал за ухом. Все он правильно сделал, когда вешал эту вешалку. Совершенно не понятно, что могло расшатать саморезы и привести к этому падению.

— Может, все-таки я схожу? — предпринял он еще одну попытку оставить племянницу дома.

— У тебя до сих пор кровоточит рана, и голова наверняка болит, какой из тебя ходок. Я справлюсь, не в открытый же космос выхожу, всего лишь на улицу родного города, — Саша отважно улыбалась, настраивая себя, а внутри дрожали поджилки. — Включи Пете мультики пока, и подушку подложи, пусть отдыхает. Принесу лекарство, напоим его и тогда уложим спать.

— Хорошо, я пока разберу твой диван, — и Федор чмокнул Сашу в висок.

На улице давно стемнело, хотя не было еще и девяти часов, и девушка внушала себе, что ничего страшного произойти не может. Ведь она делает доброе дело — заботится о близких людях. С ней не может случиться ничего плохого.

Осторожно выглянув из подъезда и обзрев двор, практически пустой, Саша быстро двинула в сторону остановки, чтобы доехать до круглосуточной аптеки три остановки.

Ей повезло — очереди практически не было, и она быстро приобрела все необходимые лекарства, не забыв прикупить бинт, вату и бактерицидный лейкопластырь. Также без проблем доехала до своего микрорайона и направилась во двор.

Было уже довольно темно, фонари как всегда не горели, и Саша отважно шагала в темноте, озираясь по сторонам и стараясь делать это незаметно. Главное, никого не подпустить к себе, вовремя заметить чье-либо приближение и быть готовой дать отпор.

Она упала, когда засмотрелась на окна квартиры Олега. Сегодня они были черны, как ночное небо, и на миг Саша почувствовала одиночество, будто с отсутствием этого человека ей чего-то стало не хватать.

Лишь успев приказать себе прогнать эти глупые мысли, она и запнулась. Нога попала в какую-то выбоину на асфальте, и больно подвернув лодыжку, девушка вскрикнула, распластавшись на грязном пыльном асфальте.

— Вам помочь? — услышала она над ухом чей-то голос и тут же взметнулась вверх, одновременно отскакивая в сторону от

появившегося из ниоткуда мужчины. Даже про боль в ноге забыла, так испугалась.

Откуда он тут взялся? Ведь только что его не было, никого не было, откуда он появился?

— Со мной все в порядке, — немного нервно проговорила Саша, стремительно направляясь к своему подъезду. Ее не стали останавливать, и лишь входя в подъезд, Саша услышала, как мужчина окрикнул ее, но она пулей залетела внутрь и захлопнула за собой дверь.

Не давая себе времени отдышаться, пустилась вверх по лестнице и влетела на девятый этаж, словно занималась этим делом каждый день.

Лишь упав на стул в прихожей, она поняла, как устала и как же ей больно. Ушибленная лодыжка опухла, и пришлось прикладывать лед, чтобы попытаться снять отек.

Саша передвигалась по квартире, преодолевая боль и, практически, прыгая на одной ноге. Заклеила Федору рану, смирив температуру Пете, развела ему сироп, дала таблетку анаферона и две витаминки.

Мальчика она решила не купать на ночь, чтобы не смущать и дать ему время привыкнуть к ней. Сытый, довольный и умиротворенный, ребенок уснул, как только его светлая голова коснулась подушки, даже сказку не пришлось рассказывать, и Саша просто сидела какое-то время рядом с ним,

тихонько поглаживая его мягкие волосы и прислушиваясь к мерному сопению.

Маленький... как он живет? Куда пропал его отец, и почему не вернулся за ним? Как это страшно — оказаться никому не нужным. Но она не бросит его, она не позволит ему пропасть. Он не будет знать никакой отверженности и никогда не испытает одиночества — она об этом позаботится. В сущности, она тоже одинока и никому не нужна, так что ей известно, каково это — остаться одному посреди шумного зала, когда люди проходят мимо, не замечая тебя...

Утром пришло осознание случившегося: она забрала чужого ребенка, привела к себе домой, и в принципе не знает, что делать дальше. Когда следует заявить о пропаже человека? И как можно подать в розыск, если знаешь только имя ребенка?

Сон как рукой сняло, и Саша легко поднялась с дивана. Ночевала она в общем зале, на неразобранном диване, и даже не заметила, как пролетела ночь. Она уже скучала по Пете и не терпелось его увидеть.

На выходе из зала столкнулась с Федором, шедшим на кухню за водой.

— Ты уже на ногах? Удивительное дело, — с широким зевком заметил дядя.

— Наличие маленького ребенка пробудило во мне чудовищное чувство ответственности, —

улыбнулась Саша.

В комнате было тихо и сумеречно, малыш распластался на диване, сбросив с себя одеяло и раскинув руки.

С умилением Саша осторожно провела рукой по его лбу — прохладный, и на цыпочках вышла в коридор, осторожно прикрыв дверь.

Петя вскоре проснулся. Саша вышла из ванной, умытая и причесанная, намереваясь приготовить легкий завтрак и раздумывая о том, чем бы сегодня заняться, чтобы развлечь маленького человечка, волею судьбы ставшего ее гостем, когда в коридоре в нее врезался этот самый гость, уткнувшись личиком ей в живот и обхватив ручонками ее бока.

— Малыш, ты проснулся! — Саша обняла его. — Тебе снились какие-нибудь сны?

— Нет. А тебе? — он запрокинул голову, чтобы посмотреть ей в лицо, и улыбнулся, высунув язык от удовольствия. Ему было хорошо, во всяком случае, он не скучал по отцу и не задавал вопросов, когда же папа придет и заберет его.

— Мне тоже ничего не снилось. Мне никогда ничего не снится. Будем завтракать?

— Нет.

— А что будем делать?

— Смотреть мультики, — он уже отпустил ее и слегка приплясывал на месте от нетерпения,

тихонько хлопая в ладоши.

— Ну хоть чайку сладкого попьем?

— Нет. Мультики, — и он потянул ее за штанину в сторону зала.

— Скажи, Петя, а ты в садик ходишь? — решила Саша попытать счастья выведать хоть что-то, позволив увлечь себя в комнату.

— Да.

— А где он? Далеко от этого дома?

— Далеко, — и мальчик даже махнул рукой, давая понять, насколько далеко — просто очень.

— Хм. Надо ехать на автобусе, да? — из какого же района он приехал к ним в торговый центр?

— Нет.

— На трамвае?

— Нет.

Ну он совсем заинтриговал ее, и девушка рассмеялась.

— Может, твой садик так далеко, что до него надо лететь на самолете? — и она весело рассмеялась.

— Нет. На поезде.

— На поезде?

Ну это никуда не годится. За все время знакомства Петя Воробьев не дал ей никакой полезной информации.

— Садик далеко, надо ехать на поезде, —

подтвердил Петя и внимательно посмотрел Саше в глаза. Он не обманывал, не сочинял, Саша сразу это увидела. Ничего не понятно!

— Хорошо, сейчас я уберу постельное белье, и можешь садиться, малыш. Нажми вон на ту кнопочку на телевизоре, видишь?

Петя сделал, как его просили, и вскоре уже сидел на диване, а его пятки в полосатых носочках свешивались с диванных подушек. Саша собралась позвонить Изе, чтобы посоветоваться с ней по такому непростому вопросу, как маленький незнакомый мальчик, потерявший своего папу, когда обнаружила пропажу мобильного телефона. Обычно она таскала его в кармане пальто, но сегодня его там не оказалось. Так вот почему Изка не разбудила ее своим глупым вопросом! А Саша вдруг вспомнила о своем ночном падении во дворе. Наверняка тогда ее телефон и выпал, и именно поэтому таинственный мужчина ее окликнул. Черт! Там все важные номера, но дело даже не в этом.

Откуда все-таки взялся вчерашний незнакомец? Кто он? Случайно проходил мимо? Так в том-то и дело, что мимо никто не проходил. Никого не было! Она нутром чужала — что-то тут не так. Может, он следил за ней? Но зачем? Имеет ли он отношение к странным посланиям? Впрочем, сейчас не время забивать голову этими тревожными мыслями, подозрениями и предположениями.

Главное сейчас — это Петя и его благополучие.

Мальчугану хватило двух часов для просмотра телевизора, а затем его детское величество изъявили желание прогуляться. Саша помогла ему одеться и повела во двор. Федор куда-то убежал, на бегу бросив загадочное «по делам», но Сашу это не беспокоило — делить с ним Петю она все равно не собиралась, словно ревновала его ко всем подряд, включая и своего родственника.

На первом этаже она уже по привычке глянула на почтовый ящик, и вдруг замерла. Петя уставился на нее, подняв голову а Саша стояла, не шелохнувшись, и не сводила взгляда со стены, где висели ящики. Ничего интересного, на взгляд мальчика.

Саша же увидела кое-что необыкновенное, и не знала, как к этому отнестись. С некоторых пор она стала с замиранием сердца открывать дверцу ящика, не зная, что там увидит, и вот сейчас сквозь круглые отверстия в дверце она заметила что-то черное. Что ж, спасибо, что не бордовое. Пусть там чернеет что угодно, пусть синее и даже зеленеет все, что ни попадя, лишь бы это нечто было не бордового цвета.

Открыв же дверцу, Саша сильно побледнела и долго смотрела на свой потерянный телефон. Выходит, вчера она нос к носу столкнулась с

тайнственным сталкером? В любом случае этот человек ее знает, и знает где она живет. Он попал в ее подъезд и положил телефон в ее почтовый ящик. Он был совсем рядом, она даже слышала его голос, но так и не разглядела его! Какая же она... ворона! Только силуэт, высокий мужчина, как будто в строгой темной одежде, приятный низкий голос, и все, и провал. Ни лица, ни цвета волос в памяти не запечатлелось. Ну надо же!

— Пойдем гулять, — голос Пети заставил ее выйти из транса и, протянув руку, Саша схватила свой телефон и сунула в карман.

Что же происходит в ее жизни? Единственное, что она могла предпринять, это все же переговорить с Пашей. Больше вариантов у нее не было, а делать что-то было надо.

Сейчас же она позвонит Изе и пригласит ее к себе. Вдвоем будет веселее, и так они быстрее что-нибудь придумают, чтобы помочь Пете.

В глубине души Саша желала, чтобы отец мальчика никогда не нашелся, но ругала себя за такие мысли, полагая, что родной человек для Пети гораздо важнее, чем она, посторонняя и чужая. И все же мысль, что с появлением отца она навсегда его потеряет, была ей неприятна и даже мучила.

Иза примчалась через два часа с огромной коробкой для Пети. Это оказалась железная дорога, и мальчик с восторгом перебирал детали,

любуюсь локомотивом и тремя блестящими вагонами.

— Вот это да! — восхитилась Саша, оценив щедрость подруги.

— Дети — это наше все, — важно заявила Иза и протянула мальчугану руку. — Привет, красавец, как зовут?

— Петя, — эту красивую и ароматную тетю можно было не бояться — она подарила такую игрушку, что теперь он любил ее также, как и Сашу.

— Отлично, Петя, будем дружить?

— Будем. Сделай, — и он тут же протянул ей фрагменты рельсов.

— Вот-вот, начинай дружить прямо сейчас, — засмеялась Саша, — а я пока позвоню Полинке.

Саше удалось уговорить Полину приехать к ней в гости, убедив, что болеть дома у друзей гораздо веселее, чем в пустой больничной палате и, уговорив санитарку выдать ей одежду и пообещав вернуться к положенному часу, девушка вызвала такси и вскоре уже входила в квартиру Саши и Федора, чтобы быть затисканной и зацелованной двумя подругами.

Петя надолго выпал из реальности, улегшись на пол и завороченно разглядывая скорый поезд, который деловито сновал по рельсам, а подружки занялись маникюром и разговорами.

Ситуацию в жизни Полины все намеренно замалчивали, и девушка была благодарна подругам за тактичность. Личность Яна также осталась не затронутой. По поводу Пети решили подождать еще день, а утром в понедельник, если отец все-таки не объявится, отправиться в полицию.

— Девочки, я знаю, как нам развлечься, — заявила вдруг Иза, когда все новости были сообщены а косточки знакомых перемыты.

— Устроить генеральную уборку? — рискнула предположить Саша.

— А вот и нет, в прошлом году мы это делали как раз у тебя, в этой самой квартире, теперь моя очередь. Так что — милости прошу ко мне, в мою скромную обитель! — отмахнулась от нее Иза. — Еще варианты будут?

Полина подняла руки, словно сдавалась без боя, и Иза довольно сверкнула глазами.

— Девчонки, сейчас мы с вами вызовем... — она скосила хитрый взгляд в сторону Пети, но тот никого не видел и не слышал, не сводя глаз с поезда, — сейчас мы с вами вызовем...

— Дух Винни-Пуха, — ляпнула Саша и виновато прикрыла рот рукой под сердитым взглядом подруги. — Извини, просто нервы не выдержали, такой накал страстей, такая лихо закрученная интрига, вот и получилось такое.

— Дурочка, проникнись важностью

момента, — укорила ее Иза. — Короче, девочки, вызываем стриптизера, и...

И Саша и Полина молчали, глядя на нее без эмоций.

— Тут вы должны завизжать, закричать, захлопать в ладоши и броситься меня обнимать, благодаря за классную идею, — подсказала брюнетка. — Ну что, никто не рад, что ли? Для вас же, между прочим, стараюсь.

— Что мы, мужских свистков что ли не видели, — казалось, Саша даже обиделась. Полина вообще отводила глаза.

— Да вы что, не понимаете? Он нас так заведет, что... — Иза все еще не теряла надежды.

— И что? Ну заведет он нас, а дальше-то что? Разводить-то кто будет? — Саша скрестила руки на груди, откинувшись на спинку дивана. — У меня никого нет, у Полинки — сама понимаешь, да и ты, на сколько мне известно, официально вроде как одна сейчас. Чтобы нас завести, нам и стриптизер никакой не нужен, еще платить ему...

— Фу, какие вы скучные, — Иза скорчила недовольную гримаску. — Повеселимся хоть, позажигаем.

— А Петя — он тоже с нами зажигать будет?

— А Петя в своей комнате, то есть в твоей комнате, будет рисовать, — выбрала ему занятие Иза. — Или спать. Послеобеденный сон —

полезная, между прочим, вещь.

— Ну вот раз она полезная, так давайте этим сами и займемся, — улыбнулась Полина.

— Короче, вы как хотите, а я звоню мальчику по вызову, — заявила Иза и действительно полезла в сумочку за телефоном, следя, чтобы свеженанесенный на длинные ногти лак не смазался.

Саша с Полиной переглянулись.

— Ты куда вызывать-то его будешь? — решила уточнить хозяйка квартиры.

— Сюда, сюда, куда же еще. Мне не жалко, поделюсь с вами радостью, — буркнула Иза, тыча в кнопки на телефоне. — А то вы скоро плесенью покроетесь, старые девы...

Ее подруги опять только молча переглянулись.

— А Федя придет, тоже к нам присоединится? — снова задала вопрос Саша.

— А это уж как он пожелает. Захочет, к нам присоединится, а захочет — к танцору, — Иза вдруг встрепенулась, оживилась и переменилась. — Здравствуйтесь, это у вас самые жаркие и сладкие ребята, да? Ага, значит, я не ошиблась. Нам бы одного такого. На час. Трое. Да, и чтобы по полной программе, ну вы понимаете, да? Конечно, конечно, о чем разговор. Пожелаем, конечно пожелаем. Наличными. Да, записывайте.

Полина прятала улыбку, Саша закатывала глаза, а Иза бодро диктовала ее домашний адрес.

— Все, в течение часа подъедет, ждем, — заявила Иза, будто они ждали распорядителя их судеб на развилке жизненных дорог. — Налей хоть чаю, что ли, Сашка, а то от волнения в зобу дыханье сперло.

Ровно через час раздался звонок, и прогремел он настолько громко, что все трое вздрогнули.

— Сашка, ты хозяйка, иди и открывай, — велела Иза. Сама она выглядела немного смущенной. Стало ясно, что такой экстравагантный заказ она сделала впервые в жизни.

Саша окинула ее недовольным взглядом, но поднялась и направилась в прихожую. Когда же она открыла дверь, дожевывая печенье, то чудом сохранила себе жизнь, умудрившись не подавиться крошками.

На пороге квартиры стоял Олег, ее сосед по двору.

ГЛАВА 18

— Ты? — только и смогла произнести Саша, откашлявшись, и замерла, не решаясь глубоко вдохнуть. Рука вцепилась в дверную ручку так, что суставы пальцев побелели.

Невероятно! Так значит, он... Нет, не может

быть! Ну как же... он же... Совершенно не верилось в то, что этот человек, такой замкнутый и нелюдимый в обычное время, и такой элегантный и оживленный в дамском обществе, может работать стриптизером и ездить на вызовы. Темперамент не тот, самомнение высокое, да и возраст не подходящий. Этого просто не может быть!

— Я, — бросил Олег, с трудом разлепив губы. Казалось, ему жалко было тратить силы на слова. Суровый, с мрачным взглядом — рядом с ним становилось резко не по себе. Ну и настроение, как он только с таким работает? Или с первыми звуками музыки он преобразится, и профессионализм возьмет свое?

Саше было невыносимо думать об этом, она даже тряхнула головой, пытаясь прогнать нелепые образы, возникающие непроизвольно и помимо ее воли, но это не помогло. Пока этот человек здесь — думать ни о чем другом она не сможет, но не о стрингах же со стразами ей размышлять! Да завтра она в глаза ему взглянуть не посмеет, а ведь они живут в одном дворе!

— Ну проходи, — она посторонилась, вспомнив вдруг о правилах приличия.

Как он сейчас начнет свою работу, с каким лицом он будет танцевать и раздеваться? Да она умрет со стыда, если будет присутствовать при этом. Может, пока не поздно, прогнать его, а Изке

сказать, что это сосед снизу заходил за чем-нибудь?

Мужчина прошел в прихожую и замер на месте, уставившись в одну точку, не вынимая рук из карманов куртки. У него точно все в порядке? Как-то неважно он выглядит. И вроде как глаз подбит, или это просто освещение плохое? Надо бы попросить Федю вкрутить лампочку поярче, хотя ни у кого другого ей фингалы не мерещатся! Внимательнее присмотреться к лицу неожиданного посетителя Саша не решалась, упорно отводя взгляд.

— Слушай, Олег, а может быть, ты уйдешь прямо сейчас, а? А я скажу, что тебя здесь и не было, давай? — решила, наконец, Саша обмануть подругу. Ничего, Изка это переживет, а вот она — вряд ли.

— Да ты с ума сошла! — возмутился вдруг Олег. — Никуда я не уйду. Ты оставила свой адрес, так что... — Да это не я, это моя подружка, — зачем-то принялась оправдаться Саша.

— Это не важно, — оборвал Олег.

Ей было страшно неловко, и в голове крутилась мысль, что если не уйдет он, то придется сбежать ей. Заодно и Петю уведет с собой, чтобы не оставлять в этом вертепе.

— Ну ладно, как хочешь, раздевайся пока и проходи в комнату, что ли, — пробормотала Саша.

— Да я лучше здесь постою, — отказался

мужчина.

— Это как? Это, значит, нам надо будет сюда выйти? — Саша опешила. Она уже собиралась пройти на кухню, но услышав последние слова, снова остановилась. — Олег, с тобой все в порядке?

— Это не важно, — снова ушел от прямого ответа мужчина. — Зови давай его, я здесь подожду.

— Его? Кого его? Нас трое: я и мои подруги.

— Да причем тут подруги? О чем ты говоришь вообще? — Олег позволил себе, наконец, рассердиться. — Где Петя?

— Ч-что? Петя? — Саша надолго замолчала, не в силах прийти в себя. Откуда он знает про Петю? Он его родственник, что ли? Или друг отца и его попросили забрать ребенка? Ну слава богу, он не танцует стриптиз! Так значит, он пришел за мальчиком? Ну надо же, как тесен мир.

Насколько он тесен, Саша поняла уже в следующую секунду.

— Это мой сын. Я вернулся за ним в торговый центр, и в администрации мне дали твой адрес. Он у тебя? С ним все в порядке?

Множество мыслей закрутилось в голове, и слова сбивали с ног одно другое, споря за право первыми сорваться с ее губ, но Саша молчала, не зная, каким отдать предпочтение.

— Он провел без тебя сутки! — наконец,

произнесла она. — Ты так долго не мог вспомнить, где его оставил?

Олег вдруг потемнел лицом, на скулах под кожей заходили желваки, и Саше на миг показалось, что он ее ударит, но мужчина не пошевелился, по-прежнему не вынимая рук из карманов.

— Позови. Сюда. Петю, — проговорил медленно, чтобы девушка, стоящая напротив, поняла, что от нее требуется.

Конечно, как она может судить его, и в чем обвинять? Ребенок ни разу не вспомнил отца и не заплакал — ей не за что ругать Олега! И в конце концов, он пришел за своим сыном, это факт, и это главное. А уж насколько это печально для нее, она подумает чуть позже, когда останется одна.

— Саш, ну где вы там? — послышалось из кухни, и в коридоре показалась Иза.

Заметив незнакомца, она остановилась, прижалась к стене и выгнула спину как кошка («прогиб, девочки, — это наше все, по крайней мере, восемьдесят процентов успеха — это точно»). Головокружительно красивая, с горящим взглядом и легкой улыбкой на губах, она неспешно и со знанием дела прошла по мужчине оценивающим взглядом.

Выражение лица говорило о том, что осмотром она осталась довольна — мужчина был

хорош. Не очень высокий, коренастый и плотный, он вселял уверенность и дарил покой, мягкие черты лица производили приятное впечатление, а в глубине глаз мерцал какой-то свет, выдающий его интеллект. От мужчины веяло уверенностью и харизмой.

Иза, конечно, отметила и усталость, и тени, залегшие под выразительными глазами, а его мрачность, так смущающую Сашу, приняла как само собой разумеющуюся. Мужчина и должен нести на своих плечах груз забот и проблем, периодически с успехом их разрешая, к огромной радости своей женщины.

Олег хмуро оглядел вновь прибывшую девушку, но выражение лица не изменилось. Саша и не удивилась — он предпочитает женщин постарше, покрупнее и поумнее, чего уж тут скрывать.

Изу же было не так-то просто сбить с толку и отпугнуть первоначальной холодностью — и не таких ломали и плавили.

— Добрый день, молодой человек, — проговорила она глубоким грудным голосом. — А вы и есть тот самый, сладкий и горячий?

Олег, казалось, помрачнел еще больше. Он посмотрел на брюнетку долгим взглядом, прежде чем разлепить плотно сжатые губы и открыть рот.

— Хотите проверить, насколько я горячий? —

он сверлили ее угрюмым взглядом. — Не боитесь обжечься?

— О, я уверена, вы не причините мне вреда, — Иза изогнулась еще больше, демонстрируя свою гуттаперчивость. — Вы, определенно, умеете обращаться с женщинами.

Глаза мужчины потемнели, складка вокруг губ стала настолько четкой, что Саша вдруг поняла, что вот сейчас Олег обидит ее глупую подругу, и поспешила вмешаться в разговор.

— Иза, дорогая, ты ошиблась, это за Петей. Это Петин отец, — проговорила она, отвернувшись от Олега и делая подруге большие глаза.

Ей вдруг стало жарко при мысли, что подумает о ней Олег — она с подругами вызвала на квартиру стиптизера! И не важно, что Саша была против, Олег все равно заклеит ее позором. А впрочем, наверняка, ему все равно, просто появится немного больше презрения во взгляде при очередной случайной встрече. Возможно, он даже пожалеет, что недавно помог ей. А может, даже и не вспомнит об этом. Подумаешь, подвез девчонку из двора — о чем тут говорить.

— Может быть, ты уже приведешь Петю? — Олег развернулся к Саше, и та без слов убежала в комнату, лишь бы поскорее избавиться от гнета его недовольства.

Петя сидел на ковре и старательно ковырялся

во внутренностях паровоза, пытаюсь понять его устройство. Подняв глаза на Сашу, он радостно заулыбался.

— Паровозик! — сообщил счастливо и вздохнул от избытка чувств, переполняющих сейчас его сердечко.

Девушка присела перед ним на корточки и погладила по голове. Наверное, она делает это в последний раз...

— Петя, приехал твой папа, — проговорила она тихонько.

— Папа? — мальчик округлил глазенки, но Саша заметила, что особой радости или каких-то эмоций он не выразил.

Саше не стало от этого легче — с этой семьей явно что-то не так. Мама умерла, папа является за сыном через сутки, пробыв неизвестно где, а мальчик даже не радуется этому факту. Но откуда у Олега сын? Пять месяцев, что он живет в этом дворе, Саша ни разу не встречала этого малыша!

— Идем, он ждет тебя, — и девушка протянула ему руку.

— Паровозик, — жалобно проговорил мальчик, но без лишних споров позволил себя поднять.

— А паровозик ты возьмешь с собой, — улыбнулась Саша. — Теперь он твой, и будет жить у тебя.

— Да, — закивал мальчик, эта новость его обрадовала.

— Давай мы соберем все рельсики и уберем вон в ту коробку, а когда ты придешь домой, папа снова соберет тебе железную дорогу, хорошо?

— Да, — и малыш принялся помогать Саше складывать детали в коробку.

Саше хотелось расплакаться, но она что-то говорила, ласково и нежно, чтобы Пете было приятно и спокойно. Ладно, главное, что он не капризничает и не отказывается идти к отцу. Хотя, и не побежал со всех ног, услышав о его появлении.

Вскоре Саша вышла в коридор, ведя Петю за руку и удерживая подмышкой большую коробку.

Полина даже носика не высунула из кухни, а Иза по-прежнему выгибалась у стены, бросая знойные взгляды на Олега, хотя тот совершенно равнодушно разглядывал орнамент на обоях, оставаясь неприступным, как скала.

— Папа, — вдруг радостно выдохнул Петя, подбежал к мужчине и уткнулся носом ему в живот, как еще утром приветствовал Сашу.

— Привет, воробей, — Олег вдруг просветлел, складка на лбу расправилась, и губы расплылись в нежной улыбке, вызвавшей невольный вздох из самой глубины Изиной груди. Мужчина опустился на колени и обнял сына. — Как дела? Ты хорошо себя вел? Был молодцом?

Мальчуган затруднялся с ответом и неуверенно оглянулся на Сашу. Та ободряюще улыбнулась, сложив руки на груди и крепясь изо всех сил, чтобы на глазах не показались слезы.

— Петя был молодцом. Очень послушный мальчик, хороший, умный. Я очень рада, что он побывал у меня в гостях, — сообщила она Олегу, глядя на малыша.

— Это папа, — не сводя с нее глаз, сообщил мальчик, держа отца за плечи.

— Да, малыш, и он пришел за тобой.

Олег помог сыну одеться, выпрямился и, взяв за руку, обернулся к Саше.

— Спасибо, что не бросила его, — произнес он глухим голосом. С его лицом что-то было не так. Он прячет глаза? Ему неприятно об этом говорить?

— Не за что благодарить, — пробормотала Саша. — Вот, — спохватилась вдруг она и протянула Олегу коробку. — Это подарок Пете. От Изы, — и она скосила взгляд на подругу.

— Это дорога, там паровозик, — подтвердил Петя, давая отцу понять, как много значит для него эта игра.

Саша видела, что Олег был готов отказаться от дорогого подарка но, взглянув на сына, промолчал. Поймав взгляд брюнетки, он кивнул ей и выдал «Спасибо», что привело ту в полный восторг.

— Петя, приходи к нам еще, — проговорила она сладким голосом с таким видом, будто желала добавить: «И приводи с собой папу».

Олег молча кивнул Саше, открыл дверь и вышел за порог.

— Вот и все, — сказала вдруг Саша, и слезы полились из глаз горячими потоками.

ГЛАВА 19

Ни о чем не думать — завидная способность пофигистов. Она помогает выжить в самых трудных обстоятельствах, сохраняя нервы в своем первоначальном состоянии, когда сердце спокойно качает кровь, и никакая буря чувств и эмоций не может лишить ни аппетита ни, хорошего сна.

Саша хотела выбросить из головы странный случай с потерянным и вновь обретенным ребенком, но безуспешно. Уже второй день эта история не выходила у нее из головы. Во-первых, она полюбила Петю, тихого, доброго мальчугана, наполненного какой-то чистотой и миром, которые, пусть на мгновение, но буквально осветили ее жизнь, а во-вторых, что-то во всем этом было не так.

Куда пропал Олег, почему не приходил за сыном целые сутки, и почему вернулся каким-то... странным? Неужели он не беспокоился о том, что

ребенку не попасть домой, что он легко может сгинуть в лабиринтах торгового центра и вообще попасть в дурную историю? Да просто элементарно захочет есть! Если у Олега проблемы — ребенок может снова пострадать, а это недопустимо.

Саша отодвинула клавиатуру, поставила локти на стол и спрятала в них лицо. Не надо было отдавать ему Петю, пока они не поговорили и не выяснили все обстоятельства. Может быть, там очень неблагоприятные условия для жизни ребенка... И что? И что тогда? Саша получит моральное право забрать его? А она сама сможет предоставить ему благоприятные условия? Она даже в подъезд боится заходить, трясется от страха при виде конвертов и впадает в ступор после прочтения странных посланий. Она, что ли, может благотворно на него повлиять? Ей самой, возможно, угрожает опасность, и забрать Петю к себе — это значит, поставить его под удар.

С тяжелым вздохом Саша снова принялась за работу.

Сегодня Граф вернулся из командировки довольный и веселый. Привез кучу заказов на поставки, приобрел массу клиентов и, похоже, очень даже не плохо провел там время, как показалось Саше и ревнивой Марине.

— Тебе не кажется, что Граф влюбился? — спросила начальница во время обеда. Они, как

обычно, садились вместе, и внешне никто не мог заподозрить, что между ними что-то происходит. Марина умела держать лицо, а Саша старалась не высовываться. Если честно, ей сейчас было не до амурных походов своего начальника.

Перед глазами то и дело возникало личико одного мальчугана с огромными голубыми глазами, и казалось, он зовет ее, пытаюсь что-то сказать. Или у нее просто разыгралось воображение? Нет, а если бы Петя был сыном другого человека, любого другого мужчины, она смогла бы спокойно забыть о нем? Стоит ли ей пойти к Олегу и все выяснить? Должна ли она это делать вообще? Но ведь Петя теперь ей не чужой... Хм, да? А какой? Она что, успела произвести обряд породнения? Нет, конечно, но много ли надо сердцу, чтобы полюбить, и душе, чтобы привязаться? Тем более, если это одинокое сердце и усталая душа.

— Граф мог даже жениться там, — Саша пожала плечами, механически поглощая салат и не чувствуя его вкуса. — И что с того?

— И ты можешь так спокойно об этом говорить? — Марина внимательно на нее посмотрела.

— От моих эмоций по этому поводу мало что изменится, — заявила Саша. — И потом, не забывай, что я — случайный человек во всей этой истории, и хочу напомнить еще раз, что ты

напрасно меня прирев...

— А к кому он зашел с утра? — перебила Марина. В принципе, она была не против такого заявления девушки, но ей хотелось побольше аргументов.

— Похоже, утром он решил проведать весь наш дружный коллектив. Ну соскучился он по экономистам, что тут такого? — Саша улыбнулась, но Марина осталась серьезной. Отодвинув тарелку с супом, она задумалась.

— Нет, Саша, он вернулся не таким. Тут явно замешана женщина.

— Тогда нам вообще стоит успокоиться и обо всем забыть, — Саша лишь пожала плечами.

В аккуратно подведенных глазах Марины читалась печаль. «Если бы я могла», — прочла Саша.

— Марина, тебе нужен реальный человек, настоящий хороший мужчина.

Она сама удивилась, что дерзнула заговорить об этом. Наверное, Марина слишком раскрылась перед ней за последнее время, позволив почувствовать свое состояние, вот Саша и расслабилась.

Начальница медленно выпрямилась, хотя и без того ее плечи всегда расправлены и королевская осанка безупречна. Она сжала зубы и холодно посмотрела на девушку.

— Если мне понадобится совет в сердечных делах, я обращусь к тебе, а до тех пор попрошу тебя воздержаться, — проговорила она.

Саша лишь пожала плечами, подвигая к себе следующую тарелку.

— Извини.

Конечно, легко сказать: «Найди другого». Она действительно сморозила глупость и проявила бестактность. Сама-то уже долгое время не может никого найти и встретить. Это вам не хомячка завести — полюбить мужчину и вызвать ответное чувство в его сердце. Сможет ли теперь Саша довериться кому-то так, как раньше Пашке? Сможет ли не подозревать каждого в тайных пристрастиях, от которых есть опасность снова пострадать?

— Извини, — повторила она тише.

Марина ее поняла. Взглянула с легкой грустной улыбкой, и даже качнулась в ее сторону, слегка задев плечом.

— Все мы хотим большего, чем может предоставить нам судьба, — проговорила она.

«Но разве я хочу слишком много? — задумалась Саша. — Разве желать взаимной любви, иметь семью и растить ребенка — это так невозможно много, и неужели судьба бессильна мне это предоставить?»

Но история ее подруги была серьезным

предостережением. Полина тоже хотела всего лишь любви, и чем все обернулось для нее? Кошмаром и грязью, доведшими ее до умопомрачения. Может, мечтать о любви как раз и есть глупость? Может, нужно просто все тщательно рассчитать, выяснить, сколько ты стоишь, на что ты потянешь, и искать, как Иза, путем математических вычислений?

Хотя, у Изы тоже не все просто, и там, пусть помимо ее воли, но наверняка замешаны также чувства и эмоции, над которыми она не так уж и властна. Математика у нее была до встречи с Бергом, а он включил какой-то иной механизм, сделав Изу послушной марионеткой, уверовавшей в то, что ее счастье в руках этого мужчины.

Господи... Саша повела плечами, будто почувствовав сквозняк. Какое счастье, что она не купилась на обаяние это человека и не подпала под власть его чар. Вернее, не так. Берг, как раз, очень даже произвел на нее впечатление, но увиденная в парке сцена отрезвила, и разум возобладал над чувствами. Она излечилась в ту кошмарную субботу, и хорошо, что Берг забыл о ней. Ни разу за всю неделю они не встретились, чему сейчас она была очень рада.

— Ты пойдешь на вечеринку? — вопрос Марины вывел Сашу из раздумий.

Граф пригласил их отметить свою удачную поездку, и приглашения удостоились не все

работники фирмы. Марина еще утром намекнула Саше, что экономический отдел в полном составе идет на это мероприятие лишь благодаря ей, но та не приняла такое объяснение.

Граф волен поступать как пожелает, при чем тут его симпатии? В последнее время Саша верила в них с большим трудом. А может, события в ее жизни завертелись таким калейдоскопом, что не оставалось времени на размышления о странных отношениях с начальником. Да и нет никаких отношений. Есть только электронная переписка, ни к чему не обязывающая и ничего не обещающая.

Саша хотела принять приглашение Графа, хотя бы для того, чтобы задать ему вопрос в лоб: это он пишет ей письма, оставляя их в почтовом ящике, или нет? Хотя, после случая с телефоном, потерянным во дворе и найденным в том же ящике, Саша сильно в этом сомневалась, настолько, что этот вопрос казался глупым и бессмысленным. Определенно, за ней кто-то следит, и чего-то от нее хочет, и это не Роберт.

— Боюсь, что вечером у меня дела, — произнесла она.

Марина взглянула на нее с недоверием.

— Саш, ты серьезно? Ты отклонишь приглашение босса?

— Это неофициальная вечеринка, и неофициальное приглашение. Каждый волен пойти

или отказаться, а у меня на сегодня запланированы дела.

— Такие, что ты не можешь их перенести?

«Я просто не выдержу еще один вечер в неизвестности», — подумалось Саше.

Она пойдет к Олегу и серьезно с ним поговорит. О его странном поведении, умершей жене и заброшенном ребенке. Она должна все узнать и понять, чтобы успокоиться, чтобы отпустить. Или... не отпустить.

* * *

В окнах третьего этажа горел свет, и Саша перевела дух: дома. Значит, она сможет увидеть Петю, если, конечно, Олег пустит ее на порог.

Дверь долго не открывали, и Саша начала сомневаться, что в квартире кто-то есть. Может быть, Олег уехал и забыл выключить свет? Тогда получается, она ломится в пустую квартиру, но палец по-прежнему упорно давил на кнопку звонка.

Наконец послышались шаги, щелкнул дверной замок и дверь распахнулась. Хмурый мужчина, заросший щетиной, вперил в нее сердитый взгляд. От него неприятно несло пивным перегаром.

— Привет, — Саша изо всех сил старалась не уменьшиться в размерах под злобным взглядом.

Она ни в чем не виновата, она перед ним ни в чем не виновата.

— Ты чего-то забыла?

— Да. Я кое что забыла. Можно войти?

— Нет. У меня не прибрано.

— Меня этим не напугаешь.

— И тем не менее, ты не войдешь.

— Тогда я приду с работниками социальной службы, — не выдержала Саша.

По крайней мере, она четко обозначила тему разговора, чтобы он случайно не подумал, что она прибежала к нему. Мало ли, какое у него самомнение.

В его глазах вдруг появился интерес, на мгновение они сверкнули. Саша готовилась к вспышке гнева и резкой отповеди, но мужчина вдруг посторонился и впустил ее в прихожую.

— Пригласить тебя в комнату или на кухню?

— Мы можем поговорить и здесь, лишь бы не на лестничной площадке, — отказалась от дальнейшей любезности Саша, отметив про себя, что приветливости в его взгляде не прибавилось. Мужчина смотрел на нее холодно и неприязненно.

— Ну, давай поговорим, — он облокотился на стену, скрестив руки на груди.

Саша осталась у входной двери.

— А Петя дома?

— Нет.

— Нет? Но уже вечер. Где он?

— Не понимаю, чем вызвано такое любопытство, и должен ли я тебе напомнить, что тебя это не касается? Это мой ребенок.

— Это твой ребенок, конечно, но этот ребенок был позавчера брошен в общественном месте, и ему грозила опасность.

Саша хотела продолжить, но заметила, как изменилось лицо мужчины. Желваки загуляли на скулах, в глазах блеснул настоящий гнев, и на мгновение ей показалось, что он опасен. А если опасен для нее, то что говорить о Пете?

— Я совершил ошибку, но я ее исправил, — проговорил медленно и тихо Олег, чеканя каждое слово. — Должен ли я вручить тебе медаль за спасение моего сына, или на коленях попросить прощения?

Девушке стало грустно. Грустно, что отношения с этим человеком у нее не складываются. Они могли бы стать приятелями, соседи все-таки, тем более, что однажды, не так давно, он здорово ее выручил, но после истории с ребенком вряд ли получится дружба. Тем более, что этот разговор она вообще начала неправильно: с обвинений и упреков. Вместо того, чтобы поговорить по душам, она все испортила.

— Олег... — она опустила глаза под натиском его неприязни. — Мне очень жаль, что у тебя

проблемы, но я очень привязалась к Пете, и теперь боюсь, что эти проблемы могут коснуться и его. Понимаешь, у меня нет никаких прав на то, чтобы как-то влиять на его воспитание...

— И тем не менее, ты беспардонно влезла в наши дела, и даже угрожаешь мне соцслужбами, — напомнил Олег, ни на мгновение не смягчая ни свой тон, ни взгляд.

— Да, но понимаешь, если ему будет плохо...

— Ему не будет плохо, — надменно произнес Олег. — Я в состоянии о нем позаботиться.

— Я так понимаю, он не всегда жил с тобой. Его мама умерла, и...

— Зря ты расспрашивала его о таком. Тебя это не касается, и лезть в его душу было некрасиво.

— Возможно, но я должна была хоть что-то о нем выяснить. Я не знала, придут ли за ним вообще, будет ли кто-то его искать! Мне надо было узнать хоть что-то, чтобы помочь ему найти его дом и семью!

Олег тяжело вздохнул, уставившись в пол.

— Да, у меня были проблемы, — выдавил он через силу. — Но все уже разрешилось. Теперь все в порядке, и этого больше не повторится. Ты можешь идти со спокойным сердцем, зная, что выполнила свой человеческий долг до конца, — и Олег направился к ней, давая понять, что разговор окончен и он готов проводить ее.

— Подожди, я все же не узнала главного, — Саша даже выставила вперед руку, не позволяя ему схватить ее и вытолкать за дверь. — Где ты был, почему ты его бросил, и почему не пришел за ним в тот же день? Что у тебя были за проблемы и точно ли они закончились?

Казалось, Олег борется с желанием обругать ее последними словами.

— Я по-прежнему уверен, что тебя это не касается, — процедил он. — Что, теперь натравишь на меня свои службы? Заберешь ребенка в детский дом, чтобы быть спокойной, что сделала все, что могла?

— Я хочу знать, что жизни Пети не угрожает опасность.

— Его жизни ничего не угрожает, — прорычал Олег. — Я не алкоголик. И не наркоман, — добавил, не правильно прочтя причину ожидания в ее взгляде.

— А смерть от голода или переохлаждения на улице?

Олег сжал кулаки, и Саша решила не замалчивать этот факт.

— Хочешь меня ударить?

— Ничего, я справлюсь, — мужчина демонстративно убрал руки в карманы спортивных брюк.

— Почему ты считаешь меня врагом? —

спросила вдруг Саша тихо. — Я не копаю под тебя, я не провоцирую тебя, чтобы побежать снимать побои и развить какую-то бурную деятельность против тебя. Если тебе плохо, я готова помочь.

Олег недоверчиво на нее посмотрел.

— Я же вижу — с тобой что-то происходит.

Не для того она отказалась провести вечер в приятном обществе Графа, чтобы сейчас уйти не солоно хлебавши, глотая слезы разочарования. Боже, в который раз она отказывается от встречи с Робертом Стивенсоном, то ради подруги, то ради мальчика. Должно же это принести хоть какой-то результат!

— Спасибо за предложение, — Олег смотрел на нее по-прежнему холодно.

— Я серьезно. Я хочу, чтобы у Пети все было хорошо.

— Я рад это слышать. Значит, мы оба хотим одного и того же, — Олег обошел ее и открыл дверь.

— Не поступай со мной вот так, — совсем тихо произнесла Саша, чувствуя, как на глазах выступают слезы.

— У Пети все хорошо. Сейчас он у моей сестры, и в данную минуту его холят, лелеют и балуют, можешь не сомневаться, — снизошел мужчина до ответа.

Саша заставила себя улыбнуться, и обреченно

шагнула в приоткрытую дверь, без слов захлопнувшуюся за ней, как только она перешагнула порог.

Устало вздохнув, девушка прислонилась к холодной стене тут же, в коридоре, не в силах сделать хоть шаг. Что с ней происходит? Почему она приняла так близко к сердцу случай с этим ребенком? И почему так расстроилась, что Олег не пошел на откровенность? Хотя, кто она ему такая, чтобы он делился с ней своими проблемами.

Сейчас ее визит казался Саше глупой выходкой недалекого человека. На что она только рассчитывала? Такой гордец, как Олег, никогда не признается хоть кому-то, что у него трудности.

— Вадим? Я. Слушай, твое желание приобрести мой Мерс еще в силе?

Саша замерла. Вот это удача — услышать разговор Олега. Конечно, это не хорошо, но ради Пети...

— Да ты с ума сошел? Зачем бы я стал его продавать, если бы мне не нужны были деньги?... Да ты в своем уме? Это же почти даром!.. Ну ты... Ладно, я подумаю.

Олег отключился, и через секунду раздался глухой удар. С рычанием, он что-то разнес в своей тесной прихожей. Саша вздрогнула от этого резкого звука, и сердце ее пустилось в галоп. Ну точно, у него проблемы, и они не закончились.

Послышался звук набираемого номера.

— Вадим, я согласен. Да, только деньги нужны мне завтра... Окей, договорились. Я подъеду.

Бедный, бедный Олег. Во что он влип? Наверняка, с ним что-то случилось, раз ему пришлось оставить своего сына. Наверное, просто не было возможности вернуться за ним.

А Олег уже снова с кем-то разговаривал.

— Завтра я смогу передать первую часть. Да, во второй половине. Нет, с этим все сложнее. Мне нужно время, чтобы партнер подготовил все бумаги. И я еще не уверен, что он готов купить мою долю. Хорошо, я все выясню. Да.

Кажется, мужчина швырнул свой телефон, потому что послышался резкий звук и дребезжание каких-то деталей. Наверняка, запустил им в стену от избытка эмоций.

Осторожно, стараясь не выдать себя, будто ее могли услышать через стену, Саша спустилась на второй этаж, а оттуда стрелой бросилась вниз, во двор, на свежий воздух.

Сердце тревожно сжималось в груди. Что, если так холодно и презрительно он держался с ней, чтобы скрыть свой страх и переживания? Что, если ему угрожает смертельная опасность? И что, если он не сможет собрать нужную сумму? Его... убьют? Боже, во что же он влип?

Саша не заметила, как пересекла двор и вошла в свой подъезд, забыв о собственных страхах. Завтра она обязательно поговорит с Олегом еще раз. Он уверен, что она бесполезна и ничем не может помочь? Возможно, разумеется, но у нее есть один знакомый... очень далекий знакомый... правду сказать — мало знакомый, но у него есть власть и сила. Может, он согласится помочь Олегу и на первое время выручит деньгами? Она не знала, поступают ли так люди в мире Берга, но очень хотелось думать, что мир не без добрых людей, и Берг не лишен великодушия. Конечно, у него нет резона помогать незнакомому человеку, да еще и по просьбе девчонки, видевшей его с оружием в руках. Она сама, наверное, находится в группе риска, как нежелательный свидетель, но... она все равно предложит Олегу это знакомство и попытается разыскать Берга. Иза наверняка знает, где его найти.

Но это завтра. Сегодня у нее просто не хватит духу заговорить об этом. Нужно прийти в себя и успокоиться, а завтра она что-нибудь придумает.

ГЛАВА 20

Берг курил редко, но когда такое желание возникало — предпочитал трубку. Ему нравилось, вскрывая новую упаковку, втягивать носом крепкий

стойкий аромат черешни, когда усиливается слюноотделение и по необъяснимой причине повышается градус настроения.

Он любил набивать трубку табаком, неспешно и несильно утрамбовывая, полностью сосредоточившись на этом процессе. Подносил зажженную спичку, делал короткие глубокие затяжки и закрывал глаза, наслаждаясь запахом, чуть кисловатым, со вкусом вишневой косточки.

Прикрыв веки, Берг вдыхал любимый аромат. Два его спутника не мешали, прекрасно зная о его любви к размышлениям под трубку. Они наслаждались хорошим вином и думали о чем-то своем. Множество мыслей проносилось сейчас в голове их друга. Бергу хотелось вскочить и броситься на улицу, забыв надеть пальто, и мчаться, сломя голову куда-то и что-то делать. Хотелось, чтобы пошел снег и дождь, и гремел гром, чтобы он мог укрыть кого-то на своей груди от беснующейся стихии, но мужчина продолжал сидеть, вальяжно устроившись в мягком кресле.

Иосиф Бергман любил комфорт, прекрасно сознавая, как много трудился, чтобы заслужить возможность им наслаждаться. Он не жалел никаких денег на удобства и уют, ни в чем себя не ограничивая, в то же время не скатываясь в скотское удовлетворение своих похотей, требуя лишь элементарного профессионализма от